

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
КРАСНОЯРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ «НЕМЕЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ
КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО»

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ОСТРОВНАЯ НЕМЕЦКАЯ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ**

*Материалы Всероссийского
научно-практического семинара*

Красноярск, 28–30 октября 2009 г.

КРАСНОЯРСК 2009

ББК 81.2 Нем
П 49

Редакционная коллегия:
Дятлова В.А. (отв. ред.)
Ермакина Н.А.
Сержанова Ж.А.

П 49 Полевые исследования: островная немецкая диалектология и этнография: материалы Всероссийского научно-практического семинара. Красноярск, 28–30 октября 2009 г. / отв. ред. В.А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – с.

Представлены материалы по истории, языку и культуре российских немцев исследователями из различных городов Сибири и России. Затронуты вопросы, связанные с методикой работы в полевых условиях; освещены проблемы работы с информантами.

Предназначен для специалистов, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся вопросами российской немецкой диалектологии и этнографии.

Проведение семинара и издание сборника осуществлено благодаря Государственному контракту № 48 от 28.07.2009 Министерства регионального развития Российской Федерации с Красноярской региональной общественной организацией «Немецкое национальное культурное общество».

ББК 81.2 Нем

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева,
2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 28 по 30 октября 2009 г. в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева прошел IV Всероссийский семинар для молодых специалистов в области диалектологии и этнографии российских немцев на территории Сибири «Полевые исследования: островная немецкая диалектология и этнография». В работе семинара приняли участие специалисты—диалектологи и этнографы и начинающие исследователи (аспиранты, студенты, учителя и учащиеся общеобразовательных школ), историки. Не все доклады вошли в настоящий сборник, но все участники семинара уверены в необходимости проведения подобных обучающих семинаров, создания единой базы исследователей истории, языка и культуры российских немцев.

Девизом семинара послужили слова полевого лингвиста А.Е. Кибрика:

«Никто не учил меня, как надо работать с информантом, что и как спрашивать, как фиксировать услышанное. <...> первая экспедиция была серьезной школой самообразования. Я узнал, чего я не знаю и что должен узнать. Такое положение вещей надо решительным образом менять. И в первую очередь – через процесс обучения будущих специалистов-лингвистов» [Кибрлик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). Изд. 4-е, стереотип. М.: Ком-Книга, 2005. С. 64]. Здесь, конечно, необходим прежде всего опыт практик: фольклорной, диалектологической и учебно-научной лингвистической, чего, к сожалению, на соответствующих факультетах в вузах страны практически не наблюдается.

Предметом обсуждения первых семинаров были:

1) вопросы, связанные с развитием отечественной немецкой диалектологии, знакомство с наследием известных российских диалектологов, диалектологическими школами, сообщения по исследованиям как в сибирском регионе, так и за его пределами [см.: Актуальные проблемы немец-

кой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига): мат. Всерос. науч.-практич. семинара. Красноярск, 2–4 июня, 2008 г. / отв. ред. В.А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2008. 168 с.];

2) вопросы, связанные непосредственно с методикой и методами сбора материалов, их анализом, систематизацией, документацией [см.: В помощь исследователям истории, языка и культуры российских немцев: мат. Междунар. науч.-практич. семинара. Красноярск, 8–11 ноября, 2008 г. / отв. ред. В.А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2009. 152 с].

Проблемы, связанные с полевыми исследованиями, методами работы с информантами, являются предметом рассмотрения настоящего сборника, поскольку все, что «предшествовало созданию конечного продукта, остается обычно за кадром. Между тем эта подводная часть айсберга полевой исследовательской работы также представляет определенный интерес» (Киблик А.Е.). Многие доклады дают наглядное представление о конкретных результатах полевой работы в некоторых городах России и в Сибирском регионе в частности.

Вопросы тесного взаимодействия полевой лингвистики с немецкой отечественной диалектологией, некоторые теоретические аспекты работы с информантами, деятельность полевого лингвиста затронуты в выступлении В.А. Дятловой (Красноярск).

В связи с тем что летом 2009 г. Региональный диалектологический центр исследований языка немцев Сибири при КГПУ им. В.П. Астафьева проводил экспедиции по сбору диалектологического и этнографического материала в Красноярском крае по гранту Красноярской региональной общественной организации «Немецкое национальное культурное общество», на семинаре, были заслушаны сообщения о данной работе, в частности, об опыте анкетирования в полевых исследованиях (Ю.Ф. Филиппова, М.А. Любочки). В сборе материала приняли участие и учителя школ, в которых есть музеи истории и культуры немцев своего района (А.А. Ру-

бен, Р.Я. Беккер, Е.А. Первушина). Результаты своих полевых научных исследований по истории и культуре немцев представили учащиеся школ (М.А. Герлиц, Д.В. Майнер, С.А. Шмикк), студенты (А.В. Лоевская, И.А. Скородумова, И.П. Ланг). Поделились опытом работы в полевых условиях О.А. Александров (Томск), П.И. Костомаров (Томск), К.В. Криворотова (Томск), О.Н. Обухова (Глазов), О.В. Байкова (Киров), Е.В. Конева (Абакан), В.И. Сагина (Красноярск), Н.А. Ермакина (Красноярск), М.С. Смоля (Барнаул), Н.В. Трубавина (Барнаул). Деятельность А.П. Дульзона как полевого лингвиста была представлена в сообщении Ю.В. Щеголихиной (Томск).

Особый интерес вызвали доклады этнографов: Т.Б. Смирновой (научно-исследовательская лаборатория этнографии и истории немцев Сибири Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского), А.Н. Блиновой (Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук), Н.Н. Везнер (Сибирский филиал Института культурологии).

Информация по истории немцев Сибири, ее историографический аспект, была представлена в сообщении М.Г. Степанова (Абакан).

Сборник содержит также рецензию на монографию Ольги Лабуды по исследованию немцев Среднего Урала, опубликованную в Германии: “Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural. Morphosyntaktische Phänomene” (Amadeus, Band 34, 290 S.).

На семинаре были подытожены результаты этносоциологического опроса российских немцев, проведенного летом 2009 г. Региональным диалектологическим центром исследований языка немцев Сибири при КГПУ им. В.П. Астафьева по разработанной Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев анкете, которая включала в себя 75 заданий-вопросов. Всего по Красноярскому краю было собрано 126 анкет, из них по городам Красноярску и Канску – 74, по селу – 52 анкеты.

Заключительным этапом работы семинара было принятие решения о проведении с 13 по 18 сентября 2010 года в КГПУ им. В.П. Астафьева Международной конференции диалектологов на тему «Deutsche Dialekte in Russland: Geschichte, Gegenwart und Zukunft russlanddeutscher Dialektforschung» с участием ведущих диалектологов, специалистов в области островной немецкой диалектологии из Германии и Венгрии.

Выражаем огромную благодарность Министерству регионального развития Российской Федерации (Государственный контракт № 48 от 20 июля 2009 г.) и Красноярской региональной общественной организации «Немецкое национальное культурное общество» за финансово-экономическое обеспечение проведения семинара и выпуска сборника материалов.

В.А. Дятлова,
директор Регионального диалектологического
центра исследований языка немцев Сибири
при КГПУ им. В.П. Астафьева

Опыт лингвогеографического анализа лексического состава немецкого говора Томской области

О.А. Александров

Томский политехнический университет

Отечественная немецкая диалектология характеризуется недостаточным вниманием к лексико-семантическому устройству и функционированию языка российских немцев. Так, лишь в последние годы среди исследований немецких говоров Сибири стали появляться работы, в которых выявляются и обобщаются своеобразные черты лексических микросистем этих устных разновидностей немецкого языка (см. [2], [3], [4]). В связи с этим осуществление идентификации изучаемых говоров не только традиционным путём – посредством выявления признаков второго передвижения согласных (*die zweite Lautverschiebung*), но и через лингвогеографический анализ его лексического состава, который предполагает сопоставление лексики говора с эквивалентной лексикой, зафиксированной в немецких диалектных словарях, представляется актуальным.

Предлагаемая статья содержит основные результаты лингвогеографической идентификации немецкого говора с. Кожевниково Томской области.

Выявленные предварительно фонетические и морфологические особенности немецкого говора с. Кожевниково позволили определить его как смешанный говор с преобладанием черт диалектов западносредненемецкой группы (см. об этом подробнее [1]). В Германии издано семь словарей, презентирующих лексику западносредненемецких диалектов: словарь пфальцских диалектов (*Das Pfälzische Wörterbuch*), словарь эльзасского диалекта (*Das Elsässische Wörterbuch*), словарь лотарингского диалекта (*das Lothringische Wörterbuch*), словарь диалектов Рейнской области (*das Rheinische Wörterbuch*), словарь люксембургского диалек-

та (das Luxemburger Wörterbuch), словарь южно-гессенских диалектов (das Südhessische Wörterbuch), словарь баденского диалекта (das Badische Wörterbuch).

Немцы с. Кожевниково прибыли в Сибирь из бывшей АССР немцев Поволжья. Согласно историческим данным, в Поволжской республике проживали немецкие переселенцы практически из всех районов Германии, где распространены диалекты западносредненемецкой группы: Гессена, Пфальца, Эльзаса, Лотарингии, Рейнских княжеств и др. (см., например, [5]). Поскольку не все вышеобозначенные словари находятся для российских исследователей немецкого языка в свободном доступе, выбор для первого шага лингвографической идентификации словарного состава исследуемого говора пал на словарь пфальцских диалектов (On-line версия этого словаря доступна в сети Интернет).

Пфальцские диалекты в Германии распространены в области Пфальц федеративной земли Рейнланд-Пфальц и на приграничных к Пфальцу территориях соседних федеративных земель (Саар, Гессен, Баден-Вюртемберг). Они образуют одну из подгрупп рейнскофранкских диалектов, которые, в свою очередь, входят в западносредненемецкий диалектный ареал.

Согласно предисловию пфальцского словаря в нём представлена лексика всех современных пфальцских диалектов: в словарь вошел не только языковой материал, собранный на вышеупомянутых территориях Германии, но и лексика островных пфальцских диалектов, функционирующих в Пенсильвании, Галиции, на Дунае и на Чёрном море.

С данными словаря пфальцских диалектов было соотнесено около 500 лексических единиц исследуемого говора. Для оптимизации процесса сопоставления лексических данных была составлена таблица (Приложение 1) левая колонка предназначена для лексики описываемого говора, а правая – для эквивалентов словаря. Левая колонка содержит форму слова в транскрипционной записи и его литературный эквивалент или/и комментарий, которые поясняют значение слова. Правая колонка содержит выборочные данные

из словаря пфальцских диалектов. В процессе работы над таблицей и сопоставления эквивалентов предположительно родственных диалектов в неё вносились соответствующая информация и пометы об особенностях описываемой лексико-семантической системы. По результатам этой работы было выделено несколько групп лексики.

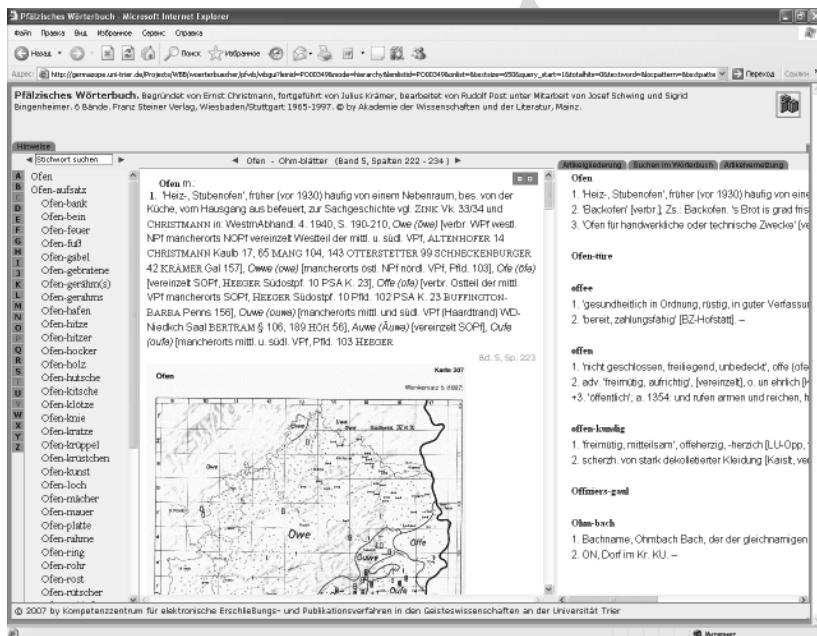
Большая часть исследуемой лексики (около 75 %) обнаруживает эквиваленты в словаре пфальцских диалектов, с которыми она совпадает по форме (звуковой оболочке) и основному значению.

Однако необходимо уточнить, что, во-первых, для устной формы языка характерна высокая вариативность материальной оболочки слова, и потому в словаре пфальцских диалектов дается несколько вариантов транскрипции заглавного слова с указанием территории их распространения (рис. 1). Во-вторых, в процессе исследования во внимание принимались только основные значения сравниваемых единиц, т.к. проведенные первые исследования номинативного состава говора не позволили выявить всю совокупность значений слова.

К обозначенной группе лексем говора, которые совпадают с эквивалентами пфальцского словаря по форме и основному значению, относится преимущественно общенемецкая лексика, которая широко распространена и в немецком литературном языке: *valt / Wald, ker̄sə / Kirsche, glik / Glück, zumər / Sommer, naz / Nase, kelt / Geld, dregiç / dreckig* и др.

Наряду с общенемецкой лексикой эту группу образуют собственно диалектные слова: *šarf / schnell, kastrolə / Kochtopf, fraintə / Freunde* в значении «родственники», *maul / Maul* в значении «рот», *leip / Leib* в значении «живот» и др. Многие из собственно диалектных слов типичны в целом для верхненемецкого диалектного ареала и встречаются в словарях немецкого литературного языка с соответствующими пометами: *Rahm / Rahm* (westmd., südd., österr., schweiz), *keis / Käse* в значении «творог» (landsch.), *šwam / Schwamm* в значении «гриб» (südd., österr.), *štup / Stube* (landsch.), *marodə / marode* (landsch.), *šmant / Schmant* (westmd., ostd.), *springə / springen* (südd., schweiz) в значении «бежать», *kelpri:bə / Gelbrière* (südd.).

Рисунок 1

Ко второй по численности группе в исследуемом словарном запасе немецкого говора относится лексика, которая совпадает с эквивалентами пфальцского словаря по основному значению, но содержит различия в звуковой форме.

Большинство лексем говора с отличной от словарных эквивалентов формой обнаруживает несущественное своеобразие, которое обусловлено особенностями фонетической системы описываемого языка. Например, в изучаемом говоре, в отличие от пфальцских диалектов, конечное *-r* всегда не вокализовано: *engældər* / *Enkel*, *tsugər* / *Zucker*, *modər* / «*Großmutter*», *fadər* / «*Großvater*», *ve:dər* / *Wetter*. Кроме того, в говоре в интервокальной позиции глухому *f* соответствует звонкий лабиодентальный *v*, например: *trevə/treffen*, *pe:vər/Peffer*. Эквиваленты словаря это явление демонстрируют не всегда: *drefə*, *trafe/treffen*, *pefe(r)/Peffer*.

К отдельной группе следует отнести лексемы немецкого говора с. Кожевниково, форма которых отличается от семантических эквивалентов словаря полностью. Например, в значении «магазин» в говоре употребляется *rit*, а в словаре представлена форма более близкая литературному варианту – *Lare, Lade*. В словаре не обнаружены лексемы *atəj* в значении «до свидания», слова *geidə* в значении «тётя», *tumər* в значении «глупец, дурак», *kraišə* в значении «плакать», *aivail* в значении «сейчас», *veis* в значении «тётя».

Источники наличия в изучаемом говоре лексем с отличной от эквивалентов пфальцского словаря формой еще предстоит установить. Это, например, может быть объяснено характерным для языка российских немцев объединением признаков разных материнских диалектов, что требует в дальнейшем расширения спектра словарей для лингвогеографической идентификации лексики говора.

Отличной от эквивалентов пфальцского словаря формой обладает заимствованная лексика говора: *prenik* / «*Lebkuchen*», *taburetkə* / «*Hocker*», *poilə* / «*Fussboden*», *toktər* / «*Arzt*», *tapkə* / «*Hausschuhe*», *pomatorə* / «*Tomaten*».

В словаре пфальцских диалектов не находит соответствий по форме лексика, которая образовалась в говоре посредством словотворчества его носителей: *luftšik* / *Flugzeug*, *tretvaxə* / *Fahrrad*, *fledärmeisi* / *Schmetterling*.

К следующей группе следует отнести лексику говора, которая не имеет эквивалентов в словаре ни по форме, ни по значению. Так, безэквивалентными оказались слова, которые обозначают национальные блюда российских немцев: *nazekuxə*, *kleis*, *kreməl*. Кроме того, в словаре пфальцских диалектов отсутствует лексика, называющая реалии российской или советской действительности: *kolxoz*, „*Kolchos*“. В исследуемом говоре для обозначения этих реалий чаще всего используются заимствования из русского языка.

В результате сопоставления лексики говора с эквивалентами словаря пфальцских диалектов выделилась **еще одна группа**: некоторые лексические единицы изучаемой языковой страты обнаруживают значения, не характерные для эк-

вивалентов словаря пфальцских диалектов. К обозначенной группе можно отнести, например, слово *plats / Platz*, которое в говоре наряду с традиционными для общенемецкой лексики значениями «место, площадь» имеет ещё и значение « пятно». Согласно же упомянутому словарю *Platz* в пфальцских диалектах не имеет этого значения.

В перспективе планируется более полная семантизация собранной и обобщенной лексики, что, предположительно, расширит список слов этой группы.

Библиографический список

1. Александров О.А., Богословская З.М. Немецкий «островной» говор Томской области. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2008. 182 с.
2. Вахрушева Н.А. Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах: фттореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 16 с.
3. Москвина Т.Н. Лексические средства выражения эмоций в островном верхненемецком говоре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 19 с.
4. Штейнгардт Л.М. Особенности репрезентации языковой картины мира российских немцев (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 22 с.
5. Berend N. Sprachliche Anpassung: eine soziolinguistisch-dialektologische Untersuchung zum Russlanddeutschen. Tübingen: Narr, 1998. 253 S.
6. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. PC-Bibliothek Version 2.01 mit Plus-Paket. Die CD-ROM basiert auf der 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. der Buchausgabe in 10 Bänden – 1999, Mannheim: Dudenverl., 2000.
7. Pfälzisches Wörterbuch. Hrsg. von Ernst Christmann, Julius Krämer, Rudolf Post, Josef Schwing, Sigrid Bingenheimer. 6 Bände. Franz Steiner Verlag, Wiesbaden/Stuttgart 1965–1997. URL: <http://germazope.uni-trier.de/Projects/WBB/woerterbuecher>

Приложение 1

Фрагмент таблицы, составленной для сопоставления лексики немецкого говора с. Кожевниково с эквивалентами словаря пфальцских диалектов

34. fadr „Großvater“	Formen: fader. a. leiblicher Vater (<u>основное значение не совпадает</u>). b. Großvater, Vorfahr, bes. wenn der leibliche Vater Papa oder Dade genannt wird. c. Ehemann, gelegentlich im Munde der Ehefrau, bes. in der Anrede. d. Dienstherr in der Anrede des Gesindes. e. Gott (unzer Vadder im Himmel).
35. dada „Vater“	Formen: dade, daade (<u>форма и значение совпадают</u>). 1. Vater, vielorts nur noch scherzh. Gebrauch. 2a. Großvater. b. alter Mann. 3. für einen alten, einfältigen Mann.
36. put „Laden“	Formen: lare, lade (<u>форма не совпадает</u>). 1a. Fenstladen. b. Klappe an der Saustalltür. d. vorderes oder hinteres Verschlußbrett des Kastenwagens. e. Brett. f. kleine Metzgermulde. g. Klappe der Knabenhosen (hinten). h. Schlitz der Knaben- Männerhosen. 2a. Kaufladen, Ladengeschäft. b. Ladentisch, Warenregal. c. üble Verhältnisse (<i>Sauladen</i>).
37. nazəkuхә	<u>форма и значение не обнаружены</u>
38. atəj „Tschüß“	<u>форма и значение не обнаружены</u>
39. plit „часть пе- чи, на ко- торой го- товят пи- щу“	<u>форма и значение не обнаружены</u>
40. kastrolə „Koch- topf“	Formen: kasserole, kastrol (<u>совпадает</u>) 1a. Eiserner Topf zum Kochen und Schmoren. b. <i>Kasserolche</i> – kleine Bratpfanne. 2a. scherzh. für Bett <i>Kassrolche</i> . b. Freiplatz beim Fangspiel. 3. kleine Pistole, Terzerole.

41. gaidə „Tante“	Formen: tandem, dande (<u>форма не совпадает</u>) 1a. Schwester eines Elternteils. b. Schwester eines Großelternteils. c. ältere weibliche Verwandte, insbesondere von ledig gebliebenen Verwandten. d. Patentante. e. Hebamme. f. jede fremde Frau. 2. übertr. Abort.
42. fraintə „Verwandte“	Formen: freind. 1a. wie schd. b. Liebhaber, Schatz. 2. meist Pl. Verwandte (<u>форма и значение совпадают</u>).
43. keis „Quark“	Formen: kees, käs, kaas. 1a. Quark (<u>форма и значение совпадают</u>). b. trockener Handkäse. 2a. Zahnkäse. b. Tresterkuchen, Rückstand beim Keltern. c. Köpfe des Blumenkohls. d. Frucht der Malve, auch die Blume selbst. e. Kohlweißling.

К ВОПРОСУ О ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ ЭТНОГРУППЫ «РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ»

Альмяшова Л.В., Нестерова Е.Н., Халимова Е.В.
*Кемеровский технологический институт
 пищевой промышленности*

Компонент «этно-» является в наше время, во-первых, очень востребованным словообразовательным элементом, в частности, в научной терминологии. Это вполне может быть отражением того факта, что в современных условиях глобализации интерес к отдельной национальной группе, по-прежнему, не лишен своей состоятельности. Более того, особенности этнокультурных процессов в странах мира становятся все чаще притягательным материалом для исследований. Через призму национальной обусловленности рассматриваются и многие направления традиционных лингвистических исследований. Во-вторых, его популярность связана в настоящее время с тенденцией к интеграции нескольких областей наук. Так, интеграция современных научных направлений в области социологии и лингвистики может по-новому раскрыть проблемы этнической субъектности.

Этносоциология, иначе говоря, социология межнациональных отношений, является тем направлением в социологии, которое изучает сущность, общие закономерности развития и функционирования этнических общностей, разрабатывает методологические основы исследования. Этносоциология имеет очень широкий спектр направлений, интересов. Этносоциология является сравнительно новым направлением этнографической науки. Она возникла на рубеже 70-80-х годов XX века и была признана весьма актуальной и перспективной отраслью [1:1].

Прикладное значение результатов исследований в этносоциологии трудно переоценить. Так, этносоциология может выявить и заострить внимание на проблеме современного состояния дел с российскими немцами. Научный интерес к проблемам российских немцев отличается разносторонней тематикой, в том числе и в этносоциологическом аспекте. В условиях полигэтничного государства российские немцы, как этническая субъектность, не должны потерять своей социальной значимости, даже, когда под влиянием современных экономических, социальных, политических факторов произошел стремительный рост эмиграции.

Ономастика – раздел лексикологии, который изучает имена собственные. А антропонимика – раздел ономастики, который изучает происхождение, изменение, географическое распространение и кроме всего прочего социальное функционирование имени. Собственными именами насыщена человеческая речь, они сопровождают людей во всех сферах жизнедеятельности. Личные имена принадлежат к наиболее древним онимам. Фамилии появились сравнительно недавно. Собственные имена в истории развития любого языка занимают далеко не последнее место. Ономастикон – это именной фонд языка, который относится не только к истории его развития, но и к духовной культуре каждой нации. Ономастикон в широком смысле может представлять собой своеобразные истоки, являясь свидетельством о начальных стадиях этнических культур. Наряду с разнообразием собственные имена носят также и самобытный характер в отличие от апелля-

тивной лексики [2:1]. Это утверждение верно в полной мере и для немецкого языка. Немецкий – язык западногерманской группы, входящей в состав индоевропейской семьи. Носителями языка являются более 98 миллионов человек.

Немецкие личные имена, с которыми мы встречаемся сегодня, накопились постепенно, были заимствованы из разных источников. Часть их восходит к древним германским онимам, многие в разное время были заимствованы у других народов. Древнейшие из имен германского происхождения зародились в VII-IV вв. до н.э. Как и в других индоевропейских языках, они составлены из двух частей и были призваны магически «влиять» на судьбу человека, дарить ему силу, отвагу и т.п. Это отражено в этимологии многих имен, существующих и сегодня, например: Bernhart – «*hart*, *stark wie Bär*», ср. русские: Святослав, Владимир и т.п. Из древнейшего слоя личных имен – их обнаружено около 2 000 – сегодня едва ли наберется сотня действующих. Уже в раннем средневековье был полностью утрачен «магический смысл» личных имен.

Во второй половине VIII в. в немецкий язык начинают проникать из Италии имена, связанные с христианством: сначала имена из Ветхого Завета – Adam (древнееврейск. «первородный»), Susanne (древнееврейск. «лилия»), затем Andreas (греч. «храбрый»), Agathe («добрая»), Katharina («чистая»), из латинского – Viktor «победитель», Beata «счастливая». Особенно активно библейские имена заимствовались в XV веке. Причем, в католических семьях предпочтение отдавалось именам святых – покровителей младенцев, в лютеранских – именам библейских персонажей. Личные имена религиозного содержания создавались и из немецких слов и основ: Traugott, Gottlieb, Gotthold.

Данные антропонимики существенны не только для разделов языкоznания, но также для социологии, истории народа[3:102]. В нашем исследовании затрагивается проблема личного имени в связи с его социальным функционированием в среде немецкоязычного этноса на территории бывшего СССР. Внимание к этой национальной группе основывается на историческом факте переселения немцев Поволжья

в начале Великой Отечественной войны именно в Сибирь. Нас интересуют конкретные временные и пространственные рамки – с момента депортации российских немцев в 1939–1941 гг. в Кузбасс, Алтай и по настоящее время. Материалом работы послужили данные опроса, проведенного среди носителей немецкого языка. Задачей было найти и опросить как можно больше людей с немецкими фамилиями. Среди опрошенных были те, кто имел немецкие корни, т.е. буквально немецкие фамилии. Это были студенты разных факультетов КемТИППа, которые являются третьим или четвертым поколением тех переселенцев, жители сел и деревень, (откуда родом сами авторы статьи). Особо надо отметить активность старших представителей российских немцев, которые с удовольствием отвечали на вопросы, делились воспоминаниями, проявляли искреннюю заинтересованность и старались всячески содействовать нашей работе.

В связи с обращением к такому приему для сбора исследовательского материала, как опрос, следует упомянуть, что первая работа, в которой были использованы и проанализированы данные, собранные посредством опроса, была, ставшая классической, книга У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», вышедшая в 30-е годы XX века. Она представляет собой подробный анализ влияния социальных изменений на польскую семью, первичные группы и связи в двух средах – в Польше и США. Анализ проблем польских эмигрантов авторы осуществили на материале, который представлял собой около 50 переписок между семьями, живущими в Польше и США, а также вырезки из газет и журналов, автобиографии, полевые записи, сделанные в польских сообществах и организациях. Все эти материалы, объединены были в понятие «документы жизни» (human documents), они были выражением человеческих чувств, обыденного опыта и восприятия[4:1].

Нами были собраны «документы жизни» 19 семей, большей частью, так называемых, поволжских немцев, из них три факта касались немецких семей, депортированных из Западной Украины еще в 1939 году.

Собранный материал целесообразно представить в виде таблицы.

Таблица 1.

Сводные данные опроса

№	Семья, депортированная в 1941 году	имена детей, с указанным годом рождения	Имена детей (внуков) до 70-х гг. 20 в.
1	Клостер Фридрих и Эмма	Иоганн (1935)	Андрей, Нели, Екатерина, Анатолий, Александр
		Вильгельм (1938)	Алексей, Марк
		Роза (1940)	Ольга
2	Адергот Густав и Эмилия	Дора (1928)	-
		Амалия (1929)	Ирина (1946), Александр (1950), Элла (1951), Виктор (1953), Владимир (1955)
		Эмма (1932)	Лидия (1958), Ольга (1960), Эдит (1965),
		Фрида (1937)	Юрий (1961), Владимир (1967)
3	Вунш Лея и Георгий	Артур (1931)	Сергей
		Альбрехт (1938)	Николай, Валентина, Светлана, Галина
		Рудольф (1942)	-
		Александр (1946)	-
4	Кригер Константин и Пелагея	Виктор (1945)	Юлия, Ольга
		Любовь (1950)	Алексей, Алла, Алена, Константин
		Владимир (1953)	Наталья, Светлана

5	Грайзер Иосиф и Мария	Альбрехт (1931)	Эвальд (1953), Константин (1956), Антонина (1961), Иван (1966)
6	Гоммерш- мидт Александр и Ефросинья	Михаель (1926)	Александр, Виктор
		Берта (1928)	Валентина, Мария, Екатери- на, Александр, Эдуард
		Александр (1930)	Ирина, Антонина, Марина
		Мария (1932)	-
7	Гельман Александр и Катарина	Цицилия (1934)	Александр, Сергей, Влади- мир
		Александр (1936)	-
		Франна (1937)	Владимир, Сергей
		Роза (1941)	Светлана, Анатолий
8	Юнеман Ио- ганес и Аль- ма	Эвольд (1936)	Ольга, Александр
		Фрида (1938)	Антонина, Иван
		Давид (1945)	-
		Александр (1950)	-
9	Зенк Александр и Амалия	Альма (1933)	нет данных
		Гильда (1936)	нет данных
		Рихард (1940)	Марина, Екатерина, Дми- трий
10	Майенер Александр и Мария	Эмма (1930)	нет данных
		Александр (1932)	нет данных
		Якоб (1935)	нет данных
		Галина (1946)	Александра, Михаил
11	Гартман Георгий и Матильда	Николаус (1921)	-
		Георгий (1923)	Галина, Эльвира
		Матфей (1935)	Александр, Лидия, Елена

12	Рааб Эдуард и Екатерина	Ида (1926)	Валентина, Лилия, Екатерина, Людмила
		Берта (1928)	Валентина, Иван, Екатерина, Мария
		Эрна (1929)	Анатолий, Лариса, Владимир
		Амалия (1930)	Василий, Любовь
		Эдуард (1932)	Анатолий, Елена
		Владимир (1941)	Ольга, Наталья
		Тереза (1936)	Владимир, Борис
14	Грауле Якоб и Тереза	Эмма (1937)	Яков, Виктор
		Валентина (1939)	Маргарита, Владимир
15	Кельн Фридрих и Сусанна	Полина (1938)	-
		Лидия (1941)	-
		Александр (1952)	Александр, Мария
		Виктор (1956)	-
16	Кригер Вильгельм и Лидия	Лидия (1937)	Василий, Юрий, Ольга
17	Гисс Эмиль и Анна	Август (1925)	Виктор, Анна, Мария
		Мария (1928)	Александр, Лидия, Владимир
18	Штиль Иосиф и Гульда	Мартин (1936)	Макар, Иван, Ольга
19	Вольман Юльюс и Елизавета-Екатерина	Лидия (1923)	Валентина, Дина, Маргарита
		Клара (1930)	Александр, Андрей

Из девятнадцати немецких семей, депортированных на жительство в районы Кемеровской области и Алтая, национально окрашенные личные имена у обоих супругов при-

существуют в девяти случаях (1, 2, 5, 8, 13, 14, 15, 18,19), что составляет 47,4%. Типично немецкое личное имя у одного из супружеских наблюдается еще в шести семьях (3, 7, 9, 11, 16, 17). В четырех эпизодах национально маркированными являются только фамилии (4, 6, 10, 12). Таким образом, из 38 оных, связанных с именованием мужчин или женщин, 24 оных (63,2%) можно считать проявлением немецкоязычной культуры. В связи с этими данными по фактам имянаречения необходимо отметить, что в среде немецких колонистов уже в конце 19, начале 20 веков было модным щеголять знанием русского языка, дав ребенку «русское имя», кроме того расширялись контакты с окружающим русскоязычным населением, заключались браки с русскими девушками (примеры № 4- Миронова Пелагея Васильевна, 1915 г.р.и № 6- Ефросинья Ивановна Зыкова, 1902 г.р.). Кроме того, была введена с 1880-90 гг. воинская повинность и стала практиковаться замена немецких имен на русские, но в церковных записях немецкие имена сохранялись. В ряде посемейных списков сочеталось немецкое и русское написание имени. К слову сказать, с женскими немецкими именами этого не происходило.

В результате опроса были выявлены также и личные имена детей в этих девятнадцати семьях. В отношении личных имен детей, следует обратить внимание на два следующих момента, а именно на год рождения ребенка и, соответственно, личное имя. Итак, 46 детей из 56 были подвергнуты репрессии, т.е. депортации вместе с родителями, причем двум детям не исполнилось и года на период переселения. Только десять детей были рождены уже на местах поселения, причем даты рождения этих детей (1945, 1946, 1950 и т.д.) являются «говорящими». Что касается соотношения личных имен, то оно таково: характерными для немецкоязычной культуры могут считаться 44 имени, что в процентном отношении дает цифру 78. Обращает на себя внимание и такой факт, как повторение в каждом роду имени, чаще всего мужского, из поколения в поколение. Примеры № 6, 7, 10, 11, 12, 16. Это не оттого, что немцы-колонисты не знали других имен. При присвоении имени новорожденному ро-

дители руководствовались строгими правилами. Немцы часто давали детям имена не только в честь бабушек и дедушек, но и в честь отца или матери. И хотя данные в разме-ре 22% личных имен не могут быть показателем национальной принадлежности, однако 78% говорят в пользу стабильности при самоидентификации немецкой этнической группы в составе уже СССР.

Следующий же ряд данных, собранных в результате опроса, касается уже личных имен внуков. 108 личных имен, данных детям в период от 1946 г. до 70х гг., нельзя назвать немецкими национальными имена полностью. Одна из функций личного имени, касающаяся индивидуализирующей номинации, естественно сохраняется, об этом не идет речь. Исчезает национальная окрашенность личного имени, указание на принадлежность к национально-языковой общности. Этот факт является собой самый наглядный пример той ассимиляции, произошедшей внутри этногруппы российских немцев в результате насильственного переселения. В 1950-е гг. отношение к депортированным немцам изменилось, но проблема российских немцев не решена в полной мере и до сих пор.

Депортация стала началом национальной дезорганизации, когда разрушению подверглась целостность отношений к традиционным формам жизни, коими являются родной язык, обычаи, традиции, уклад жизни, имянаречие и т.п. Так, перепись 1959 года свидетельствовала об уровне сохранности родного языка разными народами на территории СССР. Только 75% немцев называли родным языком немецкий [5:178]. Что касается немецких личных имен, то зачастую местные органы власти препятствовали регистрации детей немецкими личными именами как именами «проклятых фашистов». Следствием этого стало стремление многих немцев скрыть свою национальность, сменить фамилию, записать своих детей русскими. Для межличностной коммуникации чрезвычайно важным оказались личные имена, которые являлись своего рода опорными точками в общении и взаимопонимании людей. Личное имя делало «чужаком». «Чужое» имя настораживало и препятствовало установлению контактов.

Именно депортация повлияла на полное исчезновение немецких личных имен в среде этногруппы российских немцев.

Таким образом, заинтересовавшись проблемой личных немецких имен российских немцев, мы провели своеобразное исследование в социологическом и лингвистическом аспекте, с этнической обусловленностью. Поставленная задача – собрать живой материал посредством опроса представителей этногруппы российских немцев, обработать и проанализировать данные, была выполнена. Достигнута цель работы, приводящая к выводу – политика государства в отношении к этногруппе российских немцев стала теми историческими и социальными факторами, которые повлияли на полный отказ российских немцев от своих национально маркированных личных имен.

Список литературы

1. Этносоциология. URL: <http://wikipedia.org>
2. Психолингвистика. URL: <http://wikipedia.org>
3. Никонов В.А. Личные имена в современной России. Вопросы языкоznания №6 1967. С. 102–111
4. 4. Этносоциология. URL: <http://wikipedia.org>
5. Ауман В.А., Чеботарев В.Г. История российских немцев в документах. С. 178–179.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Байкова
*Киров, Вятский государственный
гуманитарный университет*

История, культура и язык российских немцев уже давно являются предметом пристального внимания российских и зарубежных ученых. В России, где изучение диалектов имеет свои давние традиции, в центре исследования всегда находились жители языковых островов и их диалекты.

В настоящий момент ученые, изучающие специфику развития немецких островных диалектов, столкнулись с проблемой их постепенного исчезновения. Обычно исчезновение диалектов (в нашем случае островных диалектов) рассматривается в соответствии с термином «смена языка». Если речь идет о полной ликвидации языка, «вымирании» диалектов, тогда говорят уже о «смерти» языка или диалектов. По мнению Клауса Й. Маттайера, понятие «смерть диалектов» показывает медленный, проходящий через поколения, процесс отмирания, потерю функций диалекта в коммуникативном акте и медленную ликвидацию диалектной компетенции, как, например, в языковых островах США [Mattheier 2003: 13].

В России, в бывшем Советском Союзе немецкие диалекты претерпели несколько иное изменение, то есть в данном случае речь идет не о медленной, типичной для языковых островов адаптации к языковому окружению, а о резком прекращении их существования. Очень точно подметил и описал данный феномен русский диалектолог Е. А. Ростовцев. Приехав в 1993 г. в село Михайловка Павлодарской области – в швабский немецкий языковой остров – ученый наблюдал печальную картину языкового разрушения. Он писал: «Диалект уйдет вместе с нынешним поколением его носителей, умрет, но умрет стоя, являясь до последнего времени полноценным средством общения и сохранив языковые реликты, не прослеживаемые даже на прародине, где реэмигрантов обычно встречают словами “Так у нас говорили лет сто пятьдесят-двести тому назад”» [Ростовцев 1993: 82].

Как известно, до настоящего времени сохранились отдельные замкнутые языковые острова, в которых проживают носители различных немецких диалектов, предки которых переселились в Россию во второй половине XVIII – начале XIX века из Германии, и эти говоры уже в большей степени описаны. Однако существуют и такие поселения российских немцев, которые до настоящего времени мало изучены или о которых совсем ничего не известно. К таким малоизученным поселениям и относятся бывшие спецпоселки Созимский и Черниговский Верхнекамского района Киров-

ской области. Немецкие говоры вышеназванных населенных пунктов представляют собой два основных диалектных ареала: нижне- и верхненемецкий, в которых в результате отрыва от основного этнического массива сформировался целый ряд специфических фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, обусловленных внутренними законами их развития. В то же время их структура длительное время подвергалась и продолжает подвергаться воздействию иноязычного окружения (русского, татарского языков), что вызвало своеобразные изменения и привело к интенсивным процессам выравнивания и унификации.

В январе 1999 г. в рамках научного проекта семинара славистики Пурского университета г. Бохума (Германия) «Lautsprachlich basierte Linguistik» при финансировании Немецкого исследовательского фонда (Deutsche Forschungsgemeinschaft) на базе Лаборатории по изучению вятских говоров и фольклора Вятского государственного педагогического университета проходил международный симпозиум «Акустический аспект лингвистических исследований» с участием ученых из городов Курска, Перми, Кирова, Бохума, где было выдвинуто предложение исследовать историю и язык российских немцев Кировской области, представляющих собой богатый научный материал региона. Данное предложение и определило в дальнейшем одно из научных направлений лаборатории, а именно комплексное исследование диалектов (говоров) российских немцев Кировской области, которое проводится в настоящее время по четырем аспектам: историческому (демографическому), культурному, социолингвистическому и собственно лингвистическому. Исторический (демографический) аспект направлен на получение и обобщение данных (в том числе и статистических) относительно истории появления немцев на Вятской земле, географии расселения и численности российских немцев в обследуемом регионе, о возрастном составе, происхождении. Культурный аспект дает возможность познакомиться с культурой российских немцев, их эт-

ническим сознанием, отношением к соседним инонациональным группам. Социолингвистический аспект помогает выяснить так называемую «лингвистическую биографию» информантов и их владение родным немецким языком. Собственно лингвистический аспект определяет уровень владения диалектом (говором) информанта-диктора.

С 1999 по 2008 гг. автором статьи и сотрудниками Лаборатории экстралингвистических исследований были проведены диалектологические и этнографические экспедиции в Верхнекамский, Нагорский, Лузский районы Кировской области, которые представили богатый языковой, исторический и этнографический материал (в объеме 44 часов звучащей речи, записанной от 26 информантов-дикторов) для дальнейшего лингвистического исследования. Проведенные экспедиции помогли составить на каждого информанта-диктора анкету биографических данных, включающую в себя социолингвистическую и демографическую характеристики, записать на цифровой магнитофон (тип SONY WM-D6C и SONY TCD 100) языковой материал, включающий тексты на свободную тему, перевод 40 предложений с литературного немецкого языка на диалект по анкете германиста-диалектолога Г. Венкера и перевод 200 отдельных словоформ с литературного немецкого языка на диалект по анкете российского германиста-диалектолога профессора В. М. Жирмунского [Архив Российской Академии Наук. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. хр. 38], дающих большую возможность изучить звуковой строй исследуемых говоров.

Поскольку представители старшего поколения до сих пор обнаруживают достаточно прочные знания родного языка – диалекта, которым они овладели в детстве в условиях проживания в немецкоязычной среде Поволжья, Украины или Причерноморья, – при сборе диалектного материала мы сознательно ориентировались на лиц пожилого возраста, ожидая от них наиболее высокого уровня языковой компетенции.

При выборе информантов-дикторов учитывались следующие факторы: 1) информант-диктор не имеет никаких патологических отклонений в речевом аппарате; 2) темп ре-

чи нормальный (в среднем около 90–100 слов в минуту); 3) предки информанта-диктора – выходцы из материнских колоний Поволжья и Украины; 4) информант-диктор живет в данном селе с начала депортации; 5) возрастной ценз – старшее поколение от 65 лет. О каждом из информантов-дикторов мы имеем точные данные относительно его места рождения до начала депортации 1941 г., поэтому у нас была возможность в ряде случаев сопоставить говор того или иного информанта с говором представителей его родного села на основе материалов из диалектологического архива академика В. М. Жирмунского, проводившего в 20-х годах XX века анкетирование в большинстве регионов Причерноморья (на юге России, на Украине, в Крыму и Закавказье).

При исследовании речи немцев-билингвов Кировской области нами использовались методы слухового анализа речи в условиях естественной коммуникации и слухового анализа речи, записанной на магнитофонную ленту при помощи цифрового магнитофона DAT, сравнительно-сопоставительного (при соотнесении определенной диалектной системы с другими диалектными системами, а также системой стандартного литературного немецкого языка), статистического анализа, компьютерного анализа речи. Привлечение этих методов к анализу материала позволило рассмотреть обнаруженные языковые явления более объективно и представить материал с достаточной наглядностью.

Компьютерный анализ исследуемого языкового материала выполнен в Лингвистической лаборатории семинара славистики Рурского университета (г. Бохум, Германия) с помощью программы PRAAT (автор – Paul Boersma). Программа анализа позволила получить осцилограммы, огибающие интенсивности и основного тона, текущие узко- и широкополосные спектры, огибающие спектральных разрезов любого сегмента. Важной особенностью анализатора является возможность одновременного визуального (на экране монитора) и аудитивного (в наушниках) контроля сегментации. Сегментация осуществлялась полуавтоматически с помощью двух курсоров, между которыми находился искомый сегмент.

Формантный анализ осуществлялся полуавтоматически путем движения курсора по огибающей разреза, пики которой фиксировались в файле данных [см. Бухаров 1995: 98–99].

Весь собранный лингвистический материал был обработан следующим образом: 1) индексирование, протоколирование, сегментация и транскрипция записанного материала выполнялась с помощью аудиторов и научных сотрудников Лингвистической лаборатории семинара славистики Пурского университета (г. Бохум, Германия) и Лаборатории экспериментально-фонетических и перцептивных исследований языков различного типологического строя Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров); 2) ввод текстов в анализатор компьютера типа IBM PC с целью дальнейших исследований, а также перевода их на CD-носители; 3) сегментация текстовых файлов на звуковые файлы с последующей их сегментацией на отрезки, соответствующие синтагмам, отдельным словам, слогам и звукам; 4) полуавтоматическое снятие данных: частота основного тона и формантные пики в любой части спектра, интенсивность и длительность; 5) полученные данные сохраняются автоматически на диске компьютера в файлах данных, обработка данных осуществляется при помощи программ GOLDWAVE, PRAAT.

Все полученные данные составляют часть звукового фонда записей устной речи жителей Вятки конца XX – начала XXI веков, имеющихся в Лаборатории по изучению вятских говоров и фольклора ВятГГУ и акустической базы данных «Русские диалекты» архива звучащей речи Пурского университета г. Бохум (Германия).

Библиографический список

1. Архив Российской Академии Наук. Ф. 1001. Оп. 1. Ед. Хр. 38.
2. *Бухаров В.М.* Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 138 с.
3. *Ростовцев Е.А.* Функциональный статус швабского диалекта Закавказья после депортации его носителей. Немцы Си-

- бири: история и культура: Материалы научно-практической конференции. Омск: Изд-во ОГПИ, 1993. С. 81–85.
4. Mattheier K.J. Sprachinseltod: Überlegungen zur Entwicklungs dynamik von Sprachinseln. Deutsche Sprachinseln weltweit: Interne und externe Perspektiven. – Frankfurt am Main: Lang, 2003. S. 13–32.

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ И КАТАЛОГИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОНАТОВ НЕМЕЦКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

А.Н. Блинова

*Музей археологии и этнографии
Омского государственного
университета*

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета (МАЭ ОмГУ) основан в ноябре 1974 г. по инициативе и при участии преподавателей и студентов исторического факультета. В настоящее время он является учебным, научно-исследовательским и культурно-просветительским учреждением. Музей собирает, хранит и экспонирует памятники материальной и духовной культуры народов Западной Сибири и сопредельных регионов. В фондах музея сосредоточено 350 000 тыс. единиц хранения. Кроме основных отделов археологии и этнографии, в музее имеется антропологическая, нумизматическая, художественная коллекции. Кроме этого, при музее имеются архив, библиотека, фототека, фонотека и переданный в музей архив известного отечественного археолога М.П. Грязнова. В этнографическом фонде хранятся коллекции по культуре сибирских татар, русских, немцев, прибалтов, украинцев, казахов, шорцев, телеутов, чувашей, хантов, манси, ненцев.

Начало немецкой этнографической коллекции было положено в 1989 г., когда была организована первая историко-этнографическая экспедиция в места компактного проживания немцев в Западной Сибири. Этнографические экспе-

диции были проведены в 139 населенных пунктах Омской, Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края. Все собранные в экспедициях материалы хранятся в архиве Музея археологии и этнографии ОмГУ. Они включают в себя около 2 тыс. тематических карточек, полевые описи, опросные листы по современным этническим процессам (более 3 тыс.), видео-, аудио- и диктофонные записи бесед с информантами, фототеку (940 фотографий, подаренных информантами, и более 2 тыс., сделанных в экспедициях), этнографические экспонаты (464 ед. хр.).

Архив экспедиционных материалов активно используется в научной и учебной работе. Этнографические экспонаты использовались при создании постоянной экспозиции (раздел «Немцы») и выставки «Декоративно-прикладное искусство немцев Сибири» в МАЭ ОмГУ, передвижной выставки, которую проводил Новосибирский РНД, при создании диска «Музей археологии и этнографии ОмГУ. Этнографическая экспозиция». Часть экспонатов, собранных в совместных экспедициях с Омским государственным педагогическим университетом и отделом культуры Азовского немецкого национального района, была передана в музеи этих организаций. В настоящее время сделаны научные описания экспонатов и подготовлен к печати каталог немецкой коллекции МАЭ ОмГУ.

Состав коллекции отражает сложный этнический состав немецкого населения Сибири. Современное территориальное размещение российских немцев в Сибири сформировалось в основном в конце XIX – первой половине XX вв. в результате переселения немцев из европейской части России.

В России немецкие колонии располагались компактно в Поволжье, Украине, Крыму, Прибалтике, на Кавказе и Волыни. Внутри этих территориальных общностей проходили процессы консолидации, и появились региональные названия: «поволжские», «волынские», «украинские» немцы. Обособленной группой среди российских немцев всегда были меннониты, которые по происхождению являются голландцами и представляют собой этноконфессиональную группу.

Бытовая культура немцев Сибири была основана на традиционном хозяйстве. Основу хозяйства немцев составляли пашенное земледелие и животноводство. Большинство немецких крестьян в Сибири занимались мелким ремесленным производством и промыслами. Почти в каждой немецкой деревне были кузницы (*schmieden*) и столярные мастерские (*tischlerei*), в которых ремонтировали сельскохозяйственную технику и изготавливали несложные орудия труда. Почти в каждой деревне была мельница – ветряная или паровая. Паровые мельницы принадлежали в основном меннонитам. Было развито маслоделие и производство сыра. В фондах музея хранятся орудия труда, которые использовались в хозяйстве: столярные инструменты, ножницы для стрижки овец, кнут, хомут, детали ткацкого станка, щетки и чесалки для шерсти, прядки разных видов, лопаты, грабли, маслобойки из дерева и стекла, прессы для изготовления колбасы. Кроме того, в экспедициях была собрана утварь, которая использовалась в домашнем обиходе: корыта для теста и кормов, корзины, коромысла, утюги, маннергольцы, ступки, кофемолки, разнообразная посуда.

Самая большая часть немецкой коллекции относится к интерьеру. Сохранение специфических черт связано с особым отношением немцев к жилищу – к показателю не только благосостояния, но и проявления таких черт, как аккуратность, чистоплотность, трудолюбие. Например, побелку жилища принято проводить минимум два раза в год, перед Пасхой и осенью, перед праздником урожая, печи белят каждый месяц. Немецкое жилище в Сибири сохраняет свое своеобразие благодаря мебели, привезенной из материнских колоний или изготовленной местными столярами. В коллекции имеются диван, стол, стулья, лавки, сундуки, полки, детские колыбели. Большое место в интерьере занимали и занимают предметы женского рукоделия – это украшенное вышивкой и кружевом постельное белье, дорожки, думки, салфетки. Особую гордость коллекции составляют три домотканых ковра. Верующие немцы украшают стены «шпрухами» – красочно оформленными изречениями из Би-

блии. В коллекции имеются предметы фабричного производства – старинные часы, шкатулки, изделия из фарфора.

Было собрано сравнительно небольшое количество предметов одежды. Одежда немецких колонистов еще до переселения в Сибирь находилась под сильным воздействием городской моды, и того, что мы привыкли называть «традиционным костюмом», у российских немцев просто не существовало. Во многих немецких колониях европейской части России существовали фабрики и мануфактуры, которые выпускали суконные и полотняные ткани, поэтому домашнее ткачество не получило значительного развития и еще до переселения немцы использовали покупные ткани. Тем не менее в коллекции имеются несколько платьев, блузки, жилеты, детская одежда, вязаные чулки в полоску, текстильная мягкая обувь (*шойгель*), кожаные ботинки. Основной будничной обувью была кожаная обувь на деревянной подошве – *шлеры*. Их изготовлением занимались профессиональные столяры и плотники, но мог их изготовить и любой мужчина. Для подошвы шлер брали заготовки из хорошо просушенного дерева и вырезали пластины по форме ноги с небольшим ка-блуком. Подтреугольный носок выкраивали из одного куска кожи и прибивали к подошве гвоздями с большими шляпками. Для праздничного костюма был характерен тот же комплекс одежды, что и для повседневного, однако для его изготовления использовали ткани более светлых тонов и более дорогие. Праздничные чепчики отделялись кружевами. Белые отложные воротники вышивались гладью. Праздничную одежду чаще шили портнихи. Те женщины, у которых были швейные машинки, часто ходили по домам и шили на заказ. В коллекции имеются предметы обрядовой одежды: свадебные венки и цветы, ленты и траурные повязки.

Немецкий народный костюм, сложившийся в конце XIX – начале XX вв. в русле общеевропейских тенденций развития одежды, сохранял в себе ряд самобытных черт до 1930-х гг. В дальнейшем традиционный комплекс одежды был почти полностью утрачен, сохранившись лишь в обрядовой одежде. Процесс вымывания национально-специфических черт в одеж-

де привел к тому, что нынешнее поколение немцев Сибири имеет слабое представление о народном костюме.

Особую часть коллекции составляют предметы, связанные с религией. В первую очередь это религиозные книги, песенники, молитвенники, распятия. Выделить в отдельную часть коллекции культовые предметы достаточно сложно, поскольку религия пронизывала всю повседневную жизнь российских немцев.

Этническая специфика в сельской культуре немцев Сибири существовала вплоть до 1990-х гг. Это связано с тем, что большое количество немецких населенных пунктов было моноэтничным по своему составу. Но с началом массовой эмиграции российских немцев в Германию культурная специфика быстро исчезает или приобретает вторичные формы.

На сегодняшний день готова рукопись каталога немецкой коллекции Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, издание планируется в следующем году. Каталог является 15-м томом в серии каталогов «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев». В настоящий том вошло 269 описаний предметов. В каталоге принята примерная группировка предметов по темам в соответствии с тематической группировкой этнографических музейных памятников, разработанной сотрудниками Российского этнографического музея [1]:

- культура первичного производства: 1) земледелие, скотоводство, пчеловодство, собирательство, рыболовство, охота и т. д.; 2) ремесла (обработка кожи, дерева, растительных волокон, строительное дело и т. д.);
- культура жизнеобеспечения: 3) поселения и жилища (элементы наружного декора жилища, обстановка и украшение жилых помещений и т. д.); 4) костюм (одежда, украшения); 5) пища; 6) утварь, посуда (утварь для питания и курения, утварь хозяйственно-бытовая, весы и гири и т. д.); 7) средства передвижения;
- соционормативная и гуманитарная культура: 8) соци-

онормативные институты; 9) война и вооружение; 10) религиозный культ; 11) праздники и обряды; 12) воспитание и обучение; 13) игровая деятельность; 14) музыкальное творчество; 15) народные знания; 15) народное искусство.

Авторский коллектив рукописи придерживался следующего порядка описания предметов:

- название (если есть – местное);
- данные о материале, а по возможности, и о способе изготовления;
- описание формы, конструкции и декора;
- размеры;
- характеристика состояния предмета (конкретные сведения о дефектах и поломках);
- сведения об использовании (бытовании), датировке предмета, с указанием национальной/групповой, территориальной принадлежности;
- данные об изготовлении (время и место);
- сведения о месте, дате сбора или поступлении в музей, о собирателе (руководителе экспедиции) и дарителе;
- инвентарный номер.

Национальные названия предметов даны так, как указаны в первоисточнике, поэтому один вид предметов у разных этнических групп немцев может иметь разные названия или разное их написание. Если же национальные названия предметов в первоисточнике не указаны, то они не приводятся вообще, так как использование терминов из современного словаря может исказить картину диалектных или говорных особенностей обозначений предметов. Место сбора предмета указывается так, как оно обозначено в первичной документации: в одних случаях это административно-территориальные названия поселений, округов, губерний, районов, областей, в других – географические названия регионов, рек и т. д. Если имеются сведения об этих двух видах обозначения места сбора, то сначала даются административно-территориальные, а затем географические названия.

Каталог снабжен справочным аппаратом и приложениями. В материалы справочного характера входят предметный указатель, именной указатель дарителей, именной указатель собирателей, географический указатель; приложение состоит из рисунков музейных предметов и их фотографий.

В целом, каталогизация дает возможность четко представить и детально зафиксировать предметы материальной культуры, некоторые из них сегодня вышли из обихода немецкого населения и бесследно утрачиваются.

Библиографический список

1. Баранова И.И., Кононова Е.Ф. Тематическая группировка этнографических музейных памятников // Система научного описания музейного предмета: классификация, методика, терминология. СПб., 2003. С. 127–140.

МЕТОДИКА СБОРА МАТЕРИАЛА ПО ЭТНОГРАФИИ ДЕТСТВА

А.Н. Блинова

*Музей археологии и этнографии
Омского государственного
университета*

В современных условиях, при накоплении огромного количества фактов в науках о человеке, возникает необходимость выработки общей методологии и разрушения ведомственных границ и специализации. Необходимость междисциплинарного синтеза, с помощью которого возможно создание целостной панорамы представлений о закономерностях становления личности ребенка в обществе, высказана многими известными учеными: Р. Заззо, С. Московичи, А.В. Петровским, Д.И. Фельштейном, Р. Харре, Д.Б. Элькониным, Э. Эриксоном и др.

Основным научным принципом при сборе и обработке этнографического материала, связанного с детством, выступа-

ет принцип социальной обусловленности, в котором заложена возможность исторического, социогенетического анализа личности ребенка и его отношений в мире. Поскольку развитие личности осуществляется в группах (семья, община, детский коллектив), иерархически расположенных на ступенях онтогенеза, группы, в том числе и детская, рассматриваются как развивающиеся системы, формирующие культурную и социальную ситуацию развития личности ребенка. Это позволяет проанализировать детство в этнографическом пространстве, этнологической горизонтали, то есть увидеть личность ребенка через призму существующих культур, способов социализации ребенка, влияющих на его развитие [1].

Работа по сбору и обработке материала предполагает комплексное изучение детства, то есть рассмотрение всех аспектов, влияющих на рождение, воспитание, образование ребенка, – в первую очередь это социально-экономические, политические, демографические и культурные факторы. Метод исторической реконструкции позволяет воссоздать главные социальные институты и особенности их функционирования в области воспитания детей и собственного производства. Ребенок в такой системе является не только пассивным созерцателем культурных событий, проходящих перед его глазами, он их оценивает, и чем сильнее и болезненнее события, тем глубже детские впечатления и сформированное этническое сознание, отраженное в его картине мира и детском творчестве. Главной проблемой этнографии детства остается проблема социализации детей у разных народов. Социализация – это совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. В целом процесс социализации человека условно можно представить как совокупность четырех составляющих: стихийной социализации, происходящей в процессе стихийного взаимодействия человека с обществом и влияния на него различных обстоятельств жизни; относительно направленной социализации в процессе и в результате вли-

ятия со стороны государства на обстоятельства жизни тех или иных категорий граждан; относительно социально контролируемой социализации в процессе планомерного создания обществом и государством условий для воспитания человека; сознательное самоизменение человека [2]. В результате человек приобщается к общественной жизни, учится понимать культуру, усваивает нормы поведения в коллективе, утверждает себя и играет различные социальные роли.

В рамках общего процесса социализации выделяются частные процессы. Ядром социально контролируемой социализации – воспитания – является образование, то есть процесс передачи накопленной прошлыми поколениями знаний и культурных ценностей. Образование, в свою очередь, включает в себя целенаправленное, специализированное по своим методам обучение и более широкое пропагандирование, то есть процесс пропаганды и распространения культуры, предполагающий относительно самостоятельный и свободный отбор индивидом сообщаемой информации. Эти процессы взаимосвязаны, но не тождественны и реализуются посредством социальных институтов, таких как семья, школа, СМИ, культурно-просветительские учреждения. Поскольку образование и обучение ассоциируются с передачей информации или практических умений и навыков, то воспитание иногда употребляется в узком смысле для обозначения системы эмоционального воздействия, формирующего нравственный, эстетический, то есть ценностно-ориентационный мир человека.

Методика полевого исследования базировалась на непосредственном, включенном наблюдении и опросе. Сбор материалов производился методом тематического интервью. Для изучения форм воспитания и социализации детей, взаимоотношений с родителями, самосознания ребенка, детской субкультуры была разработана программа. В качестве образца была взята программа, разработанная И.С. Коном [3], которая носит общий характер. Для работы в Западной Сибири она была переработана и адаптирована к местным условиям, основные смысловые блоки были расширены и кон-

краймизированы с учетом этнической специфики немецкого населения. Программа построена по возрастному принципу, она включает последовательные группы вопросов, направленные на изучение этапов жизни ребенка, сменяющие друг друга. Было создано несколько вариантов программы, учитывающих локальную, конфессиональную, возрастную и половую принадлежность респондентов.

В ходе исследования было опрошено старшее поколение, которое обладает информацией о ранее бытовавших явлениях, например, о традиционной родильной обрядности. Благодаря источникам такого характера нам удалось зафиксировать элементы народной педагогики, бытовавшие в 1920-1930-е гг. При сопоставлении этих данных с материалами, полученными в более младших возрастных группах, была прослежена динамика в обрядности детского цикла. Большое значение для исследования начального этапа жизни ребенка имеют глубинные интервью, которые проводились с женщинами, занимавшимися в прошлом принятием родов и лечением детей.

При сборе материалов уделялось внимание и детям, как основным носителям собственной культуры, без которой невозможно получить целостную картину этнографии детства того или иного народа. В работе с детьми существует определенная специфика: дети в обычной беседе часто не могут вспомнить тексты сразу, поэтому для успешного сбора материалов необходимо провести в детской среде определенное время. Поскольку большая часть детского фольклора имеет игровую основу, мы участвовали в их играх и фиксировали материал, пытаясь увлечь детей и сделать этот процесс интересным для них. В этой ситуации наиболее результативными методами сбора материала были методы непосредственного и включенного наблюдения, которые применялись для фиксации повседневного опыта детей.

Полевые материалы охватывают разные стороны истории и культуры немцев Западной Сибири. В ходе экспедиций собраны материалы по смежным с этнографией детства проблемам. Среди них наиболее информативны для нашего исследования материалы по семейной обрядности и отно-

шениям в кругу родственников, истории семей, генеалогии, истории школ немецких населенных пунктов.

Этнографические экспедиционные материалы содержат в себе еще один важный информативный компонент – фотоматериалы. Самые старые фотографии датируются началом XX в. Эти материалы играют большую роль в реконструкции элементов детской культуры. Значительную часть фотоархива составляют современные фотографии, сделанные участниками этнографических экспедиций в местах сбора материалов и фиксирующие явления культуры. В фотоматериалах отражены различные стороны жизни немецкого ребенка, что позволяет исследовать некоторые элементы культуры народа, связанные с процессами ухода за ребенком, его образования и воспитания.

Достоверность полученной информации устанавливалась путем сравнения и сопоставления всех данных. Во внимание принимались лишь те факты, которые прошли взаимную проверку, согласующиеся друг с другом и неоднократно повторяющиеся.

В течение нескольких лет программа сбора материалов по этнографии детства проходит апробацию в ежегодных этнографических экспедициях Омского государственного университета. В результате собрана достаточно подробная информация, связанная с жизнью и воспитанием ребенка, что позволило опубликовать ряд научных работ [4].

ПРОГРАММА СБОРА МАТЕРИАЛОВ ПО ТЕМЕ «ЭТНОПЕДАГОГИКА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»

(для родителей и старшего поколения семьи)

Общие сведения о семье и информаторе:
(национальность, состав, структура, конфессия, национальная группа, возраст, образование, профессия).

Традиционные представления о семье:
(желательное время вступления в брак, рождения первого и последнего ребенка, каково отношение к материам-одиночкам, есть ли специальное слово, которым называли

их и их детей, отношение к разводам, отношение к бездетным матерям, кто глава в семье, как распределяются обязанности между мужем и женой, кто и по каким вопросам принимает решение и т.д.).

Традиционные представления о ребенке:

(чем для вас является ваш ребенок, на сколько периодов можно разделить детство, принципы деления на периоды (физическое развитие, понятие хронологического возраста, возрастные специфические формы деятельности), как ребенок переходит из одного периода в другой (обряды перехода), критерии этого перехода, основные черты (социально-психологические свойства) ребенка в том или ином возрасте, как ребенок представлен в сказках, чем отличается нынешнее поколение детей от вашего поколения, нормативные границы физической и социальной зрелости, правовые границы совершеннолетия).

Родовой, послеродовый периоды:

(какие существуют запреты во время беременности и после неё, какой период нельзя посещать религиозное собрание, почему женщина считалась нечистой, отношение к abortам и женщинам, которые его сделали, рождение ребенка (кто помогал, как называли повитуху, где находились муж, старшие дети, кто завязывал пуповину, что с ней делали, кто купал ребенка, кто ухаживал за роженицей и ребенком, когда ребенка крестили, кто при этом присутствовал, как выбирали крестных, если ребенок умер некрещенным, как его хоронили, можно ли брать с собой ребенка в молитвенный дом, с какого возраста, как давали имя ребенку, существует ли традиция празднования именин, существует ли традиция смотрин).

Младенческий период:

(когда после родов женщина начинала работать по хозяйству, кто оставался с ребенком, было ли отдельное место для малыша в доме, особенности ухода за ребенком (пеленания, купания, одевания), как долго ребенка кормили грудью, регулярность кормления, как его приучали к общему столу, когда первый раз стригли волосы, какую роль в воспи-

тании на этом этапе играют отец, бабушки, дедушки, старшие дети).

Детский и подростковый периоды:

(на каком языке общаетесь с ребенком, с какого возраста начинается приобщение его ко второму языку;

дифференциация отцовских и материнских ролей, распределение обязанностей при воспитании детей, эмоциональный тонус отношения к ребенку (заботливый, холодный), его зависимость от пола и возраста ребенка, наказание: за что, как, поощрение;

степень автономии ребенка, что ему можно делать самому, тип отношения к труду, во сколько лет у ребенка появляются первые обязанности, в чем они состоят, есть ли традиционное распределение обязанностей между девочками и мальчиками, кто определяет эти обязанности, как заставляют ребенка делать то, что ему не хочется, наказание за невыполнение своих прямых обязанностей;

ходит ли ребенок на религиозные собрания, какую роль он там играет, если семья смешанная, то от чего зависит выбор религии, существуют ли специальные институты, через которые идет приобщение ребенка к религии, как функционируют эти институты, кто занимается с детьми, чем, на каком языке;

какие рассказываете сказки ребенку, рассказываете какие-нибудь эпизоды из истории своего народа, проводите ли национальные праздники, какое участие ребенок принимает в них;

от чего зависит национальность ребенка в смешанных семьях, почему, как относятся ваши дети к детям других национальностей, играют ли с ними, поощряете ли вы это или наоборот запрещаете, чувствуют ли дети свое отличие от детей других национальностей, чем ваш ребенок отличается, можете ли вы привести примеры по этнической дискриминации;

во что играют ваши дети, чем эти игры отличаются от тех, в которые вы играли, существуют ли какие-нибудь детские приметы, обычаи, какие, какие стихи, песни учите с

детьми, какие учили сами в детстве, учит ли чему-нибудь новому вас ваш ребенок, каким бы вы хотели видеть своего ребенка в будущем, какое образование хотели бы ему дать).

**ПРОГРАММА СБОРА МАТЕРИАЛОВ ПО ТЕМЕ
«ЭТНОПЕДАГОГИКА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»
(для детей)**

Общие сведения о семье:

(национальность, состав, структура, конфессия).

Воспитание в семье:

(на каком языке разговаривает дома, как называет своих родителей, с кем больше проводит времени, есть ли какие-нибудь обязанности, что входит в его обязанности, насколько строги родители (по оценке ребенка), как часто наказывают и хвалят, за что и как, есть ли обязанности, которые выполняют только мальчики или девочки, какие, почему он выполняет ту или иную работу (собственная мотивация);

крещен или нет, ходит ли на религиозные службы, нравится ли ему это, принимает ли какое-нибудь участие в собрании или религиозных праздниках, посещает ли воскресную школу или другие специализированные институты, чем там занимается, на каком языке;

знает ли что-нибудь из истории или культуры своего народа, кем считает себя по национальности, почему, общается ли он с детьми других национальностей, отличается ли он от детей других национальностей, чем, сталкивался ли с элементами этнической дискrimинации);

Воспитание в школе:

(во сколько лет пошел в школу, на каком языке идет преподавание, знал ли до поступления этот язык, есть ли другие элементы национального образования в школе, хотелось ли получить национальное образование, какое и почему, кем хотел бы стать в будущем, что считает главным в жизни).

Детская субкультура:

(во что играют, какие существуют приметы, традиции, заговоры, заклички, считалки, какие существуют прозви-

ща, ласкательные имена, их этимология, что читает, слушает, смотрит по телевидению, как участвует в праздниках).

Библиографический список

1. Абраменкова В.В. Методология и принципы анализа отношений ребенка в социальной психологии детства // Психологическая наука и образование. 2001. № 4. URL: http://www.psyedu.ru/view.php?id=112#_ftnref11
2. Мудрик А. В. Социализация человека. М., 2004. С. 22–23.
3. Кон И.С. Этнография детства: проблемы методологии // Советская этнография. 1981. № 5. С. 3–15.
4. Блинова А.Н., Чернова И.Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века. Омск, 2009. 325 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ПРИ ВОССОЗДАНИИ КОНЦЕПТА ДОМ В НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ (ДИАЛЕКТНОЙ) КАРТИНЕ МИРА

З.М. Богословская, К.В. Криворотова
Томский политехнический университет

Зародившись в недрах этнографии, диалектология также, как этнолингвистика, продолжает сохранять с ней так называемые междисциплинарные связи, обусловленные наличием общности в предметной области и инструментарии исследования.

И в диалектологии, и в этнографии широко используются (безусловно, своеобразно преломляясь) описательный, исторический, социологический методы, метод полевого исследования и др. Некоторые учёные выделяют этнографический подход, подразумевающий составление описания повседневной жизни и культуры локального сообщества через соучастие в повседневной жизни людей и применение

неформализованных интервью [1]. Думается, что этнографический аспект имеет место и в диалектологии. Это реализуется, например, при выделении и изучении такой лексической группы, как этнографизмы.

Произошедшее на рубеже ХХ–XXI вв. расширение границ лингвистики, включая диалектологию, формирование новых автономных научных дисциплин смежного характера, и в первую очередь лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, полевой лингвистики, способствует взаимодействию этнографии и диалектологии.

В специальной литературе выделяются такие понятия, как «этническая картина мира», «народная картина мира», «языковая картина мира» и др. Их ключевыми компонентами являются концепты.

Один из основных концептов, с которым в той или иной мере соотнесены все важнейшие категории жизни человека, – концепт *дом*. Рассмотрение его репрезентации в языке, в том числе в диалектной форме, необходимо для понимания сущности целого народа и отдельного социума.

Относительно дома немцев Сибири исследователь-этнограф Т.Б. Смирнова отмечает, что жилище немцев, проживающих в отрыве от метрополии, в иноэтничном окружении, претерпело изменения сразу после их переселения в Россию. При переселении менялись природные и социально-экономические факторы, этническая среда, характер этнокультурных контактов, своё влияние при этом оказали недостаток традиционного строительного материала, а также различные правительственные инструкции [2, С. 46].

Немцы с. Кожевниково Томской области, переселенцы из Поволжья – объект нашего изучения – вынуждены были первое время жить в землянках, построенных из глины. Освещением служили лучины, сделанные из дерева. Землянки располагались на заимках, где пасли скот и выращивали овощи.

– Zemlinka var fon laimə kəpaut. fon holts lutšina kəmaçt. Zaimka var ibən flus. təs fi: var kəfutərt, kəkukt. dan hapən vir haisər kəkrikt. fon holts. / Semljanka war aus Lehm gebaut. Aus

Holz war Span gemacht. Saimka war neben dem Fluss. Das Vieh war gefüttert, geguckt. Dann haben wir Häuser gekriegt von Holz.

В настоящее время в указанном селе преобладают фронтонные дома с двускатной или четырехскатной крышей. В качестве строительного материала используется обычно дерево. Срубные дома часто обшивают снаружи.

Именем концепта «дом» в народно-разговорной речи немцев с. Кожевниково является лексема *haus*. Однако в значении «дом, родина» информанты употребляют *ham / Heim*:

– ham špreçən mir taitš. in volga var unzr ham, taitšlant iz nət ham. aliç fi:l lait fortgfara nox taitšlant / Zu Hause sprechen wir Deutsch. An der Wolga war unser Haus. Deutschland ist nicht unser Haus. Aber viele Leute sind nach Deutschland fortgefahren.

Для выявления особенностей вербализации концепта «дом» в речи информантов мы, вслед за И.А. Тарасовой, выделяем следующие актуализированные в концепте слои: понятийный, предметный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный [3, С. 74].

В процессе реконструкции понятийного слоя концепта «дом» важно помнить о том, что значение, непосредственно связанное с замыслом говорящего, характеризуется большей степенью индивидуализации по сравнению со словарной дефиницией. Так, в словаре Duden “Deutsches Universalwörterbuch” предлагается такое определение *дома*: «Haus, das: -es, Häuser [mhd., ahd. hüs. eigtl. = das Bedeckende, Umhüllende]: 1.a) Gebäude, das Menschen zum Wohnen dient; b) Gebäude, das zu einem bestimmten Zwecke errichtet wurde; 2.a) (ugs.) Gesamtheit der Hausbewohner; <...>» [4, С. 724].

Для понятийного слоя концепта «дом», представленного в речи кожевниковских немцев, определяющим признаком служит первое (1.a) словарное (узуальное) значение дома – «жилище», второй по значимости признак соотносится со вторым (1.b) словарным значением – «здание».

В свою очередь предметный слой концепта «дом» представлен следующими когнитивными признаками: «внеш-

ний вид дома», «части-составляющие дома» и «внутреннее убранство дома».

У информантов при описании внешнего вида дома наибольшей концептуальной значимостью обладает информация об «уюте» и «убранстве» жилища. Уютный дом, с точки зрения информантов, это, прежде всего, такой дом, в котором все хорошо обустроено:

– Alləs kut kəmaçt unt mer kan iç niç sagən. ti vendə sint glat, haus ist vais, kəvaist, šein angəştriçən. bekvəm, šein / Alles gut gemacht und mehr kann ich nicht sagen. Die Wände sind glatt, Haus ist weiss, geweißt, schön angestrichen. bequem, schön.

Также уют дома непосредственно связан с душевным состоянием его обитателя и привычным для него окружением:

– Daham bai mir ist šeiner / Bei mir zu Hause ist es schöner. Ist aləs vo:l bai mənšən / ist alles wohl bei Menschen. Daham ist daham, abər hintər ouve ist noç mal daham / Daheim ist daheim, aber hinter Ofen ist nochmal daheim.

Наиболее значимой частью дома с точки зрения концептуального содержания является *печь*. Помимо основной функции – согревать жилище, печь является своеобразным местом встречи, связующим звеном между поколениями. Не случайно печь занимает центральное место в кухне. В с. Кожевниково для наименования печи, которая является, пожалуй, самым важным местом в доме, используется лексема *ouvə / Ofen*. Та часть печи, куда кладутся угли, называется *plit*. Задняя стена печи со стороны комнаты называется *kamin / обогреватель*. Приведем примеры употребления этих слов:

– s var ouvə, tort hun mir prot gəbacka / Es war Ofen, dort haben wir Brot gebacken; leg ti kolə in plit! / Leg die Kohle in Ofen!

В традиции немецких переселенцев домашний очаг воспринимается как нечто, что является собственностью, своим: *mainə Besitsuij, main lant / Meine Besitzung, mein Land*.

В отличие от русской традиции оппозиция «мужское (сакральное) пространство / женское (несакральное) пространство в доме» не имеет своего выражения в немецкой традиции:

– Frięär do revolutsii ainə tsimər fur eelait, mudər unt ti klainə hapən i:r tsimmər. Ti taitšə, ti hapən allə sainə štubən. / Früher vor der Revolution ein Zimmer war für Eheleute, Mutter und die Kleinen haben ihr Zimmer. Die Deutschen, sie haben alle ihre Stuben.

Как и в русском доме, главной комнатой немецкого дома является большая комната, где собираются гости, все члены семьи.

– Grosšub ist das wiçtigstə hiər / Großstube ist die wichtigste hier.

К типичным предметам интерьера, заполняющим внутреннее пространство дома, у немцев с. Кожевниково относятся: старинная мебель из красного дерева, зеркало, письменный стол, деревянные кровати с резными украшениями, «шпрухи» (красочно оформленные изречения религиозного содержания), сундук для хранения одежды. Они представляют образ обжитого архаизированного пространства, средоточие культуры, душевности и покоя.

Доминантными когнитивными признаками внешнего облика дома российских немцев с. Кожевниково являются компоненты «красивый» и «чистый»: schönes Haus, sauberes Haus. Не случайно у русских людей, проживающих по соседству с немцами, существуют такие понятия, как «немецкий дом», «немецкая деревня». Следует заметить, что немецкие поселения и дома значительно отличаются от поселений и домов окружающего населения. Вероятно, можно говорить о сложении в Сибири особого типа немецкого жилища, с одной стороны, сохраняющего национальную специфику, а с другой стороны, наиболее оптимально приспособленного к местным условиям (см. об этом подробно в книге Т.Б. Смирновой [2]).

По свидетельству информантов-носителей немецкой народно-разговорной речи с. Кожевниково Томской области, дом немцев отличается от русского жилища, прежде всего, чистотой и порядком.

– Frięär var untəršit: bai taitšə var saubə / Früher war Unterschied: bei den Deutschen war es sauberer.

Поселившиеся в Кожевниково немцы умели штукатурить, красить, старались украсить свой дом как внутри, так и снаружи. Они высаживали больше цветов, в саду делали клумбы из кирпича в форме звездочек и других фигур.

– Frięär varən ti taitšə fornə mit ti blumən / Früher waren die Deutschen vorne mit den Blumen. Da hapən ti russən naçgəvaint, hapən naçgəmaçt. Si: hapən fi:l kəlernt bai ti taitšən laitə / Dann haben die Russen nachgeahmt, haben nachgemacht. Sie haben viel gelernt bei den deutschen Leuten. Sie vustən nix von ti pau-la anſtraiçən mit farb, mer vustən si: niçt / Sie wussten nichts vom Fussbodenanstreichen mit der Farbe, vieles wussten sie nicht.

Русские, живущие с немецкими переселенцами, научились также красить пол, штукатурить стены и потолок. Для штукатурки бревенчатых домов использовалась глина, конский навоз (коровятник) и труха. Этой смесью с помощью мастерка (*ſi:b / Mauerkelle*) смазывались пазы стен и потолок в три слоя.

– ti taitšən kennən doch šmierən. ti russən abər konntən das niçt. laime hat kənomə, pfertmist, ſtrau, venn ti haisər verdən kəpaut. draimal ti vendə, ti paulə auç. / Die Deutschen kennen doch schmieren. Die Russen aber konnten das nicht. Lehm hat man genommen, Pferdmist, Stroh, wenn die Häuser werden gebaut. Dreimal die Wände, die Decke auch.

Выявляя ассоциативный слой концепта «дом», следует заметить, что информанты характеризуют внутреннее пространство как нечто более значительное по сравнению с внешним пространством дома. Дом в сознании опрошенных является местом, где собираются близкие по духу или по крови люди, где человек чувствует себя «своим», в безопасности.

К числу основных представлений-ассоциатов образа дома относятся: а) *дом-память* (дом становится своеобразной моделью памяти, напоминая о детстве, молодости, родителях); б) *дом-комфорт* (наличие собственного дома очень важно, поскольку стремление к комфорту и удобствам всегда было присуще немецкой нации); в) *дом-человек* (построенный человеком дом, будучи его детищем, наследует черты его характера).

Среди *образных* номинаций, актуализирующих соответствующий слой концепта, выделяется модель «дом как крепость». Сравнение дома с крепостью указывает на тот факт, что дом реализует свою основную охранительную функцию жильцов.

Символический слой концепта «дом» в речи немцев с. Кожевниково представлен устойчивой символической ассоциацией *дом-гармония*. Данная символическая модель соответствует традиционному в народном языковом сознании представлению о доме как месте телесного и духовного обитания человека, связанному с культурным наследием (*книги*), памятью (*портреты*), духовными традициями и ценностями (*Библия, «штрухи»*). В таком доме обретают спокойствие, защищенность.

И, наконец, рассматривая *ценостно-оценочный* слой концепта «дом» можно сделать вывод, что в свидетельствах информантов прослеживается положительная эстетическая оценка денотата. Она эксплицируется атрибутивными характеристиками объекта, имеющими положительную коннотацию (beqvəm, saubə, šein / bequem, sauber, schön и др.), а также синтагматическими связями лексемы с предикатами, отражающими «центростремительное движение» (nach ham geən, hamkeəgən, in Haus trətən / nach Hause gehen, heimkehren, ins Haus (ein)treten).

Библиографический список

1. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М., 1998.
2. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003.
3. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 5., überarbeitete Auflage. Dudenverlag Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2003.

МЕТОДИКА ФИКСАЦИИ И ОПИСАНИЯ ЭТНОХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Н.Н. Везнер

*Омск, Сибирский филиал Российского
института культурологии*

Фиксация и описание являются одними из основных составляющих работы с этнохореографическим материалом. От правильной фиксации танца зависит сохранность и целостность элементов народной хореографии. Единой универсальной системы описания на сегодня не разработано. Исследователи используют разные методы описания народной хореографии.

Цель и задача нашей работы заключаются в том, чтобы рассмотреть методы фиксации и описания этнохореографического материала.

Разработка фиксации и описания этнохореографического материала ведётся в разных странах. За основу берутся основные методики, разработанные в XIX – начале XX вв. В России этим вопросом занимаются такие учёные как А.И. Гуменюк, С.С. Лисициан, Е.М. Марголис, З.М. Мулюкова, Ю.М. Чурко, М.Д. Яницкая и др [1].

При сборе материала по этнической хореографии применяются несколько методов фиксации. Исследователями используются, как современные, так и классические методы фиксации материала. В конце XIX – начале XX вв. появляется запись танца с помощью аппаратуры. Записываются линии движения суставов и работа суставных рычагов при помощи фотосъемки высушенных суставов. Сегодня записывать танец, привлекая технический прогресс, стало проще. Поэтому часто используемым методом фиксации танцевального наследия народа является видеосъёмка, что позволяет записать танец в мельчайших деталях. Видеофиксация имеет множество преимуществ перед остальными видами записи танца: возможность зафиксировать танец за неболь-

шой промежуток времени, возможность записать не только рисунки, движения в сопровождении с музыкой, но и эмоции, мимику и другие мышечные движения тела. Несмотря на столь весомые плюсы этого метода, существуют и минусы. Основным недостатком такой фиксации является то, что записать полностью танец на видео представляется возможным лишь при полном составе участников определённого танца. Массовые танцы сложно фиксировать таким способом, если не хватает должного количества исполнителей, что является одной из проблем при сборе этнохореографического материала. Таким образом, всё чаще исследователи прибегают к фиксации танца на бумаге, которая предполагает несколько методов – нотно-линейный, графический и описательный.

Нотно-линейный метод фиксации танца создан В. Степановым в конце XIX в. как «хореографическая партитура». Специфика такого метода записи состоит в том, что движения записываются музыкальными знаками, используя некоторые дополнительные знаки. Движения, исполняемые на полу, фиксируются нотами четырёхугольной формы, а в воздухе – круглой. Все части тела делятся на три группы линий. На верхних двух фиксируется корпус и голова, на средних трёх линиях нотами записываются движения рук, нижние четыре предназначены для ног. Правая сторона тела отмечается чертой вниз, а левая – вверх. Также добавляются буквенные обозначения: а – нормальное положение, б – вперед, с – назад, д – направо, е – налево. В целом метод В. Степанова имеет много нюансов в фиксации и расшифровке хореографического материала. Таким образом, эта система сложна для воспроизведения и требует много времени для восстановления танца. Также многие важные элементы движения невозможно зафиксировать таким способом.

В западных странах при записи танца используют графический метод фиксации – «лабанотация». Эта система была разработана в начале XX в. в Германии хореографом Рудольфом Лабаном. В основу данного метода легло крестовое деление тела человека. Графически фиксируются направле-

ния и формы движения – это квадраты, треугольники, косые и извилистые линии. Но добавляются и буквенные сокращения направлений движений (hrv – hochrechtsvor, vhr – vorhochrechts, rhv – rechtshochvor, hlv – hochlinks vor, vhl – vorhochlinks, lhv – linkshochvor, hrz – hochrechts zurück, zhr – zurückhochrechts) и головы, рук, ног (H – die Hand, F – der Fuß, K – der Kopf). Также он вводит ритмическую основу движений, которая отмечается музыкальными длиннотами и знаками слогоударений.

В России последователем «лабанотации» стала С.С. Лисициан. Её система – кинетография (запись движения) позволяет детально проследить и точно записать каждое движение танца. Кинетография С.С. Лисициан построена на принципе «многоголосья» человеческого движения. В основе этой системы лежит кинетотакт – кинетический такт. Кинетический такт – это запись позы танцовщика. Если сложить все кинетотакты, то получится движение. Записываются кинетотакты на одной вертикальной и горизонтальной плоскости. Условных знаков в этой системе насчитывается свыше трёхсот. Нужно отметить, что сложность заключается не только в запоминании и применении такого количества знаков, но и полного представления музыкального соответствия танца. Этой системой пользуются исследователи тех народов, в этнохореографии которых имеется множество мелких движений.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ МЕТОД РАСПРОСТРАНЁН КАК В РОССИИ, ТАК И ЗА РУБЕЖОМ, ТАК КАК ЛЁГOK ДЛЯ ВОСПРИЯТИЯ. ВОСПРОИЗВЕСТИ ТАНЕЦ ПО ТАКОМУ МЕТОДУ ФИКСАЦИИ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ ДАЖЕ ЧЕЛОВЕКУ, МАЛО ПОНИМАЮЩЕМУ В ХОРЕОГРАФИИ. ОСНОВУ ОПИСАТЕЛЬНОГО МЕТОДА ПОЛОЖИЛ РАЙМУНД ЦОДЕР В НАЧАЛЕ XX В. Он предложил фиксировать танец при помощи анкеты:

1. Название танца. Объяснение названия и других обозначений для танца.
2. Обстоятельства, при которых танец исполняется или исполнялся. Место танцора в кругу других исполняемых танцев, танцевальных развлечений – исполняется ли к концу («КЕНРАУС» – последний танец) и т.п.

3. Данные о музыке. Инструменты и инструментовка.
4. Определение времени существования танца (только уверенно передаваемое).
5. Расположение танцора и танцовщицы в начале танца. Танцевальная площадка. Направление передвижения в танце.
6. Сообщение о музыке, тексте, исполнении танца, по возможности с указанием темпа.
7. Место записи.
8. Подписи: рассказчика материала и собирателя.
9. Дата.
10. Прилагается запись танца.

В России последователем этого метода стала Е.М. Марголис, которая усовершенствовала его, оставив в основе анкету, а также ввела более легкий способ зарисовки рисунков, предоставив небольшое количество знаков. Сегодня этот метод широко распространён на территории России.

ДАННАЯ СИСТЕМА ЗАПИСИ ТАНЦА ПРОСТА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ, ЗДЕСЬ ЗАРИСОВЫВАЮТСЯ ПОЛОЖЕНИЯ ТАНЦОРОВ В ПРОСТРАНСТВЕ, ТАКЖЕ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ ФОТОГРАФИИ, ЗАРИСОВКИ ПОЛОЖЕНИЙ РУК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ, ОПИСАНИЕ ОПРЕДЕЛЁННОГО ДВИЖЕНИЯ, ПУТЬЁМ УЖЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ В ХОРЕОГРАФИИ НАЗВАНИЙ ИЛИ ДАЮЩИХСЯ В КОНЦЕ, ОПИСАНИЯ ОПРЕДЕЛЁННОГО ДВИЖЕНИЯ. А ТАКЖЕ, ЧТО НЕМАЛОВАЖНО, МУЗЫКАЛЬНАЯ РАСКЛАДКА НЕ ТОЛЬКО ДВИЖЕНИЙ, НО И ОПРЕДЕЛЁННЫХ КОМБИНАЦИЙ И РИСУНКОВ. Этим способом были впервые записаны танцы Якутии М.Я. Жорницкой [2].

Запись танца по системе Е.М. Марголис основывается на схематически-описательном методе. Все элементы характеризуются словами, рисунок композиции зарисовывается схематически. Запись состоит из пяти разделов. В первом разделе записывается название танца, где, когда и кем исполняется. Обязательно отмечаются временные рамки танца.

Второй раздел – вводная часть, посвящённая описанию народа – его характеристике, типичным чертам внешнего облика, быта и характера. Здесь фиксируется информация о том, под какое сопровождение исполняется танец – песенное или инструментальное.

В третьем разделе даётся описание костюма, атрибутов, используемых в определенной композиции. В описании костюма отмечаются цвет, покрой, составные части.

Четвёртый раздел составляют условные обозначения к схемам. Основными являются фигуры мужчины, который обозначается равнобедренным треугольником, острый угол которого является лицом, а противоположная сторона спиной, и женщины – закрытый полукруг, где прямая линия является спиной, а дугообразная часть полукруга – лицом. Таким образом, строятся положения в паре и по отношению к зрителю, если танец является народно-сценическим, а не фольклорным. Важным условным обозначением являются направления движения, где длинной пунктирной стрелкой обозначается движение по рисунку, а короткой сплошной – направление. Также пунктирной стрелкой изображается вращение внутри пары или вокруг себя.

Пятый раздел – непосредственное описание танца. В этой части записывается схематически рисунок и отмечается, на сколько тактов он исполняется. Рядом записываются основные движения. Движения записываются на основе уже существующей общей азбуки танца, которая лежит в основе классического танца. Эту терминологию составила А.Я. Ваганова [3]. Если невозможно описать какой-либо элемент уже существующей терминологией, то выносятся такие описания в седьмой раздел. Даётся анализ каждого движения под названиями или номерами, если в народе нет названия, а ритмическая основа фиксируется длительностями, используемыми в нотной записи.

В шестой раздел выносятся графически зарисованные отдельные фигуры танца и положения рук. Положения рук могут быть в виде фото или чертежа.

Седьмой – анализ движений. В восьмом разделе помещается музыкальное оформление танца.

Этим методом фиксации пользуются современные исследователи этнической хореографии разных народов. В Германии описательным методом зафиксировала танцы немцев Германии Анна Гольдшмидт [4]. Мы в своём исследовании

тоже использовали этот метод фиксации и описания этнохореографического материала немцев Сибири.

Все вышенназванные методы фиксации и описания используются сегодня во всём мире. В зависимости от цели, поставленной перед исследователем. Если материал предназначается лишь для воспроизведения профессионалами, разбирающимися в методике записи, то фиксация ведётся сложными методами – Р. Лабана и В. Степанова. Но в большинстве случаев используется более доступный описательный метод, расшифровка которого очень проста и позволяет сопоставить танец с музыкальным сопровождением, а также публиковать материал для широкого круга людей, интересующихся этнической хореографией.

Библиографический список

1. Гуменюк А.И. Украинские народные танцы. Киев, 1969. 632с.; Лисициан С.С. Запись движения. Кинетография. – М.-Л., Росиздат, «Искусство», 1940. – 427с.; Марголис Е. М. О записи танца. – М. 1950. – 36 с.; Яницкая М. Д. Методика собирания и записи танцевального фольклора. М., 1981. – 45с.; З.М. Мулюкова. Нотация движения. Методическое пособие. / АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова. Казань, 1971. 44 с.; Чурко Ю.М. Основные принципы изучения и разработки народного хореографического фольклора (информация, опыт). М.: ВНМЦ НТ и КПР, 1989. – 34с.; Яницкая М. Д. Методика собирания и записи танцевального фольклора. М., 1981. – 45с.
2. Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. – М.: Наука, 1966. – 168с.
3. Ваганова А.Я. Основы классического танца. Издание 6. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – 192с.
4. Goldschmidt A. Handbuch des deutschen Volkstanzes. Systematische Darstellung der gebräuchlichsten deutschen Volks-tänze. Henschelverlag Kunst und Gesellschaft. – Berlin, 1981. – 315 S.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ НАЗАРОВСКИХ НЕМЦЕВ

М.А. Герлиц,

Р.Я. Беккер, научный руководитель

*Назарово, МОУ «Средняя
общеобразовательная школа №9*

*с углубленным изучением
отдельных предметов»*

В 1941-1944 гг. в Советском Союзе по решению властей было проведено «переселение народов». В ссылку отправили свыше 2,5 млн. человек десяти национальностей. Одним из переселенных народов стали советские немцы, которых депортировали через два месяца после начала Великой Отечественной войны. Как объяснил глава Советского государства Михаил Калинин, массовое переселение было вызвано тем, что среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. Немецкое население не сообщило о наличии такого большего количества диверсантов и шпионов, следовательно, немцы Поволжья, якобы, скрывают в своей среде врагов Советской власти и советского народа [1]. Такую информацию дает энциклопедия. А так ли это было на самом деле? Быть может, органы Советской власти, сославшись на несуществующие данные, необоснованно репрессировали ни в чем не повинных людей, которых в дальнейшем мы будем называть спецпоселенцами.

Основным регионом, где незаслуженно отбывали наказание поволжские немцы, стал Красноярский край, в том числе и Назарово. В Назаровский район были высланы в основном немцы из Унтервальденского кантона (ныне это Подлесновский район). Уже в сентябре 1941 г. в краевой центр прибыли 2 первых эшелона с 2 тысячами спецпереселенцев, а всего в край было депортировано около 70 тысяч немцев,

главным образом, с Поволжья [2]. Красноярский край для репрессированных стал серьезным испытанием не только в бытовом плане (природные условия Сибири далеко не благоприятные для земледелия, а некоторые районы были тяжелыми и для проживания), но и в психологическом. Но какими бы ни были условия жизни, немцы Поволжья внесли огромный вклад в развитие Красноярского края.

В своей работе я использовала публикации районной периодической печати, энциклопедии по истории России, а также рассказы и воспоминания некоторых репрессированных жителей Назарово, которые были записаны со слов самих рассказчиков. Все примеры приведены со ссылками на информантов. Всего в работе использованы воспоминания и рассказы шести информантов. Немаловажную роль сыграли также источники, взятые из Назаровского архивного отдела.

3 сентября 1941 началось переселение немцев. По описанию самих спецпереселенцев, условия отправки были у всех одинаковые и далеко не идеальные. Везли немцев в товарных поездах, набитых так плотно, что спать приходилось по очереди. Кормили один раз в день: выдавали миску супа и небольшой кусок хлеба. «Моего отца и мать с шестью детьми вместе с другими репрессированными немцами посадили в грузовые вагоны, с собой разрешили взять только то, что можно было унести в руках. Заставили написать заявление о том, что не претендую на дом и имущество», вспоминает Давид Готлибович Юстус. Выселение проводилось молниеносно: на сборы иногда давали 20 минут. Официальные документальные источники гласят, что перед отправкой в Сибирь многие сдали на приемные пункты зерно, скот, в обмен получив квитанции (некоторые до сих пор хранят их). По воспоминаниям многих репрессированных, люди вынуждены были бросить свое хозяйство.

С 1942 года многих немцев забрали в трудармию, которая на самом деле была похожа на настоящий концентрационный лагерь: бараки, окруженные колючей проволокой, башни с часовыми. Многие спецпереселенцы вспоминают трудармию, как страшный сон. «Мы валили лес, изготавли-

вали приклады для винтовок. Кормили нас отвратительно: требухой, кишками, скотскими головами. Для больных, слабых, умирающих, был отведен отдельный барак, называемый казармой смертников» – рассказывает Йоганес Ниденц [3]. В такой казарме люди, раздетые до нижнего белья, были уже обезличены и пронумерованы. Умирали люди буквально как мухи. В казарму смертников Й. Ниденц попадал дважды, но по счастливой случайности ему удавалось оттуда выкарабкиваться. «Подержали нас сначала в Красной Сопке, потом в Ужуре – вспоминает Иван Яковлевич Майснер, – затем увезли в Кировскую область на лесоповал. Кормили, как в лагере, выдавали по 50 граммов хлеба в сутки. Одевались во что попало: ботинки мастерили из старых автопокрышек, штаны и фуфайки тоже из отходов» [4].

Жены немцев Поволжья, которые не являлись немками, не подвергались репрессиям, но лишь в том случае, если они отказывались от своих мужей и детей. Но таких историй не было, жены вместе с семьей покорно выносили депортацию. К примеру, мать Элеоноры Генриховны Смирновой была урожденной грузинкой, но, не отказавшись от семьи, она была арестована, а дети отправлены в детский дом.

Сурово власти поступали не только со взрослыми, «кто национальностью не уродился», но и с их детьми. Малых детей, чьи родители воевали с голодом и холодом в трудармии, отдавали в приют. Здесь отношение к детям было ужасным. «Еду, которой кормили нас, то недосолят, то пересолят, а потом воды не дают. Вместо воды стекла лизали», – вспоминает свое детство, как страшный сон, Фрида Давыдовна Гнездина. Те, кому уже исполнилось 10 лет, должны были кормиться сами.

А как же складывались отношения спецпоселенцев с местным населением? Какого отношения к врагам можно было ожидать от людей, чьи родные и близкие погибали в войне с фашистами? Поэтому особые сложности испытывали советские немцы.

В разных местах к спецпоселенцам относились по-разному. В Назаровском районе местные жители относи-

лись к депортированным с пониманием и сочувствием, помогали, чем могли. Учили выживать в сложных климатических условиях, но все же в мелких бытовых ссорах называли немцев фашистами – об этом упоминают многие информанты.

Назаровские органы власти были тоже заинтересованы в нормальном обеспечении расселения прибывающих в район спецпереселенцев [5]. По протоколам заседания исполнкома Назаровского райсовета депутатов трудящихся предполагалось размещение депортированных с предоставлением места работы, также немаловажным было предоставление жилплощади с минимальной домашней обстановкой. Требовалось обязательное медицинское и санитарное обслуживание, обеспечение питанием по установленным нормам. Конечно же, все эти положения были далеки от реальности. Несмотря на не всегда доброжелательное отношение, немцы выполняли работу добросовестно – о чем свидетельствует архивный документ: по показателям социалистического соревнования комбайнеров по Гляденской МТС, в первой 20 отмечены немцы – комбайнеры А. Шкред и А. Шнайдер, их показатели находятся далеко не на последнем месте. В архиве также имеются списки представленных к наградам, где часто фигурируют немецкие фамилии. Это как же надо было трудиться, чтобы, несмотря на запреты, все же бытьнесенными в списки? Да о чём можно говорить, если в Назарово жили и живут заслуженные и незаменимые люди немецкой национальности. Например, Почекутова Берта Федоровна, учитель немецкого языка, преподавала во время войны в старших классах.

И это в то время, когда в других районах население занималось массовыми гонениями на репрессированных немцев. Берта Федоровна не боялась учить немецкому языку, а дети, в свою очередь, не боялись учиться.

Она до конца своей жизни вспоминала имена и фамилии всех своих учеников. А это говорит о многом! Значит, Берта Федоровна полностью отдавалась своей работе, искренне старалась научить. Затем она долгое время была председа-

телем рабочкома Агадымского совхоза. Много лет возглавляла совет ветеранов Агадымского совхоза, работая бескорыстно, вдохновенно. Ее заслуги отмечены правительственные наградами – медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и «За доблестный труд» [6]. В городе работают заведующий хирургическим отделением ее сын Вагнер Эдвин Викторович и ее внук Виктор Эдвинович, которые пользуются заслуженным уважением горожан.

Несколько слов нужно сказать о бессменном директоре Назаровского ППЖТ (предприятие промышленно-железнодорожного транспорта) Василии Васильевиче Куйте. Он носит звание Почетного железнодорожника, инженера Министерства путей сообщения и руководит предприятием с первых дней его создания уже более 35 лет.

Еще одним заслуженным и достойным жителем по праву считается Фрида Давыдовна Гнездина. Нелегкое детство она пережила. «Отчетливо помню, как меня, семилетнего ребенка, на руках из детдома вынесла худая, в изношенной одежде, с больными опухшими ногами возвратившаяся из трудармии мама», – с трудом сдерживая слезы, вспоминает Фрида Давыдовна. Так они и жили вдвоем с матерью, в голоде, холода и нищете. Оставшиеся следы прошлого до сих пор горькой обидой лежат на сердце. Но, несмотря на прожитые тяжелые годы, Фрида Давыдовна по праву может считаться одним из лучших работников Назарово и Назаровского района. Одна запись в трудовой книжке этой женщины. Одна запись о приеме на работу и солидный вкладыш, где множество благодарностей, поощрений за добросовестный труд. Ни разу за все 33 года не изменила она своей профессии – лаборант (лаборатория элеватора).

С гордостью о своих родителях пишет в одну из назаровских газет Людмила Юстус: «Мой отец Д. Г. Юстус прошел трудовой путь от помощника бухгалтера колхоза до начальника планово-экономического отдела районного управления сельского хозяйства. Труд отца отмечен шестью прави-

тельственными наградами. Мама тоже имеет три правительственные награды, одна из них – «Медаль материнства».

Немаловажную роль в развитие Назаровского района внес Йоганес Ниденц. Он стал знаменитым бригадиром тракторной бригады, всю жизнь числился в передовых, постоянно занимая первые и вторые места по району. Награжден тремя медалями: – «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда». Всю жизнь Йоганес Ниденц доказывал своим трудом свою преданность Родине.

Назаровская земля хранит память еще о многих замечательных людях, высланных из Поволжья. Их объединяет многое: и депортация из родных мест, и тяжелое время адаптации на новом месте, и гонения со стороны правительства. Но все вышеперечисленные люди, преодолев жизненные трудности, неоднократно доказывали свою преданность России. И, как сказал один из репрессированных спецпоселенцев, изменив свое настоящее имя на Ивана Ивановича, вспоминая о нелегких временах своей молодости: «Сильно мне обидно, как со мной тогда поступили. Лучше бы на фронт отправили. Хотя с тем, что я сделал для России за всю жизнь, мало кто из русских сравнялся» [7]. Все тяготы, лишения, голод, холод, насилие и депортация меркнут – война никого не обделила страданиями – перед позором предательства, унижением в отказе русским немцам любить свою Родину – Россию.

Библиографический список

1. Энциклопедия для детей. Т. 5, ч. 3. История России. XX век / Сост. С. Т. Исмаилова. – М.: Аванта, 1996. – С. 569.
2. Этноатлас Красноярского края. Немцы. / Гл. ред. Р.Г. Рафиков. – Красноярск, 2008. – С. 52.
3. О. Кудряшова. Эта боль никогда не забудется / «Советское Причулымье» / 8 мая 1996 г.

4. Невольные сибиряки / «Красноярский комсомолец» / 17 мая 1995 г.
5. Протокол № 4 / Заседание исполкома Назаровского райсовета депутатов трудящихся. / Фонд № 14/583/ Опись № 1а/ Дело № 14/ С.109.
6. Житница Красноярья. – Буква – Красноярск, 2004. – С. 629.
7. *O. Кудряшова*. Эта боль никогда не забудется / «Советское Причулымье» / 8 мая 1996 г.

ПОЛЕВАЯ ЛИНГВИСТИКА И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НЕ- МЕЦКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В.А. Дятлова

*Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Изменение отношения в обществе к языкам малочисленных народов, которые находятся под угрозой исчезновения, но вместе с тем вносят неповторимый вклад в общую картину мира, в мировую сокровищницу истории и культуры, вызвал интенсивный рост исследований данных языков, заставив вновь обратиться к опыту работы в полевых условиях, к методам сбора материалов, т.е. к полевой лингвистике.

Полевая лингвистика, как лингвистическая дисциплина, занимается в первую очередь разработкой методов получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями. Тем самым полевая лингвистика как бы противопоставляется «кабинетной», поскольку представляет собой «комплекс лингвистических методов, направленных на самостоятельное творческое (а не ученическое – по грамматикам и учебникам) изучение и описание живого языка, не являющегося родным для исследователя» [Алексеев 2007: 4].

По образному определению Кибрика А.Е., «полевая лингвистика – это и испытательный полигон различных лингвистических теорий, и поставщик нового необходимого лингвистике материала о языках и их свойствах, и заказчик на решение многочисленных вопросов, на которые теоретическая лингвистика еще не нашла ответов» [Кибрик 1972: 27]. В этом определении четко прослеживаются цель и задачи полевых исследований.

Само название «полевая лингвистика» предполагает «выезд в поле» при научных изысканиях. Почему «за языком» надо снаряжать экспедицию (термин Кибрика А.Е.)? Во-первых, малочисленные языки имеют, как правило, «ограниченную географическую зону распространения языка», во-вторых, в языке (особенно в его лексике) «отражена та этнокультурная среда, в которой этот язык функционирует, а эта среда неотделима от места обитания соответствующей этнической группы», в-третьих, существует необходимость «большого количества информантов, которых можно найти только в месте их концентрированного проживания», в-четвертых, «привязка к определенному населенному пункту облегчает подбор информантов, говорящих на одном диалекте/языке» [Кибрик 2005: 66].

Полевая лингвистика сформировалась под сильным влиянием фольклористики и особенно культурной антропологии. О данной дисциплине заговорили в 19 в., когда лингвисты обратились к не изученным ранее языкам различных районов мира. В России пионерами полевой лингвистики были П.К. Услар, интенсивно изучавший языки Северного Кавказа, и В.Г. Богораз, исследовавший языки Дальнего Востока. Во второй половине 20 в. полевые исследования охватили значительное количество языков на всех континентах; в СССР объектом полевой лингвистики в той или иной степени стали практически все языки малочисленных народностей, в том числе и диалекты российских немцев.

Полевая лингвистика не разрывно связана с диалектологией объектом, целью, задачами и методами исследования. Например, одной из наиболее существенных целей полевой

лингвистики является сбор и фиксация данных по исчезающим языкам современности, большинство из которых не имеют какой-либо письменной фиксации. Все сказанное относится в прямой степени к диалектологии. Особый интерес вызывает то, что при фронтальном исследовании диалектной системы того или иного языка в полевых условиях любому диалектологу, как правило, удается выявить ранее никем не фиксированные или в недостаточной степени изученные диалектные данные, свидетельствующие о действии процессов языка, глубины которых кажутся неисчерпаемыми. Для более детального изучения требуются неоднократные поездки на территорию распространения одного и того же диалекта или говора. При каждой поездке, как обычно, обнаруживаются другие явления как на фонетическом, так и на морфологическом и лексическом уровнях. Сравнивая диалектные данные с данными близкородственных языков, не трудно выявить общие – более древние (ранние) языковые данные, относительно новые и новейшие, имеющие локальное распространение [Баталова 2007: 303].

В свое время известный диалектолог В.М. Жирмунский отмечал, что «изучение говоров поселенцев представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны – как описание говоров <...>, но также и с точки зрения принципиальной, методологической, <...> с точки зрения теоретических принципов современной диалектографии», поскольку классическое языкознание рассматривало диалекты «как продукты спонтанного, непрерывного и закономерного развития», в действительности же происходит «постоянное взаимодействие и смешение между соседними диалектами» [Жирмунский 1976: 492]. И далее Виктор Максимович подчеркивает, что «смешение и унификация являются вообще важнейшими факторами в истории языка» [там же].

При этом выстраивается следующая логическая цепочка анализа развития языка:

Сравнение продукта смешения с исходными данными позволяет обнаружить механизм процессов языкового смешения.

Далее следует сравнение с аналогичными процессами в более отдаленные эпохи исторического развития языков.

Затем можно сделать методологические выводы из наблюдений за современными говорами.

На базе собранного лингвистического материала можно заняться вопросами типологии диалектов/языков.

В.М. Жирмунский обратил также внимание на одну из главных и актуальных в настоящее время целей диалектологических исследований – изучение говоров, существующих в одном населенном пункте, т.к., по его мнению, «именно такие говоры дают наиболее интересный материал для наблюдения над процессами интеграции», поскольку «контакты здесь теснее, борьба в отношении каждого языкового явления острее, процесс унификации осуществляется быстрее, охват языковых явлений значительно шире» [Жирмунский 1976: 499].

На проблему взаимодействия диалектных систем, на процесс смешения и выравнивания диалектов, который должен подвергаться изучению прежде всего там, где имеются «наиболее благоприятные условия как для наблюдения самого предмета смешения, так и для научного его изучения» обращал внимание также Шухардт Г. [Шухардт 1950: 175]. О потенциальных возможностях раскрытия языковых явлений с помощью диалекта, как «никем не контролируемой речи народной массы», говорил и Сепир Э. [Сепир 1938: 10], поскольку диалект «наряду с тенденцией к консервации архаичных черт обладает тенденцией к различным инновациям».

Всю полевую работу надо строить по заранее продуманной схеме, планируя при этом дополевую, полевую и послеполевую стадии работы. В полевой работе с бесписьменным языком на первом месте стоит фонетика, в частности, транскрипция. В области грамматики и лексики нужны специально разработанные анкеты в зависимости от цели исследова-

ния. Одно ясно: фактов спонтанной речи для систематического изучения языка совершенно недостаточно; в полевой работе должен преобладать метод целенаправленного интервьюирования по определенной программе; с экспромтами должно быть покончено [Кибрик 2007: 107]. Эффективная полевая работа предполагает не просто фиксацию языковых данных, но извлечение из них лежащей в их основе языковой структуры.

Особым моментом в деятельности полевой экспедиции является работа с информантами, где главная роль отводится интервьюеру, его умению работать с людьми, устанавливать с ними контакты, учитывать индивидуальные особенности информантов. В одних ситуациях важной является способность информанта к порождению повествовательных текстов, в других – умение организовать диалог и вовлечь в него другого информанта, главного испытуемого, в третьих – иметь языковую интуицию и способность актуализовать внеязыковой контекст, естественный для данного языкового выражения, особенно при установлении точных значений близких по смыслу языковых выражений. Необходимо помнить, что информант – «не автомат по производству языковых выражений, а живой человек со своими настроениями, эмоциями, интересами, амбициями, знаниями и убеждениями, естественными человеческими слабостями и уникальным сочетанием способностей» [Кибрик 2005: 271].

Кроме подготовки лингвистических материалов, поиска информантов, необходимо очень четко спланировать свое рабочее время во время полевых исследований. Из воспоминаний А.Е. Кибрика по его рабочему дню во время полевых экспедиций по изучению хиналугского языка:

- Была собрана команда информантов из школьных учителей. Они дисциплинированно приходили на «уроки» к 9.00. Как и в обычной школе, каждый урок длился 45 минут, затем перемена 15 минут, и так далее до обеда.
- Работа с информантом велась индивидуально.
- У каждого исследователя было в среднем по три часа работы с информантом.

- После обеда шла обработка собранного материала, заполнение и маркировка перфокарт, подготовка анкет для следующего дня.
- Проводились консультации с руководителями.
- Почти ежедневно проводились «пятиминутки» с отчетами участников о том, что они узнали нового по своим темам [Киблик 2007: 113].

Общие требования к работе полевого лингвиста (из опыта работы Кибрика А.Е.) [там же]:

- Не стоит экономить на иллюстративном материале. Описание каждого явления должно сопровождаться максимальным числом разнообразных примеров, как собранных специально, так и взятых из текстов.
- Необходимо создавать социолингвистические условия для работы полевого лингвиста.
- Предусмотреть максимальный охват носителей языка – представителей разных возрастных групп, демонстрирующих разную степень владения языком и одновременно – разные ступени проходящих в языке изменений.
- Обращать внимание на специфику полевой работы над отдельными фрагментами языковой структуры.
- Уважать языковую/диалектную личность.
- Учитывать метаязыковое сознание носителя языка/говора.

На послеполевой стадии работы исследователь, как правило, пользуется целым комплексом методик по извлечению языковых данных и их последующей систематизации и дескриптивной обработке, в которые могут войти следующие методы: вопросно-ответный диалог, получение текстов, совместный с носителем анализ и комментирование, парадигматический опрос, установление разрешающих и запрещающих условий реализации, верификация фактов через реакцию носителя, в т.ч. и на т.наз. «негативный» материал, учет шкалированных оценок носителя по критерию ‘правильности/удачности’ и т.д., учет «металингвистических» проявлений носителя [Коваль 2007: 72-81].

В настоящее время назрела необходимость создания базы данных, основывающихся на полевых исследованиях:

- электронные словари,
- компьютерные программы для транскрипции, кодирования и анализа речи,
- диагностические карты,
- словари по анкетам,
- видеоматериалы,
- создание корпуса текстов,
- аудиозапись бытовых разговоров и описаний исторических событий,
- самозапись информантов,
- этнографические материалы полевой работы,
- картографическая методика,
- экспедиционный дневник.

Но главным результатом полевых экспедиций, по мнению Кибрика А.Е., должна стать документация языка: **создание корпуса текстов, словаря** (причем словарная статья должна содержать морфологическую и синтаксическую информацию о слове (парадигматические характеристики, модель управления, сочетаемостные ограничения), примеры его употребления в основных значениях, вхождение во фразеологические сочетания) и **грамматики** [Киблик 1972а].

В последние десятилетия много внимания уделяется лингвистической теории языкового варьирования и здесь полезна именно полевая лингвистика, имеющая дело с «непривычными языками». Результаты полевых исследований максимально востребованы в типологии, которой необходимы факты как можно большего числа языков мира для определенных теоретических выводов и заключений.

В заключение хотелось бы привести цитату одного из известнейших полевых исследователей, основателя научной школы отечественной полевой лингвистики Кибрика А.Е., для которого полевая экспедиция была «серьезной школой самообразования», а полевая работа – «не мимолетный эпизод в биографии, а серьезная долгосрочная цель», о «романтике» полевой работы: «Полевая работа, вероятно, од-

на из наиболее напряженных форм исследования, но несомненно, что она также является наиболее захватывающей и разнообразной. Искатель наречий сталкивается с плохими дорогами, наихудшими жилищными условиями, рычащими собаками, подозрительными крестьянами и многочасовой рутинной работой, когда он в девяностый раз прокручивает свои вопросы при свете керосиновой лампы. Но он обучается знанию живой человеческой речи, чего не могут получить те, кто только лишь читал о ней в книгах. Он ведет приятную, удивительную жизнь на дорогах и находит новый мир друзей среди доброжелательных мужчин и женщин, которых он встречает в своих путешествиях» [Кибрик 2007: 119].

Библиографический список

1. Алексеев, М.Е. Предисловие // Полевая лингвистика / Ин-т языкоznания РАН / Отв.ред М.Е. Алексеев.- М., Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. – С. 11.
2. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания (универсальное, типовое и специфичное в языке). Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Ком-Книга, 2005. – С. 66.
3. Кибрик, А.Е. Методика полевых исследований. – Изд-во Московского университета, 1972.
4. Кибрик, А.Е. Методика полевых исследований: к постановке проблемы. М., 1972а. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html
5. Кибрик, А.Е. Как стать полевым лингвистом? (Из личного опыта на ОСиПЛе, филфак МГУ) // Полевая лингвистика / Ин-т языкоznания РАН / Отв.ред М.Е. Алексеев. М., Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. – С. 99-124.
6. Баталова, Р.М. Роль диалектных данных в исследовании процессов развития языка (на материале пермских языков) // Полевая лингвистика / Ин-т языко-

- нания РАН / Отв.ред М.Е. Алексеев. М., Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. – С. 303-310.
7. Жирмунский, В.М. Проблемы переселенческой диалектологии. 1929 // Общее и германское языкознание. Избранные труды. – Изд-во «Наука», Ленинградское отделение.- Л., 1976. – С. 491-516.
  8. Коваль, А.И. Из заметок африканиста: элементы метаязыкового сознания носителей в контексте полевой работы // Полевая лингвистика / Ин-т языкознания РАН / Отв.ред М.Е. Алексеев. – М., Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. – С. 72-81.
  9. Сепир Э. Язык. – М.: 1938.
  10. Шухардт Г. К вопросу о языковом смешении // Избранные статьи по языкознанию. – М.: 1950.

**Из опыта применения методов полевой
лингвистики для исследования
синтаксических структур
островных диалектов**

Н.А. Ермакина

*Красноярск, Сибирский юридический
институт МВД России*

Современная диалектология исследует широкий круг вопросов, охватывающий проблемы накопления фактического материала, группировки, классификации полученных данных, моделирования системы диалекта, изучения его внутренней структуры, выявления закономерностей, условий функционирования и развития диалекта, а также теоретического осмысливания данных вопросов.

Диалектологические исследования немыслимы без привлечения данных полевой лингвистики, которая, являясь частью описательного языкознания, отличается от него наличием ряда специфических методов. Прежде всего, поле-

вая лингвистика как экспериментальная область знаний, использует специальные методы извлечения лингвистической информации. Все сведения о языке (говоре) исследователь получает посредством активного взаимодействия с информантом, который владеет данным языком как родным и служит для исследователя посредником и экспертом. В условиях отсутствия письменности речевая деятельность информантов является для исследователя зачастую единственным источником сведений о языке. При этом задача исследователя, по словам А.Е. Кибрика, – эффективно воздействовать на языковую деятельность информанта [2, 98]. В нормальных условиях речевая деятельность осуществляется говорящими спонтанно, и продукты спонтанной речи – наиболее объективные данные о языке. Создание условий, максимально приближенных к естественным, представляется оптимальным, однако это не всегда осуществимо. Наличие постороннего человека, включенного диктофона заставляют говорящего контролировать свою речь.

Вместе с тем эффективная полевая работа предполагает не просто фиксацию языковых данных, но извлечение из них лежащей в их основе языковой структуры. Это требует использования в зависимости от конкретной цели исследования различных методов обнаружения грамматических фактов. С этой целью нами была составлена лингвистическая анкета, содержащая более 140 предложений для перевода на говор информантов и охватывающая практически все синтаксические явления в рамках простого предложения, имеющиеся в немецком литературном языке (например, различные способы выражения тех или иных членов предложения, порядок слов в различных типах простого предложения, рамочная конструкция и т.д.). Кроме того, нами использовались методы перефразирования и наводящих вопросов. К сбору лингвистического материала было привлечено 33 информанта. Для получения данных социолингвистического порядка был использован метод анкетирования. Он позволил исследовать речь информантов, учитывая различные социодемографические параметры: пол, возраст,

место рождения, уровень образования, род занятий, характер браков (чистый в этническом отношении или смешанный).

Как показывает опыт, залогом успешной работы при проведении полевых исследований является учет «человеческого фактора». Информант – живой человек со своими интересами, настроениями, эмоциями, амбициями, знаниями и убеждениями, естественными человеческими слабостями. Все это необходимо учитывать и стремиться развить у информантов интерес к данной работе.

Сбор и адекватная фиксация лингвистического материала для бесписьменного говора является чрезвычайно трудоемкой задачей. Это многоэтапный процесс, и письменная фиксация устной речи, несмотря на многочисленные практические и теоретические трудности, – всего лишь начальная стадия.

После технической обработки данных – записи материала в виде транскрибированных текстов и отдельных предложений – была проведена его классификация и систематизация. При этом использовались дескриптивный, сравнительно-сопоставительный методы и метод количественного анализа. Привлечение этих методов к анализу полученного лингвистического материала позволило рассмотреть обнаруженные явления более объективно и представить материал с достаточной наглядностью.

Целью проведенного исследования было описание и выявление специфики построения и функционирования простого предложения в речи носителей одного из верхненемецких говоров Красноярского края. Достижению поставленной цели способствовало решение более частных задач. Лингвистический корпус проанализированных синтаксических единиц насчитывает 7602 предложения. Проведенный анализ фактического языкового материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Структурно-семантические особенности простого предложения обусловлены спецификой исторического развития островных немецких говоров. В условиях изоляции

от основного языкового массива в системе простого предложения рассматриваемого говора, с одной стороны, сохраняются архаичные явления, с другой стороны, происходит усвоение различных инноваций, связанных как с изменением своей языковой системы, так и с влиянием иноязычного окружения.

2. Порядок слов в рассматриваемом говоре отличается от порядка слов литературного немецкого языка по некоторым параметрам: а) по порядку следования элементов в составе двучленного и трехчленного сказуемого в простом предложении; б) по расположению главных и второстепенных членов предложения; в) по характеру грамматического оформления связей между членами предложения.

3. В построении простого отрицательного предложения прослеживаются две тенденции: 1) тенденция к мононегативности при отрицании общего смысла предложения с использованием частицы *nicht*; и 2) тенденция к полинегативности при местоименных и наречных показателях отрицательности.

4. В говоре наблюдается тенденция к нарушению рамочного оформления простого предложения. Отступления от рамочной конструкции объясняются действием следующих факторов: реализацией коммуникативной или структурной функций порядка слов, особенностями устной разговорной речи, влиянием русского языка. Длина предложения и семантика выносимого за рамку члена предложения также являются немаловажными факторами.

Полученные результаты исследования обусловлены, на наш взгляд, взаимодействием нескольких факторов, как-то: интенсификацией процесса смешения говоров, устной формой их существования, а также длительным контактом с русским языком, вследствие чего в говоре наблюдается высокая степень изоморфизма диалектных синтаксических конструкций соответствующим русским.

Результаты проведенного исследования способствуют более глубокому изучению проблем диалектного синтаксиса и открывают новые перспективные направления в даль-

нейших исследованиях указанной проблематики. Интересными направлениями могут стать изучение простого и сложного предложений говоров с точки зрения прагматики, а также использование полученных данных для разработки типологии островных немецких говоров. Кроме того, одним из приоритетных направлений современной лингвистики в последние годы становится корпусная лингвистика, для которой результаты полевых исследований являются максимально востребованными.

В целом корпусная лингвистика представляет собой методику научного изыскания, отражающую дескриптивный подход в изучении языка. На сегодняшний день многие направления лингвистических исследований, в том числе и островная диалектология, используют дескриптивный, т.е. описательный, подход в изучении языка.

Это касается, прежде всего, изучения малочисленных бесписьменных языков (говоров). В условиях отсутствия исторических текстов на том или ином языке, даже при наличии некоторого описания, сделанного в прошлом, производится только синхроническое исследование такого языка с возможным сопоставлением имеющихся в наличии обобщений с результатами проводимого исследования [3, 175]. Синхроническое исследование бесписьменных языков (говоров) приобретает большую актуальность ввиду реальной угрозы их исчезновения. Дескриптивные исследования предоставляют возможность в довольно короткий срок собрать достаточно большое количество языковых фактов и в сжатой, либо развернутой, форме отобразить основные положения грамматики, морфологии и других аспектов изучаемых языков [117]. Таким образом, полевые методы сбора и хранения лингвистических данных, применяемые в корпусной лингвистике, становятся неотъемлемой частью дескриптивных исследований исчезающих языков.

Работа с корпусами текстов позволяет в определенной степени абстрагироваться от субъективности исследователя и приблизиться к объективному изучению языка [4, 175]. На

основе корпуса устной речи возможно создание словаря или прогнозирование дальнейшего развития говоров.

Современная лингвистика предполагает изучение языка через комплексное исследование, включающее анализ этнографических, социологических данных, что проливает свет не только на язык изучаемого народа, но и на его культуру. Представляется, что благодаря методам корпусной лингвистики, возможно не только предотвратить потерю имеющихся и собираемых данных по островным немецким говорам, но и проводить качественно иные лингвистические исследования данных говоров дескриптивного характера. Так, при помощи большого корпуса текстов, расположенных на электронном носителе, появится основание для более объективного исследования немецких говоров при абстрагировании субъекта исследования, что отвечает требованиям к современному научному изысканию.

Таким образом, одной из приоритетных задач при проведении диалектных исследований на современном этапе является систематизация и компьютеризация архивных данных островных немецких говоров на территории Сибири и России.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М: Эдиториал УРСС, 2001 – 360 с.
2. Кибрик, А.Е. Методика полевых исследований: к постановке проблемы / А.Е. Кибрик. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 147 с.
3. Лемская, В.М. Потенциал применения методов корпусной лингвистики в рамках дескриптивного подхода в исследовании чулымско-тюркского языка / В.М. Лемская // Вестник ТГПУ, 2006. Выпуск 4 (55). Серия: гуманитарные науки (филология). – С. 174-177.
4. Lenders W. Korpora – Stand der Forschung / W. Lenders // Sprache und Datenverarbeitung. – 1993, № 1–2. – S. 9-20.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ¹

Е.В. Конева, А.В. Лоевская

*Абакан, Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова*

Человек по сути своей существование социальное и реализует себя только в общности себе подобных. Процесс социализации личности напрямую связан с его инкультурацией, приобщением к культуре, к ценностям и правилам поведения в конкретном обществе. Современный цивилизованный мир полиглоссов, ни одно государство не может, пожалуй, считать себя моноэтническим. Россия является в высшей степени полиглоссической и поликультурной страной, и каждый из ее регионов в миниатюре отражает данную картину.

В Хакасии проживает, согласно последней переписи, 106 национальностей, и первые три позиции по численности занимают русские (80,3%), хакасы (12,0%) и немцы (1,7%). За ними следуют украинцы, татары, белорусы, чуваши, мордва, азербайджанцы, шорцы и др. Все этнические группы населения живут бок о бок друг с другом, впитывают привычки, перенимают обычай, пользуются предметами быта, типичным для той или иной культуры, не теряя при этом собственной идентичности [Амзаракова 2008]. Каким образом происходит процесс идентификации личности в условиях многообразия культур? Это один из вопросов, который становится в рамках проекта, осуществляемого в настоящее время коллективом исследователей Хакасского госуниверситета под руководством профессора И.В. Пекарской.

В настоящей статье рассматриваются основные понятия, используемые нами в исследовании, и представлены первые результаты анкетного опроса, целью которого является изу-

¹ Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374)

чение социокультурной ситуации в регионе, самоидентификации личности в разных возрастных и социальных группах.

В исследовании мы исходим из того, что процесс идентификации и его результат – идентичность является важным механизмом социализации. При этом идентификация понимается как процесс эмоционального или иного уподобления, отождествления себя с другим человеком, группой или образцом [Новый энциклопедический словарь: 417] и представляет собой «принятие индивидом конкретной социальной роли, через осознание им собственной групповой принадлежности, через формирование у него определенных социальных установок» [Воропаева 2008: 24-25]. Е.А. Семенова подчеркивает основополагающее значение понятия «самосознание» для описания человеческой сущности [Семенова 2008: 138].

Идентичность определяется как «сознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире», «добровольное принятие господствующих в том или ином сообществе элементов сознания, вкусы, привычки, нормы, ценности и иные средства общения» [Грушевицкая 2002].

Важной составляющей социализации личности является этническая социализация, связанная с процессом самоидентификации. Исследователи отмечают, что этническая идентичность осознается индивидом по-разному в зависимости от субъективных и объективных причин, связанных со знанием истории, культуры своего этноса, а также от возраста. Так, Ж. Пиаже определил три основных этапа в формировании этнической идентичности ребенка. К школьному возрасту ребенок получает первые знания о своей этнической принадлежности, в 8-9 лет он уже достаточно четко идентифицирует себя со своей этнической группой на основании национальности родителей, по языку, по месту проживания. К подростковому возрасту (10-11 лет) этническая идентич-

ность, по мнению Ж.Пиаже, формируется в полном объеме [Аксенова 2007]. См. также [Куфтяк 2008].

Содержанием этнической идентичности выступают этносоциальные представления, в центре которых находятся образы собственной и других этнических групп. Такие представления получили наименование этнических стереотипов [Грушевицкая 2002; Гилязетдинова 2008]. Как отмечают исследователи, стереотипы одновременно облегчают и затрудняют интерпретацию и идентификацию «чужого» на фоне «своего» [Садохин 2004: 211]. В этнической и социальной психологии принято говорить об автостереотипах (направленных на собственную этническую группу) и гетеростереотипах (имеющих своим содержанием представления о людях других национальностей).

Отметим, что не исключается приобретение личностью более одной идентичности. Это может иметь место в ситуациях естественного двуязычия при проживании индивида в билингвальной и бикультурной среде. Предпринятое Е.А. Семеновой исследование аккультурационной интеграции бурятских студентов показывает, что приобретение сразу двух этнических идентичностей позволяет молодежи «находить компромисс в сложной ситуации культурного выбора». Исследовательница говорит об огромном потенциале, заложенном двумя культурами, который «предоставляет зачастую несравненно большие возможности для плодотворной самореализации в рамках обеих культур» [Семенова 2008: 141]. Ср. [Донцов 1997].

Важным аспектом этнокультурной идентичности является владение языком. Наблюдения за корреляцией владения языком и этнической самоидентификацией отражены в работах Е.С. Шойсороновой, Е.А. Семеновой, А.П. Боргояковой. Естественно, что вопрос о владении языком и/или языками был нами включен в опросные листы при проведении анкетирования.

С помощью этих вопросов удалось выявить, что некоторые называют язык родным (хакасский), но не владеют им,

что у молодежи республики, участвовавших в анкетировании, есть большое желание изучать иностранные языки:

- на I месте – английский / для работы;
- на II месте – немецкий и украинский / чтобы общаться с родственниками;
- на III месте – японский и китайский / интересуются этими экзотическими странами;
- на IV месте – хакасский/ для общего развития.

Опрошенные отвечают, что знание иностранного языка, прежде всего, нужно для работы и самосовершенствования.

Анкетирование проводилось в основном среди молодежи. Респондентами были студенты вузов г. Абакана, школьники города, учащиеся школ Ширинского и Аскизского районов. В опросе принимали участие и взрослые. Анкета состояла из 38 вопросов и дополнительного опросного задания, разработанного Рупрехтом Бауром (Prof. Dr. dr. h. c. Rupprecht S.Baur) в совместной работе с научной сотрудницей педагогического института СГУ им. Чернышевского г. Саратова Мариной Зарудко. Общие вопросы были направлены на выяснение социального положения опрошенного, так как исследование направлено на изучение этнической и культурной самоидентификации респондента в Республике Хакасия. При помощи дополнительных вопросов выявлялись знания о культуре русской, хакасской, немецкой. Были включены также вопросы на знание обрядов, праздников разных народов и традиций своей семьи. Большая часть опрошенных затруднилась ответить на вопрос, связанный с семейными традициями.

Выявлялись знания о русской, хакасской, немецкой культурах, ассоциации с данными культурами и национальностями. На вопрос «Влияют ли исторические события на отношение к другому народу?» большая часть ответов была отрицательной.

Ответы на вопрос, к какой национальности Вы себя причисляете, подтверждают сделанные раньше выводы об индивидуально-психологическом отношении к эт-

ничности (см. [Амзаракова 2008]). Среди 65 опрошенных обнаружились русские, хакасы, поляки, белорусы; один респондент указал «русско-поляк», двое написали «христианин», что свидетельствует о том, что не знают, что такая национальность. Среди тех, кто назвал себя русским, есть носители немецких фамилий, а также те, у которых один из родителей другой национальности, например, родители украинец и немка, сам же идентифицирует себя русским.

Большинство респондентов считают определяющим признаком этнической идентификации происхождение, на втором месте стоит язык, на третьем – вероисповедание.

Представители хакасов называли себя православными, но при этом знают и практикуют языческие и религиозные обряды: кормление огня, посещение собраний рода. Они показали хорошее знание своих национальных блюд: хан, угре, талган, потхе.

Любимым праздником у представителей всех национальностей оказался Новый год, при этом отмечено, что он относится к русской культуре, а то, что его эквивалент есть в немецкой и хакасской культуре, отметили немногие.

Отмечено, что используются в гардеробе элементы национальной одежды: пого, серёжки, сарафан, бусы.

Дополнительное опросное задание было направлено на выявление стереотипов национальных характеров и их особенностей. Респондентам предлагались три листа с одинаковым перечнем 180 прилагательных, обозначающих свойства и качества личности. Необходимо было сначала отметить качества, присущие немцам, русским или хакасам, а затем из выбранного выписать в иерархическом порядке по 5 наиболее характерных качеств, соответственно для немцев/для русских/для хакасов. Результаты показаны в таблице:

Русские:	Кол-во от- ветов	Немцы:	Кол-во от- ветов	Хакасы:	Кол-во от- ветов
любящие Родину красивые женщины	26	чистоплотные любящие Родину гордящиеся своей нацией	21	носители культуры традиционные	21
любители выпить с чувством юмора	15	хорошие техники дисциплинированные	10	талантливые ремесленники	20
гостеприимные спортивные	14	порядочные жаждущие славы	9	миролюбивые	12
	13	гордые интеллигентные	8	любящие	11
	11	экономные	8	Родину	10
	10	упрямые	7	порядочные	10
			6	простые	9
				любящие животных	6

По предварительным итогам анкетирования можно сформулировать следующие выводы. Все респонденты сознательно соотносят себя с определенной этнической группой, что происходит на уровне самосознания, в то время как в быту элементы этнической культуры практически не присутствуют. Таким образом, можно говорить об этнической идентичности, но не о культурной. Не случайно большинство респондентов основанием для отнесения себя к определенному этносу считают именно происхождение. Такие важные элементы культуры как язык и традиции не являются для них определяющими. Мы предполагаем, что это связано с возрастными особенностями респондентов и что более полную картину мы получим, продолжив изучение культурной идентичности в других возрастных группах, в частности, среди респондентов старше 30 лет.

Библиографический список

1. Аксенова, А.Ю. Этническая идентичность / А.Ю. Аксенова // Этнотолерантность подростка: воспитание в семье и школе. Словарь / Под общ. ред. д-ра пед. наук, профессора А.Г. Козловой. – СПб.: Речь, 2007. – С.282.
2. Амзаракова, И.П. Билингвизм в полигласской среде Республики Хакасия / И.П. Амзаракова, Г.И. Дорина, Е.В. Конева // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия языкознание. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2008. – С. 125-129.
3. Боргоякова, А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.П. Боргоякова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2002. – 23 с.
4. Воропаева, Т.С. Специфика самоидентификации этнических украинцев и русских в Украине: Социально-психологические аспекты / Т.С. Воропаева // Личность в межкультурном пространстве: Материалы III Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии. Ч.1. 20-21 ноября 2008 г., Москва, РУДН. – М.: РУДН, 2008. – С. 23-29.
5. Гилязетдинова, М.А. Изучение этнических стереотипов представителей коренных малочисленных народов Севера / М.А. Гилязетдинова // Личность в межкультурном пространстве: Материалы III Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии. Ч.1. 20-21 ноября 2008 г., Москва, РУДН. – М.: РУДН, 2008. – С. 55-59.
6. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов [Электронный ресурс] / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин; под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с. Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/intercult/mki.htm>
7. Донцов, А.И. Язык как фактор этнической идентичности [Электронный ресурс] / А.И. Донцов, Т.Г. Стефаненко, Ж.Т. Уталиева. – Режим доступа: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/974/974075.htm

8. Куфтяк, Е.В. Исследование этноидентичности детей и ее развитие / Е.В. Куфтяк, И.В. Тихонова // Личность в межкультурном пространстве: Материалы III Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии. Ч.1. 20-21 ноября 2008 г., Москва, РУДН. – М.: РУДН, 2008. – С. 96-100.
9. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2005. – 1456 с.
10. Семенова, Е.А. Этническое самосознание студентов политечнического региона / Е.А. Семенова // Личность в межкультурном пространстве: Материалы III Международной конференции, посвященной 100-летию социальной психологии. Ч.1. 20-21 ноября 2008 г., Москва, РУДН. – М.: РУДН, 2008. – С. 137-142.
11. Шойсоронова, Е.С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Шойсоронова; Бурятский гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2006. – 21 с.

Поиски эффективных способов сбора и анализа материала языка личности

П.И. Костомаров
Томский политехнический университет

Сложность изучения языковой личности определяется не только многогранностью ее феноменологии, но и проблемами, касающимися использования способов, методов описания индивидуального языка. Попытки чисто структурного подхода к языку личности, применение статистических методов его познания сегодня не могут дать целостного описания индивидуального языка. Разработка методов изучения языка личности рассматривается как один из актуальнейших вопросов лингвоперсонологии. Задача исследователя заключается в том, чтобы попытаться при помощи различных методов и приемов выявить особенности устройства и функционирования индивидуального языка личности.

Следует сказать, что на современном этапе развития лингвистики накоплен определенный опыт в описании индивидуального языка. По мнению В.П. Тимофеева, “в изучении языка личности широко могут быть использованы проверенные уже методы конкретно-социологических исследований от саморегистрации и соучастия до наблюдений, личностного опроса, тестирования, анкетирования, интервьюирования, анализа личностных письменных документов – писем, дневников, рукописных альбомов, редакционных текстов и художественных произведений. Безусловно, конечно, и то, что в исследовании языка личности широкое применение должны найти и собственно лингвистические методы, включая лингвостатистику. В русском языкознании, кроме того, накоплен большой опыт территориально-диалектных обследований, методы которых – программный опрос и полевые наблюдения – могут быть использованы и при изучении социальных диалектов” [5, С. 9].

У. Лабов отмечает практическую значимость интервьюирования: “какие бы методы получения образцов речи не применялись (групповые беседы, анонимное наблюдение и т.п.), единственным способом получения достаточно доброкачественного материала о речи того или иного лица было и остается индивидуальное интервью с записью на пленку, т.е. открытого систематического наблюдения” [4, С. 121].

Значительная роль при изучении индивидуального языка отводится конкретным речевым произведениям. Т.С. Коготкова пишет, что “изучение индивидуальной диалектной речи, особенно на лексическом уровне, возможно тогда, когда в распоряжении исследователя находятся речевые тексты (произведения) такой величины, которые позволяют квалифицировать их не как разрозненные элементы речи, а как стабильно воспроизводимый язык, что в свою очередь предопределено рядом чисто методических условий при сборе лексических фактов и организации картотеки. Здесь надо иметь в виду: а) психологическую контактность между наблюдателем диалекта и его диалектным информантом; б) долговременность сроков наблюдения, которая в значитель-

ной мере определяет психологическую контактность...” [3, С. 287].

Вопрос об изучении языка личности на примере определенной модели поднимает Ю.Н. Караулов: “практически языковая личность – это такой объект, который может быть исследован на моделях. При попытке прямого изучения реальных лиц, конкретных индивидуальностей как языковых личностей мы сталкиваемся с двумя экстремальными ситуациями: либо мы обладаем исчерпывающей протокольнойфиксацией произведенных этой личностью текстов, имея дело с творчеством писателя, либо, наблюдая за поведением конкретного человека, мы можем располагать достаточно полной картиной его действий, его поведения, его поступков на протяжении определенного отрезка времени, но лишены при этом необходимых данных о его речеупотреблении... Соединить же эти два контекста при наблюдении за реальными объектами не удается, а каждый из них в отдельности оказывается необходимым, но недостаточным для обобщения и типизации, для воссоздания структуры и закономерностей функционирования языковой личности. Когда же объектом изучения становится языковая личность, то в действие вовлекается, помимо структурных характеристик языка, и его pragматический аспект, а это требует параллельного и взаимосвязанного описания речеупотребления и условий его реализации, что поддается наблюдению на достаточно большом отрезке пространства и времени, охватывающем целый период жизни индивидуальности. Ясно, что такие массивы информации для их эффективной обработки могут быть только смоделированы” [2, С. 237].

Е.В. Иванцова в своей книге “Феномен диалектной языковой личности” утверждает, что “современный этап разработки проблемы “язык и личность” должен быть связан... с опорой на обширную базу первичных источников – текстов, полученных в первую очередь в результате долговременного наблюдения над речью реальных информантов (а не дискурса героев художественных произведений как модели языковой личности), с привлечением особых приемов

сбора материала; системным подходом к анализу полученных данных (недифференцированный принцип при сборе и описании языковых фактов; последовательное рассмотрение всех ярусов языка личности; комплексное разноспектрное исследование каждого из этих ярусов; соединение лексикоцентрического и текстоцентрического подходов к изучению идиолекта; сочетание объективного наблюдения над речью информанта с обращением к проявлениям его метаязыкового сознания” [1, С. 24].

Таким образом, в отечественной лингвоперсонологии отражен опыт работы, прежде всего, исследователей русского языка, русских диалектологов. В их изысканиях подчеркивается взаимосвязь источников и методов, т.е. инструментария исследования, разграничиваются методы сбора и анализа фактического материала.

Учитывая знания, в том числе методического плана, содержащиеся в работах ведущих специалистов в области лингвоперсонологии, мы решили начать исследование индивидуального языка личности – представителя народно-разговорной формы немецкого языка Якова Кондратьевича Дамма. Яков Кондратьевич Дамм родился 1 января 1920 года в поселке Шиллинг Саратовской области. Окончил 5-летнюю местную поселковую школу, в которой предметы велись преимущественно на немецком языке. Отец и мать были крестьянами. Они занимались сельским хозяйством (выращивали свеклу, картофель, огурцы, яблоки, держали скот, разводили лошадей), а также работали на пилораме (валили лес, зимой перевозили древесину на завод). С 7-и лет Яков Кондратьевич помогал родителям на пилораме, ходил на покосы, работал в поле. Помимо Якова Кондратьевича, в семье воспитывался также и его брат. Семья придерживалась лютеранской веры. В семье разговаривали в основном на немецком диалектном языке, частично используя русский язык при встрече гостей из отдаленных поселков Саратовской области.

Яков Кондратьевич имеет богатый жизненный опыт, широкий кругозор, он общителен и приветлив. В коммуникации руководствуется принципом целесообразности – пред-

почитает давать информацию, представляющую интерес для собеседника, поэтому охотно рассказывает об особенностях быта, жизненном укладе в прошлом. Информант акцентирует внимание на периодах жизни, связанных с коллективизацией, притеснением немцев во время Великой Отечественной войны, а также первыми годами пребывания в Сибири.

Наиболее эффективными способами сбора данных языка Якова Кондратьевича Дамма является интервьюирование, осуществляющееся в течение 5 лет, включение в языковое существование говорящего, а также обращение к метаязыковому сознанию.

Метатекст Якова Кондратьевича можно рассмотреть как текст или его разновидность, который характеризуется следующими параметрами:

1) трактовкой информантом языкового кода.... *ну, ich glaube, vor allem dieser Kod..., wie Sie das nennen, das ist deutsche Sprache, unser Deutsch, die Sprache, die wir sprechen, reden, kommunizieren, ja, heute kann ich viel Interesse an Deutsch sehen, deutsche Sprache, aber auch viel beschäftigen sich mit Dialekten. Das war in Schilling, Eier по-литературному, а у нас Eiar, дальние огурцы, тоже я там не знаю, а у нас Kummer, или вместо Tasse у нас говорили Tassekopf, Tippen был у нас горошек. Deutsch in schöner Form lernen, Literatursprache, das war bei anderen, aber Dialekte, also, Art der Sprache unser Vater und Mutter, sie waren aus verschiedenen Regionen. Sie waren ausgesiedelt nach Russland, Russischer Reich von наша императрица, которая давала им земли и пыталась создать хорошие условия для проживания в России, чтобы они чувствовали себя здесь не хуже, чем у себя в Германии. Wir verstehen einander sehr gut, wenn wir sind im Russisch-Deutsch-Haus, aber wir verstehen auch, dass jeder von uns sagen, sprechen sein Dialekt в некоторой форме может, который был многие столетия назад в Германии и существует сейчас, aber heute deutsch ist für uns einig, das ist unsere Muttersprache, die Sprache vereinigt uns, gibt Kraft, Verständigung.*

2) языковой действительностью, в которой находился информант, а также приобщенностью к языковому социу-

му. *Andere Frage, wie nutzen wir Deutsch, wie sprechen wir mit anderen, которые не понимают Deutsch, sprechen andere Sprache..., das war mit mir..., in unser Regiment waren deutsche Soldaten, alles war dort gut, ohne Konflikte, wir waren sehr miteinander befreudet, haben gute Kontakte, waren Freunde, aber dann пересылки из одного места в другое, по всему Советскому Союзу, war sehr schwer, schwer umschalten zu Russisch, wie die Russen sprechen, да еще и отношение к нам было не совсем хорошее тогда. Эта ситуация с перемешкой немецкого и русского языка была по-началу для меня очень тяжелой, ich konnte einfach nicht gewöhnen daran, an Menschen, an Sprache, ihre Rede, ihre Sprachtempo, их манера общаться была для меня совсем новой, zeigen etwas mit Gesten, wenn sie zwei oder drei Woerter damit verwenden, освоился, versuchte ihre Technik zu kopieren, Tempo der Sprache, используя другой язык, das war gute Erfahrung für mich.*

Разработка и использование оптимальных способов сбора и методов анализа материала индивидуального языка личности позволит в будущем более эффективно и качественно провести исследование языковой личности – представителя народно-разговорной формы немецкого языка.

Библиографический список

1. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
2. Караплов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М: Наука, 1987. – 262 с.
3. Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. – С. 287.
4. Лабов У. Исследование языка в социальном контексте // Новое в лингвистике. – Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. – С. 121.
5. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. – Щадринск, 1971. – 122 с.

МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ РАБОТЕ НАД СИНТАКСИЧЕСКИМ СТРОЕМ ДИАЛЕКТА: ОПЫТ АНКЕТИРОВАНИЯ

М.А. Любочкин

Красноярск,

Сибирский федеральный университет

В диалектологических исследованиях синтаксиса широко применяется анкетирование, являющееся одним из основных методов полевого исследования. Лингвистическое анкетирование применяется для последующего обнаружения в живой речи конкретных языковых явлений.

Целью нашего исследования является описание функционально-семантического поля причинности в современных верхненемецких диалектах, анализ его структуры, взаимодействие, а также функционирование его лексических и грамматических конституентов в сопоставлении с соответствующими средствами русского и немецкого языков. Для этого был использован метод целенаправленного анкетирования. Первые анкеты содержали предложения на литературном немецком языке, призванные показать набор языковых средств, выражающих каузальность. За основу была взята функциональная грамматика “Grammatik in Feldern” (авторы Joachim Buscha, Renate Freudenberg-Findeisen, Elke Forstreuter, Hermann Koch, Lutz Kuntzsch) [Buscha 1998:55].

Уже в процессе первого анкетирования стало ясно, что необходимо усовершенствовать систему анкетного опроса. Во-первых, подавляющее большинство информантов не владели знанием литературного немецкого языка и, соответственно, затруднялись с переводом предложений с немецкого языка на русский. Во-вторых, часть предъявленных предложений оказалась достаточно сложной для перевода с русского языка на диалект. Например, предложения «*Несмотря на трудности с материалом, план был выполнен. – Ungeachtet der Materialschwierigkeiten wurde der Plan erfüllt.*» или

«Вследствие изменения маршрута я не пришел вовремя на прием. – Infolge von Straßenumleitungen kam ich nicht rechtzeitig zur Sprechstunde.» вызвали затруднения в переводе на диалект у большинства информантов. Последующие анкеты были составлены с учетом установленных проблем.

Для составления анкет мы использовали следующие приемы:

1. Перевод с языка-посредника на язык-объект (разработаны две анкеты).

Анкета № 1 содержала 30 предложений из различных немецких грамматик, которые отражали грамматические и лексические средства выражения поля причинности. Вот некоторые из них (в скобках указан шифр информанта).

Русский язык	Немецкий литературный язык	Диалект
Через 10 минут идет поезд, поэтому нам следует поторопиться.	In zehn Minuten geht der Zug, deshalb sollten wir uns beeilen.	<i>zehn minude noch geht der zuch, wir mis uns tege. (БЭА)</i> <i>in zei minuta geht der poesd, da mis man scharf aile. (ИПК)</i> <i>fon zein minuden geit der poest, mus man sich ailen, das man mitkommen. (ОКК)</i>
Я помогаю ей по дружбе (из дружбы).	Ich helfe ihr aus Freundschaft.	<i>ich helve 'r kak komrad. (БЭА)</i> <i>ich helfe sie mit/for de druzhba. (ОКК)</i>
Он радуется потому, так как сдал экзамены.	Er freut sich deshalb , weil er die Prüfung bestanden hat.	<i>der hot sich arch gefrait, das er hot apgegebe di eksamenji. (БЭА)</i> <i>de hot sich gefrait, das er di eksamen hat gegeb... apgegebe. (ИПК)</i> <i>sie fraident sich, wail sie hap geapgegeben di eksamen. (ОКК)</i>
Боясь простуды, женщина надела шубу.	Eine Erkältung befürchtend , zog die Frau den Pelzmantel an.	<i>di vaibrmensch ferchicht das sich ferkält, un hot sich angezogert n' pelz. (БЭА)</i> <i>for de kääl/for ferchte hot si ongezogn 'n pelz. (ИПК)</i> <i>ich herchte mich for de kielen/ for den kääl unt ich ouge ... ten tulup. (ОКК)</i>
Я ношу пальто, потому что холодно.	Ich trage einen Mantel, weil es kalt ist.	<i>Ich tu in palto ontsi, den warum das is kalt. (ИПК)</i> <i>ich tu main palto anzien, wail is kalt. (ОКК)</i>

Мы не уедем из-за плохой погоды, даже если у нас не будет пристаньша (квартиры).	Wegen des schlechten Wetters fahren wir nicht weg, zumal wir auch keine Unterkunft haben.	<i>Wir fahnn net fort, kagda/kala schlechte weder sain. (ИРК)</i>
Я нахожу внезапное тепло потому таким приятным, так как неделями было очень холдно.	Ich empfinde die plötzliche Wärme deshalb so angenehm, weil es wochenlang sehr kalt war.	<i>Ich hum mich gefercht, mir scheint das is so schein warm is, warum 's war so kald. (ИРК)</i>
Он дрожал от страха.	Er zitterte vor Angst (Furcht).	<i>der hot gezidert for di gefercht. (БЭА) de hot sich gefairicht for den di angst. (ИРК)</i>
Вследствие изменения маршрута я не пришел вовремя на прием.	Infolge von Straßenumleitungen kam ich nicht rechtzeitig zur Sprechstunde.	<i>er hot geziti. (ОКК) wege den avtobusn komd ich net zur zait bai 'n wratsch komme. (ИРК) for den spädn fahr nun da habe ich ... rech-te frem a nich gkommen bai dem doktor; (ОКК)</i>
Его опоздание было причиной их ссоры.	Seine Verspätung war der Grund für ihren Streit.	<i>das war so spät wege sai for den straid. (ИРК)</i>
Местность здесь очень спокойная, потому что она находится в стороне от больших дорог.	Der Ort ist sehr ruhig, weil/da er abseits der großen Straßen liegt.	<i>saine spädel's wouskommend des war di, wail sie sich restrain habn. (ОКК)</i>
		<i>Is immer so so alein unt so ales so schein stil, das man for son wait sain. (ИРК)</i>
		<i>den plats wo mir das sin das is arch stil, wail mir sin wait son den wek. (ОКК)</i>

Из-за детей супруги не Um der Kinder willen haben sich die Eheleute nicht getrennt.	<i>fon di kindr ... so ich gebliebe mit mon. (БЭА) wege di kindr unt so unt'n man zimm'regliest. bet. (ИРК)</i>
красный от стыда	<i>schamrot</i>
Несмотря на трудности Ungeachtet der schwierigkeiten wurde der Plan erfüllt.	<i>Na guk net de schwere plan hot si alles erfielt. (ИРК) ... for des schweres trut. (ОКК)</i>
2. перевод с языка-посредника на язык-объект.	
Анкета № 2, целью которой являлось выявить употребление союзов <i>weil</i> , <i>da</i> , <i>denn</i> и их замену в случае неупотребления. Информантам предлагалось соединить два простых предложения в одно предложение. Например, «Я мою посуду. Она грязная». Ожидаемый вариант «Я мою посуду, потому что/ так как она грязная».	
Русский язык	Немецкий литературный язык
Мальчик надел носки. У него мерзнут ноги.	<i>Der Junge hat die Socke angezogen. Seine Füße frieren.</i> <i>s'keldzhe hot soke ongetsoge, wail saine fiess erfriere. (ПБИ) ter junge hot di schtrimpe ongsouge, des is so kalt. (ГЧН) ter jung hot tu bi soke ongetsie, nu ... den is kalt. (БЭА) tas kint tsieht on die soke, den es is kalt. (ГГЯ)</i>

Я хочу есть. Я голодный.	Ich will essen. Ich habe Hunger.	Ich will esse, wail ich hungrich pin. (ПБИ) denn for un hunger ich muss ese prout. (ТЧН) ich will ese, ich 'n hunger. (БЭА) ich hun hunger, ich will ese/ Wail ich nit gegessen zum morchten, will ich zu mittag ese/ Ich will ese, wai ich hunger hun. (ГЯ)
Мои друзья женятся. Они любят друг друга.	Меine Freunde heiraten. Sie lieben einander.	maine fraine hairate, wail sie ainander liewe. (ПБИ) mai fraine...freine...tun hairate, die lieben sich. (ТЧН) moi konraden gehe hairate, die hun sich gern. (БЭА) mai komrade, die hairate, die hun ... es is schön. (ГЯ)
Я читаю книгу. Она ин- тересная.	Ich lese ein Buch. Es ist interessant.	ich lese puch, wail es interessant ist. (ПБИ) ich lese tes puch, tes is ...den lieben ich. (ТЧН) ich lese s puch, tas is interessant. (БЭА) ich lese s buch, tas gfällt mir/ Ich lese's buch, wail tas mir gfällt, ... das son Goites wort. (ГЯ)
Внук быстро уснул. Дед рассказал ему но- вую сказку.	Der Enkel ist schnell eingeschlafen. Der Großvater hat ihm ein neues Märchen erzählt.	ter enkel is kreil aigeschlowe, wail sain krosfater ihm ain nais märche erzählt hot. (ПБИ) main engel iz ingeschlafen, ich haben ihm scheine skaska gesachte. (ТЧН) ter engel is kreil ... farr ongeschlafn, ter fater hodn ferzählt scheine skaska. (БЭА) man engelesch ingschlowe ich hun fiel ferzählt skas- ka. (ГЯ)

Бабушка приготовила ужин. Скоро придет отец с работы.	Die Großmutter hat das Abendessen gekocht. Bald kommt der Vater von der Arbeit. ti krosmutter hat oventesse gemacht, wail ter fater kreil kommt fon der erver. (ПБИ) die mudder hap gekocht kartofelsup die lut uf saine krosfader. (ГЧН)
Она шьет новое платье. Она выходит замуж.	Sie näht ein neues Kleid. Sie heiratet. sie näht sich ai naes klaat, wail sie hairat. (ПБИ) die tut naes kleit nähen di will heutich hairade. (ГЧН) ti hot gnäit naes kleit, sie hairat. (БЭА) die neide naes kleide, will hairate. (ГГЯ)
Дома стало теплое. Мама загопила печь.	Es ist im Haus (zu Hause) wärmer geworden. Die Mutter hat den Ofen eingehiezt. ter houm is warmer ware, wail die mudder den over ongemacht hot. (ПБИ) in hauz is es warmer, mai frau hot in petsch polernen hingeleje. (ГЧН) ter heim iz warm, die moma hot gehits der ouwer. (БЭА) in house iz warm, wai wir hun ghiisn ouwer. (ГГЯ)
Ребенок ходит в детский сад. Родители работают целый день.	Das Kind geht in den Kindergarten. Die Eltern arbeiten den ganzen Tag. tas kint geht in de kindergade, wail di eltern den ganze tak schaffe. (ПБИ) tes kinder geht in sat, saine elder tun schaffen ganz tach. (ГЧН) ‘s kint geht in die kinderkripp, die elden arwaide. (БЭА) ‘s kint geht in die jasjja, wail die eldern schaffn ganz tach. (ГГЯ)

<p>Моя подруга купила арбуз. Придут гости.</p>	<p>Meine Freundin hat eine Wassermelone gekauft. Die Gäste kommen.</p>	<p><i>maine fraindin hat 'n ... en erbis gkoffi, wail ti gest komme. (ПБИ) mai liebn frau hot gekauft ain arbus, bai uns komma die kaste. (ГЧН) moi komraden hot gkaaft on erwuz, komma kasta ... gest. (БЭА) mai komreden, de hot 'n arbuiz, wail die komrede kom- me tsu mitta 'ese. (ГЯ)</i></p>
<h3>3. Использование наводящих вопросов.</h3> <p>Анкета № 3. Задача – избежать искажения языкового выражения на языке-объекте с целью убедиться в правильности формы, которую исследователь ожидает от информанта. Были предложены вопросы, на которые напрашивались бы стандартные элементарные ответы. Например, «Почему не тает снег зимой? – Снег не тает, потому что/так как холодно.»</p>		
<p>Русский язык</p>	<p>Почему не тает снег зимой?</p>	<p>тер schnee tut net im winter, wail es kalt is. (<i>ПБИ</i>) ter schnee tut net taja uf den der winter is so kalt. (<i>ГЧН</i>) ter schnee tut net taut das es kalt is. (<i>БЭА</i>)</p>
<p>Почему человек спит ночью?</p>	<p>1. ter mensch schlöft in de nacht, wail es so sei muss... er kann net ar.. schafffe in de nacht. (<i>ПБИ</i>) 2. ti lait schlawe in de nacht, in die tache muss so arwaite. (<i>ГЧН</i>) 3. frum tu der mensch schlawe die nacht? – nu ta muss ich ruhe. (<i>БЭА</i>)</p>	

Почему птицы летят на юг?	ti fegel fliege wek, wail es do kalt is. (<i>ПБИ</i>) Ti fogel fliehen in juk (юг), das is oder warmer ols wie ‘ier ... ‘ier is so kalt. (<i>TCH</i>)
Почему опадают листья с деревьев?	ti blädder falle fon den beim, nu... ich weis net warum. (<i>БЭА</i>) ti blädder falle ap, des is unsr herpst. (<i>TCH</i>) di blädder falle das es herpst is. (<i>БЭА</i>)
Почему люди женятся?	ti lait hairade, wahrscheinlich wail sie enander liewe. (<i>ПБИ</i>) ti lait tun hairade das sie king’n krafe kleine kinder. (<i>TCH</i>) nu frum hairade die lait ... nu hun sich gern unor. (<i>БЭА</i>)
Почему пирог сладкий?	ter kuche is sies, wail tat zucker is drin. (<i>ПБИ</i>) Ter kuche is so sies hab es so fiel zuger. (<i>TCH</i>) ... iz wahrscheinlich zuger ... mit zuger. (<i>БЭА</i>)
Почему магазини ночью закрыт (не работает)?	ter lade is in de nacht zu, wail so die zaigt is. (<i>ПБИ</i>) di lade is di nacht zu die mäderin miese ruhe. (<i>TCH</i>) die bud is zu... wart zugmacht... nu ... die nocht arwate sie nit. (<i>БЭА</i>)
Почему вода льется через сито?	tes wasser fliesst tarch tas siep, wail es lächer hat. (<i>ПБИ</i>) – (<i>TCH</i>) 's waser läfft durch den siepchen unt is lächerich (<i>БЭА</i>)
Почему чай горячий?	ter tee is haas, wail er a'uf ofn over steht. (<i>ПБИ</i>) ... der tee is so haas, is gkocht. (<i>TCH</i>) ... hun haas gmacht. (<i>БЭА</i>)
Почему человек смеется?	ter mensch lacht, wail es was lächerliches gsehe oder khert hot. (<i>ПБИ</i>) di mensche tun lache, das es sie sein so lustich. (<i>TCH</i>) tenn es is lägerich. (<i>БЭА</i>)

Почему человек плачет?	ter mensch haitl, wail er jetzt traurich is. (<i>ПБИ</i>) di laie krein, die hun so fiel schmerze. (<i>ТСН</i>) ten es is belaidicht. (<i>БЭА</i>)
------------------------	--

Данные анкеты были апробированы в диалектологических экспедициях 2004-2009 гг. в селах Новоселово, Кома, Анаш и Кульчек Новоселовского района Красноярского края. Было опрошено 15 информантов, в разной степени владеющих диалектом.

Шифр информанта	Год рождения	Место рождения	пол	Место проживания	Образование	Профессия	Откуда приехали	Какой язык считает родным
1. Э.И.И.	1936	с. Шаффгаузен	м	п. Кома Новоселовский р-н	4 класса русской школы	от сторожа до директора	Шаффгаузен.	немецкий
2. Э.Л.А.	1937 — 2008	с. Шаффгаузен	ж	п. Кома Новоселовский р-н	7 классов русской школы	доярка	Шаффгаузен	русский
3. Ю.Р.А.	1937	д. Педернинге	ж	с. Новоселово	-	доярка	Шаффгаузен	русский

4. Ш.Т.А.	1964	д. Кулунек Новоселов- ский р-н	ж	п. Кома Но- воселов- ский р-н	среднее техниче- ское	зоотехник	Унтерваль- дский р-н Саратовская обл.	русский
5. Г.Н.Я.	1932	с. Кларус	м	п. Кома Но- воселов- ский р-н	8 классов русской школы	управляю- щий отделе- ния Комско- го совхоза	с. Кларус	немецкий русский
6. Г.К.К.	1930	с. Кларус	ж	п. Анаш	2 класса немецкой школы	работала на кирпич- ном заводе, стройке, пе- карне	Унтерваль- дский р-н Саратовская обл.	немецкий
7. Б.Э.А.	1940	д. Блюмен- гейм Гнадефлор- ский р-н	ж	с. Новосе- лово	4 класса русской школы	доярка, по- вар, разнора- бочий	Унтерваль- дский р-н Саратовская обл.	немецкий немецкий
8. Г.Г.Я.	1935	с. Кларус	ж	с. Новосе- лово	4 класса русской школы	доярка, раз- норабочий	с. Кларус	немецкий
9. П.Б.И.	1950	д.о. Таеж- ный Сухобу- зинский р-н	ж	с. Новосе- лово	высшее	учитель не- мецкого язы- ка	отец: Унтер- вальдский р-н Саратов- ская обл.	немецкий русский

10. Г. Н.С.	1935	с. Кларус	м	с. Новоселово	среднее	начальник Коммунахоза	с. Кларус	немецкий
11. Г.Д.Д.	1927	с. Кларус	м	п. Кульчек	3 класса русской школы	конюх, трак- торист, ком- байнер,	с. Кларус	русский
12. И.Р.К.	1928	с. Кларус	ж	п. Кульчек	3 класса немецкой школы	разнорабо- чий	с. Кларус	немецкий
13. М.И.	1930	с. Трип- пельсдорф Гмеленский р-он	ж	п. Кома	вечерняя школа	доярка	Саратовская обл.	немецкий
14. К. Э.С.	1928	с. Кларус	ж	с. Новоселово	2 класса немецкой школы	доярка санитарка	с. Кларус	немецкий
15. Б. Л.Ф.	1935	с. Шаффга- узен	м	с. Новоселово	-	саложник	с. Шаффга- узен	немецкий

Анкета № 4. Сведения об информантах.

Данные, полученные с помощью анкетирования, предстоит проанализировать, систематизировать, продумать следующие анкеты, насколько это будет возможным в свободной диалектной речи.

Библиографический список

1. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E., Koch H., Kuntzsch L. Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene. / Joachim Buscha, Renate Freudenberg-Findeisen, Elke Forstreuter, Hermann Koch, Lutz Kuntzsch. – Ismaning, 1998. – 336 с.

РЕПРЕССИИ АВГУСТА-СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ НА КОНКРЕТНОМ ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОЙ СЕМЬИ: ДРУГАЯ ЖИЗНЬ В СИБИРИ

Д.В. Майнер, Р.Я. Беккер., Е.В. Коваленко

*Назарово, МОУ «Средняя
общеобразовательная школа № 9
с углубленным изучением отдельных предметов»*

Уже прошло 68 лет с того времени, как моя семья и тысячи других немецких семей были репрессированы с Поволжья. На мой взгляд, эта проблема является актуальной и сейчас, более того, она будет таковой пока живы те, кто был репрессирован в то время. Она будет актуальной пока живы небезразличные к своей истории родственники тех людей. Я считаю, что после проведения репрессии эта проблема никогда не была и не будет полностью решаемой. Разве можно вернуть сотни погибших в то время? А можно ли чем-нибудь возместить тот ужас, который пришлось пережить тем людям? Нет. Этот страх оставался в сердцах мно-

гих до конца их жизни. И разве можно о такой проблеме говорить, что она решаема? На мой взгляд, конечно же, нет.

Целью моего исследования было выяснить как много больше о тех немцах, а в частности о моей семье: сколько лет они прожили в Поволжье, насколько они были немцами, т.е. их религия, традиции, обычаи; как проходил сам процесс депортации. И, наконец, узнать и сравнить две жизни: там, в Поволжье, и здесь, в Сибири.

Чтобы прийти к такой значимой для меня цели, я поставила перед собой определенные задачи и составила план исследования. Во-первых, надо было узнать как можно больше о репрессиях вообще: что это такое, какие цели они преследовали, какие народы и за что были репрессированы. Во-вторых, передо мной лежала масштабная задача по изучению немцев Поволжья. Оказалось, что об этом я знаю только какие-то общие факты, поэтому впереди меня ждали часы в библиотеках, в сети Internet и за изучением других самых разнообразных ресурсов информации. А уже дальше, в-третьих, меня ожидало непосредственное изучение моей семьи. Наверное, это было для меня наиболее интересным. И четвертый шаг, последняя задача – свести в компактное, единое и целое весь тот огромный объем информации, который мне удалось добыть.

В ходе моего исследования мне пришлось прибегать к самым различным методикам сбора информации. Это были и работа с книгами, статьями, журналами, газетами, и умение вести диалог с людьми, и умение из всего огромного объема «нужного» выбрать маленькую часть «главного».

И, конечно же, без тех начальных навыков, которые мне дали мои научные руководители, у меня, наверное, ничего бы не получилось.

Первые немцы в России появились еще в X в., а уже в следующем столетии в России начали строиться первые немецкие церкви. В XII-XIII вв. немцы появились в Москве. В 1643 г. там проживало уже 400 семей. Очень много немцев прибыло в Россию при Петре I.

В 1762 и 1763 годах императрица Екатерина II своими манифестами пригласила жителей европейских стран переехать в Россию и поселиться на берегах реки Волги. На приглашение откликнулись тысячи жителей из немецких государств.

С 1764 по 1768 год в Поволжье на территории современных Саратовской и Волгоградской областей было образовано 106 немецких колоний, в которых поселились 25 600 человек. К началу XX века в Поволжье было 190 колоний с населением 407,5 тысяч человек преимущественно немецкой национальности, которых с конца XIX века официально называли “немцы Поволжья” или “поволжские немцы” [1].

В одной из этих колоний, а именно в колонии Блюменфельд, и жила моя семья. К сожалению, из-за того, что прошло уже очень много времени, точно установить не удалось, по каким причинам и с какой целью прибыла в Россию моя семья. Стоит рассказать о том месте, где они жили – немецкая колония Блюменфельд (сейчас это с. Цветочное Старополтавского района Волгоградской области). В то время это колония Тургунской, а с 1914 г.- Нестеровской волости, Новоузенского уезда Самарской губернии [2]. Проживало там около трех тысяч человек. Именно там и жила моя семья. Жили так же, как и все. Население свободно владело и русским и немецким языками. Если говорить о религии, то они были католиками. Отличие католической религии от православия заключалось в том, что в домах поволжских немцев не было ни икон, ни каких-либо других «обожествляемых» предметов. Каждый вечер вся семья собиралась вместе, читалась библия, которая была на немецком языке. Умерших, в отличие от православия, выносили не вперед ногами, а вперед головой и расположение креста было иначе. Не было поминальных ужинов на 9 и 40 дней, а только сразу после похорон, через полгода и далее уже на год, два и т.д. Жилища немцев Поволжья были очень просторными: большие комнаты и минимум мебели, с преобладанием светлых тонов в доме. Иначе воспитывались дети. Воспитание было очень строгое. К старшим дети обращались исключительно

на «Вы». Дети беспрекословно выполняли все, что им говорили родители. У немцев была такая отличительная черта как трудолюбие, а также во всем они пытались добиться идеала. Все должно было быть сделано в их понимании исключительно правильно. Тихо и размеренно текла жизнь. И все так же и продолжалось бы, если бы не события 1941 года.

22 июня 1941 года начинается Великая Отечественная Война, а уже 28 августа в Кремле был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот Указ гласил, что в срочном порядке все поволжские немцы должны быть переселены в другие районы России из-за того, что там находятся тысячи и десятки тысяч шпионов и диверсантов, которые по сигналу из Германии начнут наступление. Так же в Указе говорилось, что все переселенцы будут обеспечены землями и угодьями. И тогда я решила для себя провести сравнительный анализ того, что было на бумаге и в реальной жизни.

Здесь, на мой взгляд, следует привести значение слова «репрессия» из словаря С.И. Ожегова: «Репрессия – карательная мера, исходящая из государственных органов». Всего тогда было репрессировано около 440 тысяч немцев Поволжья. Расселяли немцев в Новосибирской и Омской областях, а также в Алтайском и Красноярском краях. Всего в Красноярский край прибыло около 68 тысяч переселенцев. На тот момент у моего прадедушки Майснера Иоганнеса Яковлевича и прабабушки Эммы Генриховны уже был старший сын Александр. И вот уже спустя столько лет разговор с Александром позволил мне многое узнать: «Никаких шпионов и диверсантов среди населения не было. Да и просто на сторону фашистов никто не собирался переходить. Вся наша жизнь-то была здесь. А на сборы нам дали сутки. Потом нас еще через реку переправляли. А вот потом погрузили в теплушку и мы поехали. Уже здесь, в Сибири, поезд начал останавливаться на станциях и нам зачитывали, какие семьи и кто здесь выходит, а все остальные ехали дальше. Вот так и получилось, что нашей семье сказали вы-

ходить в Глинке, а ещё два отцовских брата поехали дальше». Как вы помните, в вышеизложенном Указе говорилось, что все семьи будут наделены угодьями и землями. И вот что он мне рассказывает уже по прибытии в Сибирь: «Ничего там не было. Выделили несколько каких-то полуразрушенных домов, в которых и жить-то нельзя было, а нас было много семейств. Вот и жили у разных одиноких старушек, еще и работали на неё, чтоб не выселила. Кушать нечего было. Из Поволжья все равно много чего привезли: и шали, и пальто, и другую утварь разную. А у нас деревня была бедная, рядом, километра три всего, была другая деревня, богатая. Горбы называлась. Вот женщины и ходили туда все выменивать. В итоге все, что привезли-то, и выменяли на картошку и сало».

Но для моей семьи, как и для многих других, это было только начало настоящих испытаний. Летом 42 прадеда забирают в трудовую армию, а в августе у прабабушки рождается ещё один ребенок, который в будущем будет моим дедом. В итоге мать с двумя маленькими детьми остается один на один со своей судьбой, а её муж вернется только через 7 лет.

На одном из этапов, на каком именно, к сожалению, мне установить не удалось, теряются настоящая фамилия и имя на всей моей семье. Из семьи Мейснер в Поволжье она становится семьей Майснер в Сибири. Иоганнес Яковлевич становится Иваном Яковлевичем, а Эмма Генриховна становится Эммой Андреевной.

Таким образом, жизнь моей семьи резко делится на две части: до и после, в Поволжье и Сибири. Она делится на две разные жизни.

Так или иначе, но время шло, и война кончилась. Вернулся и прадед домой в 1949. О времени с 1942 по 1949 мне почти ничего не удалось узнать. Все мои родственники говорили примерно одно. Вот слова одного из внуков: «Об этом в семье было вообще не принято говорить и что-то спрашивать. Даже если кто-то у бабы с дедом спрашивал это – то обычно они отвечали, что знать нам это незачем, или вовсе

начинали плакать». Уже сейчас я понимаю, почему все было именно так, ведь эти люди пережили такие ужасные события.

До 1964 года каждую неделю нужно было всем членам немецких семей ходить и отмечаться в комендатурах, которые находились при сельских советах. Так продолжалось до 1964 года, когда выходит указ Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941», но покидать место жительства еще не разрешается. В 1972 году, когда принимается указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», моя семья сразу же перебралась в соседнюю деревню Новоалтатка. И вот уже там началась еще одна новая жизнь.

Дом строили по немецкому стилю: комнаты были очень большими и просторными. Но не только стиль жилища остался от Поволжья, очень многое откликалось и здесь, в Сибири. Старшие дети владели немецким языком не хуже чем русским, но говорили на нем только дома, потому что долгое время еще жили в страхе. «Когда баба начинала ругаться, то речь её была русской вперемешку с немецкой, – рассказывает мне мой отец, их внук. – Я немецкий не знал, поэтому мне иногда её было трудно понять». Остались и национальные блюда, а именно, штрудель и ривелькухен. Штрудель – это знаменитые немецкие рулеты и открытый пирог. Всегда в доме было много мучных кондитерских изделий: пироги, пряники, булочки и многое другое. Это тоже пришло с Поволжья. Каждый вечер вся семья собиралась за чтением библии, все той же поволжской библии на немецком, которая уже много десятков лет переходит по наследству по мужской линии нашей семьи. Эту библию не принято показывать посторонним людям, а также фотографировать и сканировать. Это была воля моей прабабушки. Осталось и уважение к старшим. В семье дети к старшим обращались всегда на «Вы». Благодаря присущему немцам тру-

долюбию прадед мой был награжден в 1972 году званием «Ударник коммунистического труда».

Семья была большая. Было 6 детей, поэтому Эмма Андреевна дважды была награждена «Медалью материнства» второй и первой степени.

Дети выросли, и жизнь раскидала всю семью. Теперь география нашей семьи и Назарово, и Новоалтайка, и Назаровский район, и Красноярск, и Новокузнецк, и, наверное, к этому списку можно ещё причислить то далекое Поволжье, хотя с каждым годом оно становится все дальше от нас.

Еще в Поволжье главной ценностью была семья, ей она и осталась. Не нарушая той традиции, несмотря на то, что всю нашу семью разделяют сотни километров, иногда нам все же удается собраться вместе.

Проводя свою исследовательскую работу, у меня было странное ощущение, как будто я сама прикоснулась к целой эпохе, причем моя семья, а значит и я, являемся маленькой частичкой этой эпохи. Уходит время, уходят от нас и люди, которые были неразрывно связаны с той историей. Несколько лет назад ушел из жизни мой прадед, а месяц назад и прабабушка. Уходят люди – уходит эпоха. Это ощущение прикосновения к истории останется во мне навсегда.

В заключение всегда следует отвечать на вопрос: «Что дала мне эта работа?» Эта работа дала мне мою историю. А разве можно говорить о будущем, когда не знаешь своего прошлого и, следовательно, настоящего. Теперь я знаю свое прошлое, а значит, что теперь у меня есть и будущее. Значит, моя работа была проделана не зря.

Библиографический список

1. <http://ru.wikipedia.org/>
2. <http://www.wolgadeutsche.net/> «Историческое, географическое и статистическое описание немецких поселений»
3. Вашкау Н.Э. Немцы в России: история и судьба. / Учебное пособие – Волгоград, ВГУ – 1994. – С. 68.

4. Журавлева О.Н. Полная энциклопедия школьника. История. История России. – Санкт-Петербург. – 2005.
5. Энциклопедия для детей. Т. 5, ч. 3. История России. ХХ век / Сост. С. Т. Исмаилова. – М.: Аванта, 1996.
6. Этноатлас Красноярского края. Немцы. / Гл. ред. Р.Г. Рафиков. – Красноярск, 2008.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОВОРОВ ГЛАЗОВСКИХ НЕМЦЕВ: НАБЛЮДЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Н.Н. Орехова, О.Н. Обухова

*Глазовский государственный
педагогический университет*

Изучение языка и культуры этнической общности немцев, проживающих в городе Глазове (Удмуртская Республика), началось в 2007 г. Мы ориентировались на постоянный состав национально-культурного центра «Wiedergeburt» и аффинированного подразделения «Frauenklub». Постоянный состав последнего насчитывает 57 человек. «Frauenklub» является ядром и “мозговым центром” объединения «Wiedergeburt». Он работает на регулярной основе и приветствует участие этнических немцев и их потомков, родственников, друзей немецкого языка независимо от возраста и пола. Еженедельно проходят встречи со сложившимися традициями. Это – приветствие и традиционные фатические формулы на немецком языке (Guten Tag! Grüß dich! Wie geht's? Wie steht's mit der Gesundheit?), информирование об отсутствующих и/или заболевших, о прибытии родственников из Германии. Это заслушивание кратких рассказов юмористического и/или назидательного содержания, разгадывание загадок, шарад, элементов кроссвордов. Звучит и немецкая, и русская речь. Далее обсуждаются плановые мероприятия (участие в Дне жертв политических репрессий у памятника жертвам террора и узникам лагерей, текущие репетиции хора к календарным праздникам и т.п.). Накануне

не праздников нередко происходит обсуждение и обмен рецептами традиционной немецкой кухни, обмен опытом по благоустройству/дизайну жилья и садового участка, рукоделию. Часто проводятся Дни именинника с традиционными поздравлениями и чаепитием (в основном язык общения русский). Торжественно отмечаются два календарных праздника, Ostern и Weihnachten, с приглашением этнических немцев из близлежащих городов и поселков, представителей отдела культуры городской администрации, знакомых и родственников. Выступает хор (в хоре поют не только женщины, но также мужчины), звучат приветствия на немецком языке, иногда стихи в детском исполнении, танцевальные номера. Программа концерта включает до 20 номеров. Далее следует праздничный ужин с традиционной сервированной и дизайном, национальными блюдами. Обобщая такого рода этнографические наблюдения, можно говорить о значительно более глубокой укорененности обрядов и традиций, нежели этнического языка, доля которого даже в подобной “ритуальной” коммуникации занимает не более 10%. Однако существуют объективные причины минимализации места немецкого языка, в оценке которых единодушны практически все исследователи островных немецких диалектов; мы ранее также это отмечали [Бергнер 2007: 4-12, Шадт 2004: 127- 135, Байкова 2008: 26-34, Орехова 2008]. Хотелось бы высказать слова благодарности тем, кто, несмотря на долговременные социополитические последствия преступных действий тоталитарного режима, сохраняет свою лингвокультурную идентичность и неравнодушен к доступу и обнародованию соответствующей информации.

Кратко характеризуем условия и ход проведения полевых исследований. Всего было проинтервьюировано 10 этнических немцев, в возрасте 70 – 80 лет – 5, 50 – 69 лет – 4, 1 информант в возрасте 30 лет² с записью на диктофон SONY TCD 100 с последующим аудитивным анализом. Интервью-

²Деление на возрастные группы «70 – 80» / «50 – 69» обусловлено историческим фактором депортации немцев: 1 возрастная группа – депортированы (с/без семьи) в УР в период 1941 – 1947 гг., 2 возрастная группа – поколение депортированных немцев.

ирование проводилось на основе ранее апробированной анкеты, не включавшей вопросы, напрямую связанные с психотравмирующими воспоминаниями. В целом высказывания выглядят как “Russlanddeutsch”: каждая из протяженных фраз содержит русскоязычный фрагмент. В своих рассказах представители старшего поколения неизменно возвращаются к эпизодам депортации и “репатриации”, трудностям и лишениям послевоенного периода:

Респондент (ШАГ). Ukraine, das ist ein ganz ander' Land jetzt, вот. Ich bin geboren Saporoshskij Gebiet, Gorkovskij район, село Wodjanoje / Dorf Wodjanoje.

Респондент (ВЯ). Das war 'sehr schweres Jahr, da 1937, вот, да ист er gestorben dort, im Kaukas' schon.

(ШАГ). Die Menschen, die fallen, die fallen, war das so viel, so viel ist, wie sagt man dann <...> ну, от голода уже мы пухли. И голод был страшный, вот 45 – 47-ой год. Mein Bruder, der erste, der morgens holt, äh, mir dort in die Schule, несет в школу, потому что ich habe keine Schuhe.

В целом в лингвистическом смысле речь глазовских немцев не представляет собой некоего единства, данный “малый остров” рассматривается нами как совокупность диалектов (аналогичная позиция у О.В. Байковой [Байкова 2008]). Тем не менее, в речи представителей старшего поколения явно присутствуют диалектные признаки, интерферирующее воздействие русского языка и еще один слой является не вполне ясного генезиса.

Собственно диалектные признаки отчетливо проявляются на фонетическом уровне. К особенностям нижненемецких диалектов относятся следующие из них: глухой статус щелевого меняется на звонкий [h] → [g]/[j]: abliehen [aplī:°gen]/ [aplījen]; verzeihe → [vertsīç']

сохранение старого различия между звонкими (слабыми) и глухими (сильными) согласными, спирантизация:

а) реализация [g] как глухого спираанта [χ]/[ç] на конце слова и перед согласными: Gorkovskij Rayon [xor'kovski ga-jon], im Krieg [im kri:ç], achtunddreißiger Jahr [axtundrais'içe' ja:r]

б) спирантизация согласных *g* → *x*; *tz* → *ç*; *h* → *ç*: *Wilhelmina* [vilgelmina], *jetzt* [jeç]

сохранение старых узких долгих гласных (которые позднее дифтонгизировались): *noch ein Bruder war* [a^ø:n], *meinen* [mīnen], *befreundet* [°befründet]

сохранение произношения *s* перед согласными как [s/z], а не как [ʃ]: *drei Schwester* [drai z̥ester], *schwer* [sve:r]

выпадение носовых перед спирантами с удлинением гласного: *fünfundvierzig* [fīfunfi:rtsiç], *Hänseln* [hæjnsa:']

Отмечается отдельные признаки верхненемецких и швабского диалекта:

расширение дифтонга [oø] → [oi]/[ai]: *Deutsche* [doit̥e/ dait̥e], *neun* [nain], *Neujahr* [naija:r], *ihre Häuser* [ire haizer], *heulen* [hailen]

расширение: *i / u* → [e]: *in* [en], *du* [de], *in der Ukraine* [en d ukraine:], *kann sie* [kann zə]; *a* → [o]: *waren* [voren], *abends* [oben']; *o* → [a]: *dort* [dart], *Hochdeutsch* [haxdaitʃ]

Возможно, к общим для немецких диалектов процессам относится делабиализация гласных ö, ü → [i, ē]: *möglich* [mēŋkləç], *fünfste* [fīnste], *fünfundvierzig* [fīfunfi:rtsiç], *früher* [frī:er], *schön* [fē:n].

К проявлениям **межъязыковой интерференции**, на наш взгляд, можно отнести следующие явления:

в области консонантизма –

отсутствие твердого приступа (Knacklaut) в речи всех респондентов,

снижение напряженности щелевых, ослабление придыхания [p, t, k] в инициальной и финальной позициях,

слабая интенсивность аффрикат [tʃ] и [ts],

расширение сферы палатализации, что присутствует в высказываниях всех респондентов: *gestern* [g'estern], [gr'ø:s], *fortgenommen* [fo tg'enomen]; *Mensch* [m'enf'], *sehr* [z'e:], *der Krieg* [d'e: k'r'i: k'], *lass* [l'as]; *Baumgärtner* [baumg'ertn'er], *verzählen* [ferts'e:l'en]; *Laden* [l'a:d'en],

увеличение зоны прогрессивной ассимиляции, свойственной русским произносительным стандартам (при сохранении характерной для немецкого языка регressive-

ной модели): Plattdeutsche sind die [pladoitʃə sind di:], Vater [fa:der], das Haus verkauft, hat alles [das haos ferkaof/ han ales], Jakob ist im Krieg gestorben [jakob^o is imjə kri:g^o gestorbm],

упрощение артикуляции, уподобление русской произносительной традиции (произнесение в позиции звонкого аллофона z/s вместо [ʃ]): drei Schwester [drai zɛster], schwer [sve:r].

В области вокализма значимы следующие процессы:

качественные изменения гласных, в том числе редукция: in [en], du [de], in der Ukraine [en d ukraina:], die [d'], dort [dɑrt], kann sie [kann zə], waren [vɔren], abends [oben'], Hochdeutsch [haxdaitʃ],

качественные изменения дифтонгов и монофтонгов:

а) редукция ei → [a^ø] / [i] / долгий гласный [a^ø:]; eu [oø] → [ü]: noch ein Bruder war [a^ø:n], meinen [mīnen], befreundet [øbefründet],

б) расширение дифтонга [oø] → [oi]/[ai]: Deutsche [doitʃe/ daitʃe], neun [nain], Neujahr [naija:r], ihre Häuser [ire haizer], heulen [hailen];

в) расширение монофтонгов: монофтонга ä > æ: meine Mutter, tut immer Krähen, Hänseln [maïne muter tu:t imer kræjen/ hæjnsa:];

частичная редукция гласного на конце слова: unsere Familie [unzər familia:], Ukraine [ukraina:].

Как можно убедиться, значительным преобразованием подвергаются дифтонги (звукотип, отсутствующий в русском языке), достаточно велика зона редукции гласных в безударной позиции, а также в служебных словах. Реализация типологически значимой оппозиции по долготе – краткости гласного в ударном слоге также минимизирована. Интерферирующее воздействие русского языка проявляется и на интонационно-просодическом уровне. Четкий ритм, свойственный немецкой речи (в том числе и диалектной) минимизирован. Под воздействием северорусских говоров и контактирующих с ними на территории Удмуртии удмуртского и татарского языков мелодический рисунок фразы приобретает специфическое звучание благодаря удлине-

нию ударной гласной в финальном слоге синтагмы. Однако этот вопрос требует отдельного изучения.

Ряд отмеченных в идиолектах явлений, скорее всего, относится к общим для немецкого, германских и других европейских языков тенденциям. Так, фонетисты отмечают ослабление четкости артикуляции, усиление назализации гласных, переход взрывных звукотипов во фрикативные, ослабление лабиализации [Брызгунова 2008: 329, Елистратов 2006: 25]. В исследованном нами массиве отмечается делабиализация гласных ö, ü → [i, ē]: möglich [mēŋkləç], fünfte [fīnste]; fünfundvierzig [fīfunfi:rtsiç], früher [frī:er]; schön [ʃē:n]. Имеет место редукция падежных форм существительных, смещение падежных форм личных местоимений (дат. и вин. пад.), нарушение управления в дательном и винительном падежах существительных, системные нарушения рамки, приоритет коммуникативно-прагматических стратегий перед структурно-нормативными [Ермакина 2008, Брызгунова 2008: 327]. Таким образом, изучая специфику островных немецких диалектов, целесообразно учитывать общие тенденции эволюции языковой системы, что убедительно раскрыл Петер Розенберг [Rosenberg 2005: 230 – 234].

Рамки статьи не позволяют в должной мере проанализировать идиолектное своеобразие говоров глазовских немцев на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровне. Надеемся продолжить исследование и поделиться полученными наблюдениями в последующих публикациях.

Краткая справка об информантах (образцы анкетных данных)

Шишкина Анна Георгиевна (ШАГ), девичья фамилия Бумгартен, 1938 г. рожд., Запорожская область (Украина). В 1942 г. семья была репрессирована. Переехала вместе с семьей в Польшу, затем в Германию. В 1945 г. семья вернулась на Украину. 24 ноября 1945 г. были депортированы в Глазов. Анна Георгиевна ходила в русскую школу, получила среднее образование. Закончила медицинский институт в г. Ижевске (Удмуртия). Работала по профессии в г. Глазове

в ЦРБ (центральная районная больница). В семье говорили по-немецки, по-украински и по-русски. Немецкий язык изучала также в школе и в институте. Осознает разницу между литературным языком и диалектом.

Валл Яков Абрамович (ВАЯ), 1923 г. рожд., Ростовская область, Матвеев-Курганский район, деревня Винокосовка. Отец умер в 1931 г. Мать одна воспитывала 6 детей. В военные годы Яков Абрамович был интернирован сначала под Ташкент, затем демобилизован в трудармию в колхоз Кизотур, впоследствии был отправлен на поселение в г. Глазов. В семье говорили по-немецки и по-русски. Осознает разницу между литературным языком и диалектом.

Библиографический список

1. Байкова, О.В. Современное состояние немецких говоров Кировской области и особенности их системы вокализма. Монография / О.В. Байкова. – Киров: Изд-во Вят ГГУ, 2008.
2. Бергнер, К. Российские немцы: иммиграция и реабилитация / Кристоф Бергнер. // Культура немцев России. – 2007, № 1.
3. Брызгунова, Е.А. Связь внутренних законов языка с нормой устной и письменной речи / Е.А. Брызгунова. // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический проект; Алма Матер, 2008.
4. Елистратов, В.С. Глобализация и национальный язык/ В.С. Елистратов. – Вестник Моск. госуд. ун-та. Серия 19 – лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006, № 4.
5. Ермакина, Н.А. Реализация рамочной структуры предложения в островных немецких говорах / Н.А. Ермакина. // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига): материалы Всероссийского научно-практического семинара. Красноярск, 2 – 4 июня, 2008 г. / отв. ред. В.А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2008. – С. 66-75.

6. Орехова Н.Н., Ивонина В.Н., Перевощикова Н.А. Этнические немцы Глазова сегодня: язык и культура / Н.Н. Орехова. // Актуальные проблемы немецкой островной диалектологии (памяти Г.Г. Едига): материалы Всероссийского научно-практического семинара. Красноярск, 2 – 4 июня, 2008 г. / отв. ред. В.А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2008. – С. 109–119.
7. Шадт, А.А. Трансформация этнического самосознания российских немцев в условиях этнической ссылки (1940 – 1950-е гг.) / А.А. Шадт. // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат. междунар. науч. конф. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 126–135.
8. Rosenberg, Peter. Dialect convergence in the German language islands (Sprachinseln) / Peter Rosenberg. // Dialect Change. Convergence and Divergence in European Languages. – Cambridge University Press, 2005.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НЕМЦЕВ СЕЛА БАЛАХТОН КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ

Е. Н. Первушина
*МОУ «Балахтонская средняя
общеобразовательная школа»
Козульского района Красноярского края*

Одним из приоритетных направлений работы нашей школы является исследовательская деятельность. Данной работой мы начали заниматься с 2000 года, именно в этот же год в школе был открыт школьный музей, который получил в 2008 году официальный статус «Школьный музей». Для нашего музея характерно сочетание различных форм экспозиций, размещенных в трех комнатах. В первой можно ознакомиться с описанием нашей местности, развитием животно-

го мира. Здесь воочию можно убедиться, как велик и разнообразен природный мир нашей местности.

Экспозиции второй комнаты хранят память об истории села, судьбах людей, живших и живущих среди нас.

Третья комната в своем роде уникальна, ее внутреннее убранство рисует картину жизни сибирских старожилов.

Среди экспонатов имеется много фотографий, личных документов, что ставит перед исследователями все больше вопросов. Но мы сознательно сужаем круг возможных тем, свои работы мы посвящаем истории своей малой родины. Каждая выбранная нами тема – это история повседневности, что означает – близкая нам история, т. е. та, что заключена в судьбах рядом живущих людей, семей, деревень. Нами проделана большая работа по обобщению результатов поисково-исследовательской деятельности по теме «Репрессированные немцы», так как в нашем селе четвертую часть всего населения составляют немцы. Это все люди пенсионного возраста, во время выселения им было 12-15 лет, но время не стерло из их памяти тех трагических дней сентября 1941 года.

Этим людям мы посвятили свои работы:

2000-2002 гг. «Свои и чужие»;

2002-2003 гг. «Проблемы сибирских немцев в период войны и послевоенное время»;

2004-2005 гг. «Положение немецкого населения в первый период проживания в Сибири»;

2006-2007 гг. «Процесс адаптации и психологического вживания немцев»;

2007-2008 гг. «Исчезающее ремесло»;

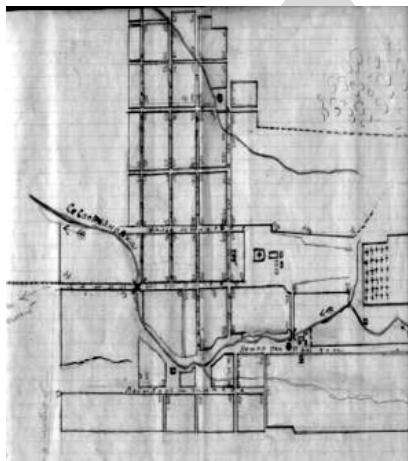
2008-2009 гг. «Причины и условия достаточно успешной социализации и уважения по отношению к немцам».

Нами сделан обзор доступной для анализа литературы, показаны условия и причины углубления исследований по проблеме сибирских немцев в период войны и послевоенное время.

Наша местность – Балахтон – в этом отношении специфическое и достаточно типичное село. Во-первых, процесс

адаптации и психологического вживания в состав местного населения был достаточно недолог, это подтверждает собранный нами материал о наличии близких дружественных отношений между детьми и взрослыми русских и немецких жителей села. Во-вторых, были условия для достаточно успешной социализации и уважения по отношению к немцам села Балахтон. Можно добавить, что, например, Мецгер А.А., несмотря на биографию спецпереселенца, был секретарем комсомольской организации, одним из первых Ударников Коммунистического труда Балахтонского совхоза.

Ценностью наших исследований считаем собранный по каждой теме документальный материал, фото и видеоматериал, в котором представлен итог достаточно длительной и кропотливой работы авторов. Важно то, что в работе поставлены вопросы и проблемы для дальнейших исследований (например, исследовать судьбы семей Ротермель, Гардт И.И., Девальд В.Ф., Гейнц И.А. и многих др.). Все репрессированные немцы нашего села проживали в Саратовской области, Бальцеровском районе, селе Антон.

План села и фото из личных документов Фохт Марии Кондратьевны

ОГНОРГ СПРАВКА

Дана Федина Мария Георгиевна женщина
 гражданка СССР по 20 апреля 1942 года рождения в том что она лицо в отношении
 рода Софийская обл. Белогорский район
 рода Краснодарского края.
 О спасенном из концлагеря: 25.01.1943 г. 1943 года
 по постановлению Указа ПВС СССР от 10 декабря 1943 года
НАЧАЛЬНИК ОГНОРГА РСФСР Борис Б. Бондарев
017539 Мария Георгиевна Федина
 гражданка СССР по 20 апреля 1942 года рождения в том что она лицо в отношении
 рода Софийская обл. Белогорский район
 рода Краснодарского края.
 О спасенном из концлагеря: 25.01.1943 г. 1943 года
 по постановлению Указа ПВС СССР от 10 декабря 1943 года
НАЧАЛЬНИК ОГНОРГА РСФСР Борис Б. Бондарев

Справка о выселении из комендатуры, семейный архив Шнейдер И.И.

ПРИЕМНАЯ КВИТАНЦИЯ № 275

На имущество колхозника или единоличн. крестьян. х-ва

Область Саратовская - 42 - районный 194 г.
 Селение или колхоз Балахта Район Балахтский
 Фамилия, имя и отчество переселенца Гардина Михаил Иванович

Название имущества	Количество	Состояние	Стоимость
1. Быт. имущество хлопок, яч. и сено	1	отлично	5740
2. Хорошее из своих барахлов	1	—	940
Шкаф для оде- жды	1		100
Музыкантское ин- струмент со стулом	1		470
Кровать деревян.	1		30
Койка металлическая	1		20
Стол	1		15
Столовые	3		31
Шкаф для посуды и т. п. мелочей	1		20
Стулья	10		10
Музыкалька	1		30
			5

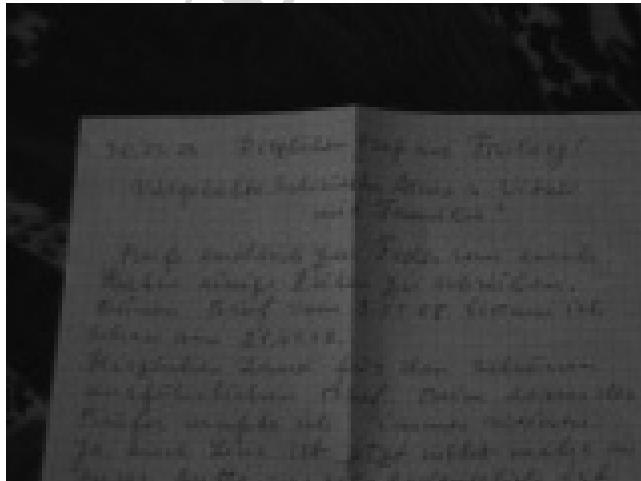
28 февраля 1956 года на основании Указа ПВС СССР от 15 декабря 1955 года все немцы были освобождены от поселения. Никто из Балахтона не вернулся обратно в Саратовскую область, Балахтон стал их второй родиной. Здесь они создали семьи, здесь родились их дети. Многие из них пошли работать в колхоз. Трудились на совесть, неоднократно становились ударниками труда, их представляли к наградам, вручали грамоты и благодарственные письма.

Целью наших работ являлось изучение особенностей судеб репрессированных немцев, проживающих в нашем селе более 70 лет. Мы пытались доказать, что эти люди смогли выжить, сохранить тот внутренний стержень, который зовется человечностью. Они гнулись, но не ломались, смогли отстоять свое право на жизнь, сохранить свою культуру и самобытность.

В нашем музее представлены предметы немецкой культуры.

Больше половины немцев владеют немецким языком на разговорном уровне, остальные понимают немецкий язык и могут объясняться.

На немецком в основном читают божественные книги, молитвы, поют немецкие песни, пишут письма на родном языке.

Одной из характерных деталей интерьера дома немцев являлась вышивка и кружевоплетение.

Вышивки Гейнц Ирины Александровны.

Вышивались узоры на наволочках, покрывалах, ночных рубашках, полотенцах и т.д.

В результате исследовательской работы видеотека музея пополнена следующим материалом:

1. видеоматериал « Верфель Э.Ф поет на немецком языке молитву».
2. видеоматериал « Демонстрация немецких книг в доме Фохт М. К.», например,
3. Бруль В.П. Немцы в Западной Сибири. – Топчиха, 1995. – ч. 1.- 95с.
4. видеоматериал «Воспоминания Мецкера А.А об особенности построения немецкого жилища».
5. видеоматериал «Фохт М.К. рассказывает рецепт приготовления немецкого блюда».
6. видеоматериал « Шаробайко Г.А. рассказывает о блюдах немецкой кухни».
7. видеоматериал «Форналь С.А. говорит о том, что в своей семье соблюдает отцовские традиции».

Собранный материал активно используется в исследовательской работе учащихся школы, помогает в воспитании толерантности, уважительного отношения к истории села, семьи, отдельных личностей.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НЕМЦЕВ АЧИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

А.А. Рубен

*МОУ «Березовская основная общеобразовательная школа» Ачинского района
Красноярского края*

Мы живем в поселке Березовый Ачинского района, где половина населения – немцы Поволжья, переселенные сюда по печально знаменитому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941года. Многие наши учащиеся имеют немецкие корни. Так что нам очень важно узнать

историю этого народа. Мы занялись этим на занятиях кружка «Помним корни свои», которым я руковожу с 1995 года.

Прежде всего, мы обошли дома немцев, побеседовали с каждым жителем. По их воспоминаниям мы составили альбом о немцах пос. Березовый. Здесь и их рассказы-воспоминания, и их фотографии, копии документов, какие хранятся у них в семейных архивах, с которыми они пока не готовы расстаться, подарить их нам в наш школьный музейный уголок.

Некоторые беседуют с нами охотно, а другие не хотят даже вспоминать о тех страшных годах. Но все однозначно считают Березовку своей родиной. Все обиды со временем забылись.

Все немцы в нашем поселке – переселенцы из с. Красный Яр Саратовской области. Мы изучили родовые гнезда поселка. Это несколько поколений семей Кинстлер, Шефер, Дыль, Штырц, Лоренц, Горн и другие. Представители старшего поколения вспоминают, как их родители в начале сентября 1941 года получили указание собрать самую необходимую одежду себе и детям, еды на дорогу и покинуть родину. Ничего не объясняли. Их посадили на телеги и повезли на железнодорожную станцию Энгельс. Там погрузили в телячья, как они говорят, вагоны и повезли. Повезли в неизвестном им направлении. Везли 2 недели, так как ехали только ночью, днем стояли. Наконец, их выпустили из вагонов. Это была станция Ачинск в Красноярском крае. Здесь их распределили по ближайшим районам. Большинство наших теперешних односельчан были направлены в Березовку Ачинского района, некоторые – в Большеулуйский район. Но со временем они тоже переселились в Березовку, поближе к родственникам. Так и живут теперь здесь. Из старшего поколения многих уже нет. А молодые, вступая в смешанные браки, постепенно утрачивают родной язык и обычай предков. В семьях говорят по-русски, если нет немецкоговорящей бабушки. Многие немецкий язык знают только из школьной программы. Нам важно воспитать в детях уважение к своим предкам, к их языку, культуре традициям.

Поэт С. Викулов в стихотворении «Память рода» дает совет:

*Сумей расслышать это эхо,
Глубинным нервом ощутить,
Чтоб, не плутая, дальние ехать,
Чтоб не вслепую дальние плыть...*

Старожилы вспоминают, что, приехав в Сибирь, они много терпелись из-за своей принадлежности к немецкой национальности. В деревне их обзывали фрицами, фашистами, детей били сверстники, они не хотели из-за этого ходить в школу. Немцы не умели разговаривать по-русски, терпели оскорбления и унижения. Но многие с теплотой отзываются о своих соседях – русских. Они спешно учились разговаривать по-русски от соседей. Немцы не хотели идти на работу в совхоз, надеялись на скорое возвращение домой. Очень трудной была первая зима. Она застала немцев в Сибири неподготовленными к проживанию в суровых условиях. Нанимались на работу к русским, чтобы получить кусок хлеба да литр молока детям, собирали мерзлую картошку на полях и огородах. Привезенные с собой вещи выменивали на еду. Весной немцы насадили овощей, обзавелись хозяйством, строили дома. Сразу по приезду немцев поселили в бараки, оставшиеся от заключенных.

На родине они оставили дома, скот, неубранные огороды. Им сказали, временно. А оказалось, навсегда. Выжили за счет работы в совхозе, где на заработанные трудодни получали понемногу хлеба. Работали много, но зато не голодали. Давали пайку хлеба 600г в день на рабочего и 400г на иждивенца. Весной – в поле. Норму перевыполнишь, еще добавят 200г хлеба.

Уже осенью всех трудоспособных мужчин и женщин от 16 лет, у кого не было детей младше 3 лет, отправили в трудармию.

Мы с ребятами, участниками НОУ, членами кружка «Помним корни свои», хотели написать историю нашего поселка. Обращались неоднократно в районный архив. Но сведений о возникновении поселка так и не нашли. В районном архи-

ве нет сведений о поселке Березовка, нет такого населенного пункта, поскольку это был поселок по линии НКВД. Нет в архивах никаких упоминаний до 1962 года, когда по решению исполкома райсовета было присвоено наименование поселок Березовка.

Первыми жителями поселка были заключенные. По воспоминаниям старожилов, в 1927 году на территории нашего села была образована исправительная сельскохозяйственная трудовая колония. В ней широко использовался бесплатный труд заключенных. Впоследствии хозяйство стало самостоятельной сельскохозяйственной колонией НКВД, владеющей обширными землями. Деятельность исправительной сельскохозяйственной колонии направлялась в основном на освоение под пашню лесных массивов. Раскорчеванные массивы вспахивались и засевались зерновыми и гречихой. А спиленный лес вывозили в город на дрова, из древесины изготавливали различные изделия и инвентарь. В 1938 году на месте колонии возникло З отделение пригородного совхоза. Рабочие занимались полеводством, животноводством и свиноводством. Имелось собственное овощехранилище.

В 1939 году эти земли передали Красноярскому комбайновому заводу под название совхоз № 703. Здесь выращивали овощи для рабочих завода. Овощами были заняты большие поля: 120 га картофеля, 25 га капусты, 12 га свеклы, 4 га моркови и 3 га лука. Прополка овощей производилась вручную местными жителями, а убирать урожай приезжали рабочие с завода. Техники было мало: пара колесных тракторов, рабочие лошади да быки. Немцы были определены для работы на этих полях. Так, Кинстлер Амалия Карловна получила за работу на парниках звание «Ударник коммунистического труда». Многие немцы вместе с русскими работали доярками, телятницами и т.д. Позднее Амалия Карловна стала дояркой и работала на ферме до выхода на пенсию. Амалия Карловна – единственная оставшаяся в живых в нашем селе участница трудармии. О ее судьбе Лада Дюбакова писала на конкурс «Юниор» работу «Трудармия в судьбах березовцев».

Позднее, когда завод комбайнов отказался от подсобного хозяйства, поселок назывался 2 отделением Ачинского птицесовхоза, 1 бригада.

Наши поиски информации по истории села не дали результатов даже после обращения в краевой архив. Мы получили ответ, что все данные секретны, хранятся в архивах НКВД. Оттуда нам также не дали никакой информации. Те крупицы, которые мы собрали из воспоминаний самых старых жителей поселка, из сохранившихся в семьях материалов, мы оформили в работу «Вторая родина российских немцев. История села». С ней Донец Кристина в прошлом учебном году заняла 3 место на конкурсе исследовательских работ для младших школьников «Юниор». Требуется доработка, очень хочется завершить начатое, но материалов мало.

Есть немало ребят, заинтересованных в исследовательской работе, с которыми мы на кружке изучили, что такое наука генеалогия, что такое родовое древо, как составлять родословную и зачем это вообще нужно. Пользуясь этими знаниями, ребята создают свои родословные.

Наш девиз: «Не хотим быть иванами, не помнящими родства». Я считаю, важно помнить слова А.С. Пушкина: «Неважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности». На занятиях своего кружка и во внеклассной работе я постоянно ориентируюсь на этот принцип. Говоря о таинственности такого чувства, как родовая память и о способах её возрождения через родословные реликвии, мы не можем не признаться, что нас постоянно преследует эта таинственность. Чувство это особенно обостряется с утратой того или иного родича, когда мы почти физически ощущаем прерывающуюся связь между поколениями. Родовая память – это ностальгическое чувство.

Я учу детей бережно относиться к той информации, которую они еще могут сейчас получить от своих бабушек и дедушек, а их, к сожалению, осталось совсем мало. В работе над родословной все надо успеть сделать сегодня! Завтра может быть поздно. Учу детей тому, как эту информацию собирать. Сидя зимним вечером за совместной с бабушкой

работой, вязанием, например, можно выспросить у нее все о ее детстве, молодости.

Работа по изучению истории своей семьи требует терпения, она очень скрупулезна, по сути дела, бесконечна и может продлиться не только всю нашу жизнь, но и ещё несколько жизней следующих поколений.

Учу детей создавать семейные архивы, бережно относиться к тем старым документам, которые есть дома: старые фотографии, газеты, письма, открытки, различные справки и другие документы.

Советую ребятам вместе с родителями заглянуть в бабушкин сундук. К сожалению, если уходит из жизни бабушка, то за ненадобностью выбрасываются и ее старые вещи. А это могло бы стать нашим музейным экспонатом. То, что мы успели спасти, мы собрали в нашем школьном музее. Это очень трудно, так как немцы, выезжая с Поволжья, везли с собой минимум вещей. А то, что привезли, были вынуждены обменять на продукты. Вещи были добротные, так как там немцы жили благополучно. Рассказывают: «Вот была у мамы юбка, но поменяла на картошку» и т.д. Мало сохранилось предметов одежды с тех времен. Нам удалось найти только 2 из них: женская блузка и мужская самошитая рубаха.

Очень интересна судьба еще одного нашего экспоната. Это скалка Нины Васильевны Пабст, которая осталась ей от свекрови, а той, в свою очередь, от ее свекрови. Ее привезла с Поволжья Амалия Фридриховна Пабст. Также в этой семье хранится молитвенник Амалии Фридриховны. Но он дорог семье, и нам они его пока подарить не могут. Радостно то, что это хранится в семье как память о старейших представителях рода.

Уважительному отношению к предкам учатся и внуки самой Нины Васильевны. Внучка Алена составила свою родословную и написала работу на конкурс исследовательских работ «Семья. Связь поколений». Затем с этой работой она приняла участие в «Музейной ночи – 2009» по теме «Национальность – сибиряк», где ее работа завоевала призовое место и была удостоена диплома.

У нас имеется интересный экспонат. Это сумка, в которой Лоренц Андрей Андреевич привез с родины свои документы. А сумка ему осталась от отца. Это была трофейная сумка, с времен 1-й мировой войны.

В нашем музейном уголке хранятся документы из семьи Пабст Карла Карловича и Лидии Фридриховны о выселении и реабилитации. Документы подлинные и очень ценные для нас. Есть старинные фотографии из семейных архивов

Немецкие женщины – хорошие рукодельницы. Нам подарили много вышивок и кружев. Есть даже вышивка 1960 года.

Мы с ребятами участвуем в работе районного центра немецкой культуры, принимаем участие в районных акциях, выступаем с кукольными спектаклями, вокальным ансамблем немецкой песни «Die Zukunft». В школе у нас есть традиция ежегодно отмечать немецкие национальные праздники с приглашением немецкого населения. Дети научились стряпать и готовить национальные блюда.

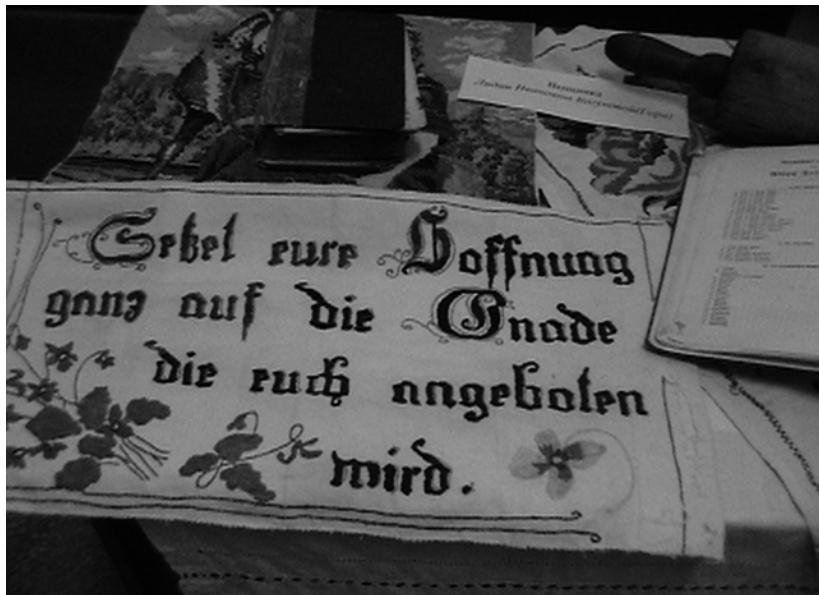
Вместе с членами моего кружка мы откликнулись на предложение Международного союза немецкой культуры принять участие в соцопросе о положении немецкого населения нашего и близлежащих поселков. Мы беседовали с представителями немецкой национальности разных возрастов с целью выяснить, насколько комфортно живется немцам в Сибири, хотели бы они выехать в Германию или вернуться в Поволжье. Большинство отвечали, что не хотят никуда уезжать, говорят, здесь теперь их родина. Они положительно отнеслись к предложенному соцопросу, надеются, что на них обратят большее внимание, раз заинтересовались их судьбами.

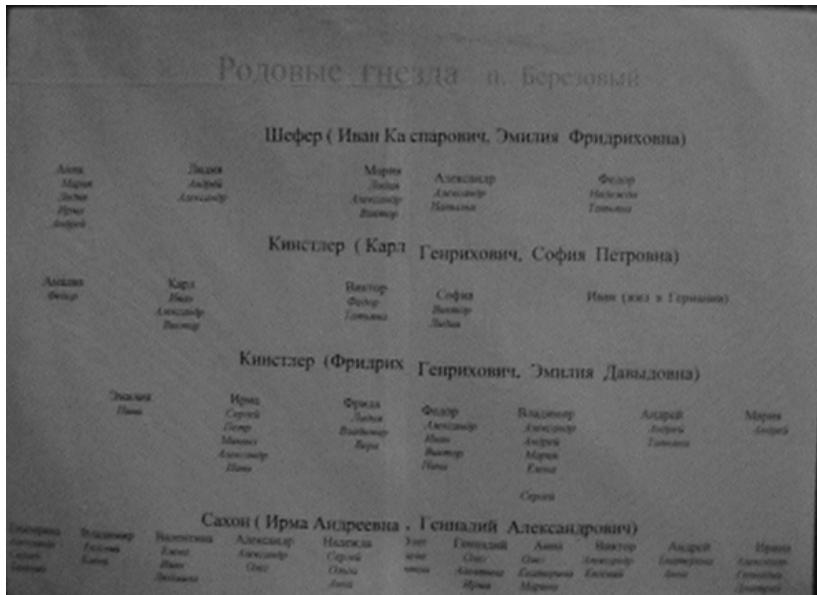
В заключение хочется сказать:

*Нам были память и любовь даны,
Чтобы сердцам ушедшим поклониться,
И, может статься, будут неполны
Без этих строк истории страницы.*

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ РАБОТЫ ПО СБОРУ ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА (из опыта диалектологических экспедиций)

Сагина Валентина Ильинична,
ассистент кафедры немецкого
языка ГОУ ВПО «Красноярский
государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева»

На территории Красноярского края уже несколько лет успешно реализуется программа по исследованию языка и культуры российских немцев, инициированная НКАН КК в сотрудничестве с Региональным диалектологическим центром исследований языка немцев Сибири и Красноярским культурно – историческим музеем центром.

В рамках этой программы летом 2009 г. в двух направлениях – восток и юго-запад – были организованы экспедиции

по малым городам, деревням и селам края для сбора материала по диалектам, истории и культуре российских немцев. Научный подход при сборе информации и ее обработке курировался со стороны Регионального диалектологического центра исследований языка немцев Сибири при КГПУ им. В.П. Астафьева (г. Красноярск). Руководитель центра, кандидат филологических наук, доцент, Валентина Александровна Дятлова уже на протяжении нескольких десятилетий занимается исследованием диалектов российских немцев и является признанным специалистом в этом деле [1].

Для участия в экспедициях были также задействованы молодые специалисты (студенты, аспиранты, преподаватели) в области немецкого языка.

Значение подобных экспедиций именно для студентов и аспирантов трудно переоценить. Их важная роль в процессе становления будущих диалектологов признаётся ведущими научными школами. Во время диалектологической экспедиции начинающие исследователи «изучают язык в социальном контексте, учатся применять методики экспериментального исследования, собирать, анализировать, обобщать материал; приобретают навыки лексикографической работы. Экспедиция позволяет расширить свои представления об истории и этнографии через изучение истории конкретного человека, его бытового уклада, своеобразия обычая и нравов» [2].

Разумеется, прежде чем приступить к реализации такого масштабного проекта, перед каждым участником экспедиции встаёт вопрос о методиках работы с информантами в полевых условиях. Ответ на этот вопрос каждый ищет по-своему: основываясь на полученных теоретических знаниях, собственном практическом опыте, интуиции.

Данная статья носит рекомендательный характер и предназначена поделиться с читателями эмпирическим опытом, накопленным автором, которому посчастливилось принять участие в одной из диалектологических экспедиций (в городе Назарово и Назаровском районе Красноярского края).

До основного этапа любой диалектологической экспедиции – сбора языкового материала – рекомендуется начать

с краткого социального анкетирования информантов, поскольку язык неизбежно подвергается влиянию социальной среды, а также индивидуально-личностных психологических особенностей человека. В совокупности это образует социокультурный фон, который необходимо учитывать при анализе собранного языкового материала. Примерный образец анкеты представлен на рис.1.:

Некоторые диалектологи рекомендуют также фиксировать любые внешние раздражители, которые так или иначе могли оказать влияние на результат: посторонние звуки (при аудиозаписи), состояние здоровья информанта, а иногда даже время суток и погодные условия в день исследования.

Охарактеризовав основные индивидуально-личностные особенности и внешний фон, можно смело приступать к сбору языкового материала. Сначала, разумеется, необходимо чётко определить для себя объект исследования.

Правильно составленная языковая анкета, грамотно спланированный алгоритм сбора диалектной информации и работы с информантом гарантируют начинающему диалектологу половину успеха.

Тем, кто всерьёз решил заняться такой увлекательной наукой, как немецкая диалектология, мы рекомендуем начать с анкеты Георга Венкера – первой диалектологической анкеты для носителей немецких диалектов, созданной в 1848 году. В своём окончательном варианте эта анкета состояла из 40 предложений различного объёма на литературном немецком языке, которые были ориентированы на выявление наиболее важных фонетических и грамматических особенностей диалектов. Каждое слово, входящее в эти предложения, было подобрано таким образом, что могло иллюстрировать определённое звуковое или грамматическое явление или группу явлений (например, наличие или отсутствие второго верхненемецкого передвижения, распределение дифтонгов и монофтонгов, форма окончания и др.).

Несмотря на некоторые недостатки анкеты (а именно, недостаточное внимание к лексическому составу диалектов), применение её позволит начинающему исследователю разо-

браться в методике работы по сбору диалектного языкового материала и на себе испытать все трудности этого процесса.

Основной вопрос, который приходится решать при изучении диалектов российских немцев, – это язык анкеты. Накопленный нами опыт показал, что, если анкета Венкера предлагается информанту в своём первоначальном варианте (на литературном немецком языке) с просьбой «перевести» предложения на свой родной диалект, то большинство опрошенных ограничиваются лишь незначительными изменениями оригинального текста анкеты. На наш взгляд, в этом случае срабатывает типичный для людей механизм «лени»: «Ну, мы так же и говорим...», – обычная в таких случаях отговорка. Если же анкета даётся на русском языке, то при переводе он неизбежно оказывает своё влияние, особенно на такой раздел языка, как синтаксис.

Таким образом, при работе с анкетой Венкера необходимо сразу же решить для себя: стоит ли мириться с потерей части информации при проведении анкетирования, сохранив при этом немецкоязычный текст, или же делать скидку на интерферирующее влияние русского языка уже во время обработки результатов исследования.

Стоит отметить, что в зависимости от объекта изучения анкету можно видоизменять для получения максимальных результатов [3].

Со временем, однако, даже самые тщательно обработанные данные, полученные с помощью предложений Венкера,

перестают удовлетворять исследователя, который, войдя во вкус, не желает мириться с узостью анкеты. Начинается поиск новых источников информации, основным из которых является текст (в самых разных его вариантах). Хорошо, если существует архив, корпус текстов, доступных каждому диалектологу. Но это, конечно, не может заменить «живую» разговорную речь, да и лишит исследователя удовольствия, которое получаешь от общения с информантами.

Чтобы вызвать информанта на разговор (и получить, таким образом, необходимый языковой материал) существует много разных способов. Кратко остановимся на следующих: опрос / интервью и использование наглядности.

1. Опрос / интервью. Прежде чем использовать этот метод, заключающийся в «беседе исследователя по заранее намеченному плану с лицом или группой лиц, ответы которых на вопросы исследователя служат исходным эмпирическим материалом для обобщений» [4], необходимо тщательно продумать список вопросов, чтобы ответы максимально иллюстрировали исследуемое языковое явление. Так, например, если вы изучаете грамматические формы прошедшего времени, то не имеет смысла спрашивать, чем информант занимается в настоящее время или какие у него планы на будущее. Неинформационными, с этой точки зрения, также считаются вопросы, требующие односложных ответов типа «да», «нет», «не знаю».

Приступая к интервью, мы старались придерживаться определённых правил:

- разъяснить информанту цель нашего визита, отметить значимость предстоящей беседы;
- пользоваться заранее намеченным планом, стараясь не «пускать беседу на самотек»;
- поддерживать интерес информанта к разговору, отступая время от времени от схемы, чтобы не превращать беседу в протокольный опрос;
- как можно меньше говорить и как можно больше слушать, но слушать «активно», проявляя неподдельный интерес к услышанному, создавая с помощью наводя-

щих вопросов специальные ситуации на заданную тему (метод направленного сбора);

- предоставить собеседнику возможность «выговориться»;
- записывать беседу на диктофон, но с дополнительной конспективной фиксацией полученного материала для уточнения того или иного языкового явления;
- стараться не переутомлять собеседника, переводить разговор на другие темы, давая возможность отдыха;
- закончить беседу раньше, чем информант успевал устать и др.

2. **Наглядность.** Использование иллюстраций, является, на наш взгляд, одним из наиболее полезных и интересных способов «разговорить» информанта (способ особенно продуктивен, если целью вашего исследования является сбор лексического материала). Но, подбирая иллюстративный материал для проведения исследования, нужно быть очень осторожным. «Важным вопросом наглядности является оправданность, целесообразность использования зрительного образа» [5]. Предположим, что вас интересует лексика по теме «Быт российских немцев». Какая из приведённых ниже иллюстраций является для этого наиболее подходящей?

A.

B.

C.

Покажите информанту картинку А и максимум, что вы услышите: «Haus», картинку В – «Haus, Garten, See...». Вряд ли такой результат удовлетворит исследователя, который занимается сбором и изучением так называемой фоновой лексики (т.е. лексики, несущей в себе определённую со-

циокультурную информацию). Очевидно, что для этого лучше использовать картинку С.

Какие бы «кудачные» (на ваш взгляд) иллюстрации вы не использовали, необходимо помнить, что, если они не вызывают у информанта никаких личных эмоций, то вам едва ли удастся вывести его на разговор.

Зачастую даже нет необходимости самим искать подходящую иллюстрацию, достаточно просто попросить семейный альбом. Практика подтверждает, что информанты всегда охотно показывают и (что особенно важно для лингвистического исследования) комментируют личные фотографии. Разговор при этом протекает легко и непринуждённо, создавая тем самым благоприятную для общения психологическую атмосферу.

В заключение хотелось бы отметить, что как бы хорошо исследователь, отправляющийся в экспедицию, ни владел разными методиками сбора диалектной информации, как бы тщательно ни был разработан план его работы, каким бы хорошим ни было техническое оснащение, но, если информант не чувствует с вашей стороны искреннего желания сохранить для следующих поколений язык простого народа, его культуру, то едва ли подобная экспедиция закончится успешно.

Библиографический список

1. Экспедиция по сбору диалектологического и этнографического материала в Козульском, Новоселовском, Ачинском и Назаровском районах Красноярского края / Заявка ЗАО «Общество Развития Новосибирск» на проведение мероприятия от 20 апреля 2009 г. / Грантополучатель НКАН КК;
2. Программа дисциплины «Диалектологическая практика» / Рабочие программы специальности 032900 (Русский язык и литература) Томского государственного педагогического университета / <http://www.tspu.edu.ru/?ur=259&ur1=261&ur2=264&ur3=992;>

3. Подробнее об анкете Венкера см. на сайте Dr. Wolfgang Näser, Marburg / <http://www.staff.uni-marburg.de/~naeser/wenker.htm>;
4. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1988. – с. 197;
5. Девкин В.Д. Немецкая лексикография / М.: Высшая школа, 2005 г. – 670 с.

**АНКЕТИРОВАНИЕ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ
СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ОПРОСА
ИНФОРМАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТЕЛЕЙ
НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ
гг. Уяр и Курагино Красноярского края)**

И.А. Скородумова, А.П.Ланг
*Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П.Астафьева*

Анкетирование с начала XX века является одним из самых распространенных и результативных методов опроса. Актуальность этого метода обусловлена большим количеством получаемого материала, на основе которого можно проводить исследования в различных сферах жизни людей. С появлением Интернета анкетирование получило еще большую популярность.

Метод анкетирования – это психологический вербально-коммуникативный метод, в котором в качестве средства для сбора сведений от респондента используется специально оформленный список вопросов – анкета. Анкетирование – опрос при помощи анкеты. [1]

Процесс анкетирования включает в себя следующие этапы: подготовка анкеты, на которую опрашиваемый должен дать ответы; распространение анкет, их обработка и анализ. [2]

Выделяют следующие типы анкетирования:

Групповое анкетирование – респондентов, отобранных по условиям выборки, собирают в одном помещении и после вступительной речи исследователя раздают анкеты. **Плюсы:** позволяет достигнуть полного возврата анкет и возможность пояснения в случае затруднения. **Минусы:** трудности могут возникнуть со сбором людей вместе, а также в связи с возможностью не индивидуального заполнения.

Индивидуальное анкетирование – анкетёр, объяснив правила заполнения анкеты, присутствует при ее заполнении, поясняя возникшие вопросы. **Плюсы:** возможность пояснения и полный возврат анкет. **Минусы:** большие затраты.

Почтовое анкетирование – предполагает рассылку анкет по почте, факсу, электронной почте или курьером. **Плюсы:** низкозатратность, дополнительные возможности в построении выборки. **Минусы:** отсутствие контроля за заполнением анкет (групповое заполнение, вмешательство третьих лиц, технические ошибки при заполнении) и низкий процент возврата (искажение выборки, затягивание сроков возврата).

Основные способы борьбы с данными минусами – это повышенное внимание к формулировкам вопросов, инструкциям к заполнению, стимулирование возврата анкет (предварительное оповещение об исследовании, личные обращения к респондентам, повторные обзвон и рассылка, призы и другие бонусы).

Анкетирование в прессе, вместе с продукцией. Способ анкетирования, когда анкета и инструкции к заполнению печатаются в прессе или прилагаются вместе с товарами. **Плюсы:** организационная простота. **Минусы:** неконтролируемый возврат анкет, отсутствие возможности построения выборки, отсутствие репрезентативности и способов перевзвешивания.

Опрос посетителей интернет-страниц. Респондент заполняет анкету на веб-сайте. **Плюсы:** организационная простота, быстрота получения результатов (анкеты получаются сразу в электронной форме), возможность постро-

ения интерактивных анкет упрощает применение сложных тестовых техник, возможность демонстрации графических иллюстраций. *Минусы*: сложность построения выборки, небольшие возможности для корректировки выборки, ограниченное количество пользователей сети. [3]

Подвидом анкетирования является **интервьюирование**. При интервьюировании контакт между исследователем и респондентом осуществляется при помощи интервьюера, который задает вопросы, предусмотренные исследователем, организует и направляет беседу с каждым отдельным человеком и фиксирует полученные ответы согласно инструкции. Этот метод опроса требует больших затрат времени и средств, чем анкетирование, но вместе с тем повышается надежность собираемых данных за счет уменьшения числа неответивших и ошибок при заполнении вопросников. Особенности интервью по-разному проявляются в различных его организационных формах. Рассмотрим их:

1) Интервью по месту работы, занятий, то есть в служебном помещении. Оно наиболее целесообразно, когда изучаются производственные или учебные коллективы, а предмет исследования связан с производственными или учебными делами;

2) Интервью по месту жительства. Оно становится предпочтительным, если предмет опроса касается таких проблем, о которых удобнее поговорить в неофициальной обстановке, свободной от влияния служебных или учебных отношений.

В прикладной социологии различают три вида интервью: формализованное, фокусированное и свободное.

Формализованное интервью – самая распространенная разновидность интервьюирования. В этом случае общение интервьюера и респондента строго регламентировано детально разработанными вопросником и инструкцией, предназначенней для интервьюера. При использовании этого вида опроса интервьюер обязан точно придерживаться формулировок вопросов и их последовательности.

Фокусированное интервью – следующая ступень, ведущая к уменьшению стандартизации поведения интервьюёра и опрашиваемого. Оно имеет своей целью сбор мнений, оценок по поводу конкретной ситуации, явления, его последствий или причин. Респондентов в этом виде интервью заранее знакомят с предметом беседы. Предварительно готовят и вопросы для такого интервью, причем их перечень для интервьюёра обязателен: он может менять их последовательность и формулировки, но по каждому вопросу должен получить информацию.

Свободное интервью отличается минимальной стандартизацией поведения интервьюёра. Этот вид опроса применяется в тех случаях, когда исследователь приступает к определению проблемы исследования. Свободное интервью проводится без заранее подготовленного вопросника или разработанного плана беседы; определяется только тема интервью. [4]

Анкетирование имеет как достоинства (оперативность, экономия средств и времени и др.), так и недостатки, связанные с субъективностью получаемой информации, ее достоверностью и т. д. Поэтому анкетирование необходимо сочетать с другими методами сбора первичной информации.

Нередко часть респондентов сообщает в анкете заведомо ложные сведения. Чаще всего это вызывается вполне естественным для нормального человека стремлением показать себя с лучшей стороны. Подобное стремление учитывается при коррекции тенденциозных и деликатных вопросов. Кроме того, анонимность обычно снижает, хотя и не исключает этого стремления, поскольку респондент может в анкете выражать те заблуждения, которые испытывает сам.

Неправда возникает также под влиянием эффекта уступчивого респондента: часть опрашиваемых, считающих себя интеллектуально развитыми, полагают, что знают, как «надо» отвечать.

Зашитить ответы от подобного проявления стиля респондента позволяют главным образом корректные постановки вопросов, а также соответствующая обстановка

опроса и сообщение о целях исследования. Анкета заполняется опрашиваемым самостоятельно, поэтому ее конструкция и все комментарии должны быть предельно ясны для респондента.

Обычная последовательность смысловых разделов анкеты такова:

1. Введение, в котором указано: кто (организация или научное учреждение, но ни в коем случае не авторы анкеты, ибо это может быть неверно воспринято респондентом) и для чего проводит опрос, как будут использованы данные; если требуется по содержанию вопросов, гарантия анонимности информации, инструкция по заполнению анкеты и прочие «организационные» моменты.
2. Вступительные вопросы.
3. Основные вопросы.
4. Заключительные вопросы.
5. «Паспортичка». (Сведения о демографических данных опрашиваемого).
6. Благодарность за сотрудничество в проведении опроса. Часто это повторная благодарность, так как во введении пишут: «Заранее благодарим Вас за сотрудничество».

Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев и Международный союз немецкой культуры проводили летом 2009 года этносоциологический опрос российских немцев. Проект осуществлялся на всей территории Российской Федерации. Всего нужно было заполнить 1500 анкет. Было осуществлено распределение по округам. Расчет выборки проводился по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Мы представляем Сибирский ФО, в котором численность немцев составляет 308727 человек. Доля в % – 51,69 %. В Сибирском ФО следовало опросить 775 человек. При проведении опроса рекомендовалось учитывать соотношение городского и сельского населения, половозрастную структуру. Анкета должна была быть заполнена полностью, не допускались пропуски вопросов. Исправления допускались, но

они должны были быть понятны для дальнейшей обработки. Анкеты должны были заполняться лично интервьюером, в крайнем случае допускалось самостоятельное заполнение анкет, но в этом случае анкеты должны были быть проверены и подписаны интервьюером.

Всего прошло две волны данного анкетирования: первая – летом 2009 г., а вторая – осенью 2009 г.

Наше исследование основывается на 13 анкетах первой волны, заполненных немцами города Уяра Уярского района и ПГТ Курагино Курагинского района Красноярского края. Опрошенным было предложено ответить на 46 вопросов.

При проведении опроса была учтена половозрастная структура немецкого населения. В представленной нам анкете используется следующая группировка возрастных категорий мужчин (38,5%) и женщин (61,5%): 18-24 года (7,7%), 25-29 лет (0%), 30-34 года (7,7%), 35-49 лет (15,3%), 50-59 лет (15,3%), 60 лет и старше (54%).

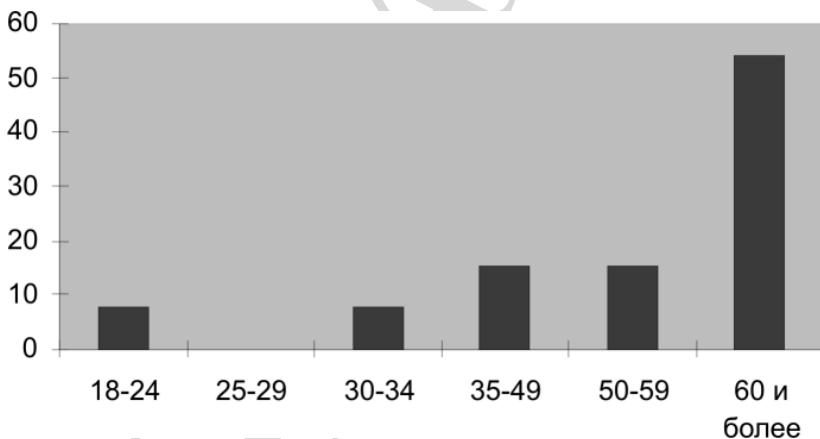

Рис. 1. Группировка возрастных категорий анкетируемых

Абсолютное большинство опрошенных российских немцев являются по национальности немцами. Также было выяснено, что 46% опрошенных имеют средне-специальное образование, 31% – высшее и 23% – среднее. Образование

получено на русском языке. Исходя из вышеизложенного, мы пришли к заключению, что в силу политических событий тех лет у людей немецкой национальности не было возможности учить немецкий язык и получать образование на родном языке. 62% немцев-респондентов изучали немецкий язык самостоятельно, в семье, 15% – на языковых курсах и 7,7% – в школе, в вузе и национально-культурном центре.

Рис. 2. Уровень образования

Немцы России в целом свободно владеют русским языком, а что касается ситуации с немецким языком в нашем опросе, то 40,5% опрошенных свободно владеют немецким языком, 37,5% – свободно говорят на нем, но не могут читать, 22,5% – понимают и могут объясняться.

Большинство опрошенных (31%) владеют диалектом и литературным языком, в свою очередь 23% российских немцев могут говорить на диалекте, а 15% – на немецком литературном языке. На вопрос «Как Вы оцениваете отношения между представителями Вашей и других национальностей?» 100% опрошенных ответили «доброжелательные». Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время кон-

Рис. 3. Уровень владения немецким языком

фликтов между людьми разных национальностей и немцами в Красноярском крае в Уярском и Курагинском районах в исследуемых селах нет.

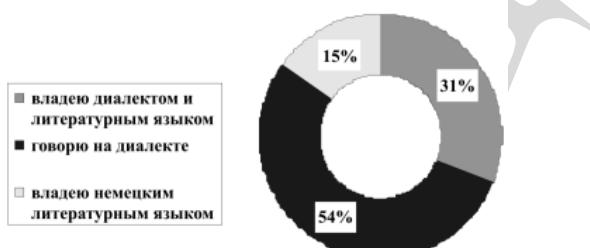

Рис. 3. Уровень владения диалектом

На вопрос под номером 23, который звучит так «Испытывали ли Вы когда-нибудь недоброжелательное отношение к себе из-за своей национальности», 77% респондентов ответили «нет», 15% (2 человека) – «да, но редко» и 7,7% – «да». Вывод: притеснения со стороны других национальностей к немцам существовали, но проявлялись не сильно.

Из поэтов, художников, композиторов и ученых самым популярным является Фридрих Шиллер, которого назвали 30,7% опрашиваемых. На втором месте идет Бах (23%), затем Гёте и Бетховен (15%). 46% вообще не назвали ни одной известной личности.

В анкете присутствует также вопрос о традиционных народных праздниках. Из анализа следует, что самым известным и отмечаемым праздником является Рождество (54%), затем следует Пасха (46%) и на третьем месте идет Троица (38,4%). Представители

Рис. 5. Проявление недоброжелательности со стороны людей другой национальности

немецкой национальности чтят свои традиции и отмечают национальные праздники.

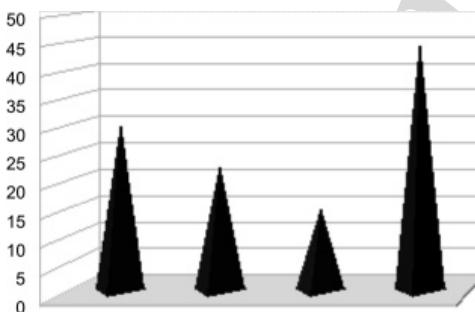

Рис. 6. Самая популярная личность

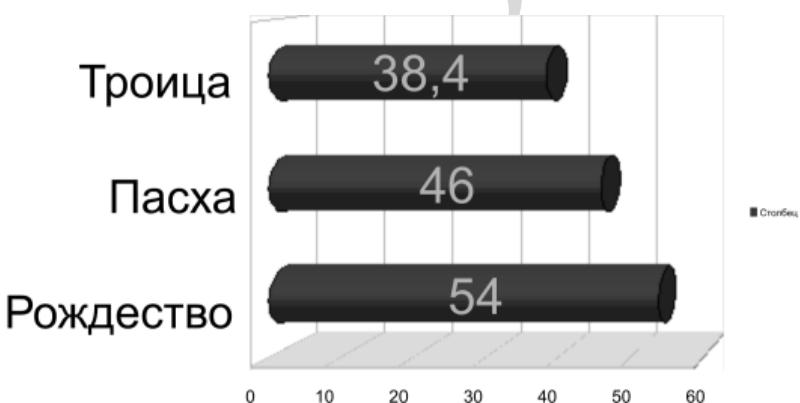

Рис. 7. Самые известные и отмечаемые праздники

Мы провели также анализ ответов на вопрос о том, к какой конфессии интервьюер себя относит. Итак, 69% ответило «к лютеранам» и 31% «к католикам». Все опрошенные (13 человек) являются верующими людьми.

Исследованию также подвергся вопрос о том, довольны ли жители немецкой национальности существующими условиями для развития национальной культуры. «Да» ответило лишь 23% и «не очень» 77% опрошенных. Отсюда

следует вывод, что в России, в частности, в Красноярском крае политика в отношении поддержания и сохранения культуры немцев находится на не достаточно высоком уровне.

В анализе анкет также следует отметить вопрос об участии в развитии национальной культуры и немецкого языка. «Иногда участвую» ответило 77%, «активно» – 7,7% и «ничего не делаю» – 15%. Это значит, что 77% опрошенных пытаются внести свой вклад в развитие национальной культуры.

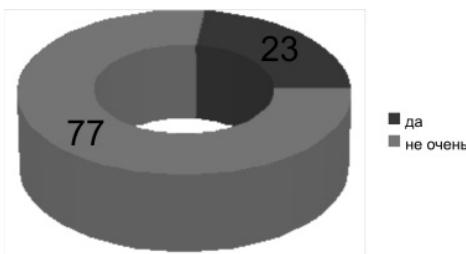

Рис. 8. Удовлетворенность условиями для развития национальной культуры

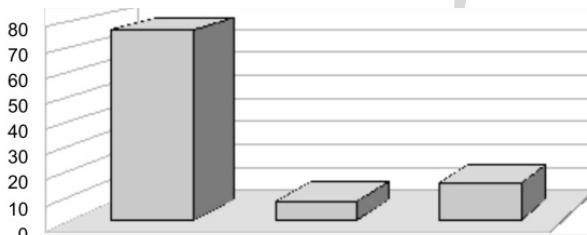

Рис. 9. Участие в сохранении национальной культуры и немецкого языка

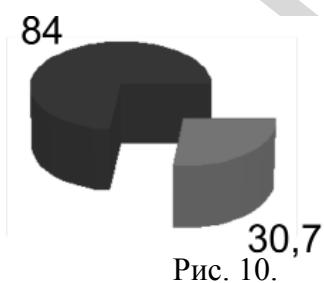

Рис. 10.

На вопрос «Что необходимо для сохранения национальной самобытности немцев» чаще всего встречаются ответы «национальная газета» и «языковые курсы», на втором месте стоит «литература по куль-

туре и истории» и третье место занимает ответ «телевидение на немецком языке».

Своей Родиной 84,6% опрошенных считают Россию, а 30,7% ответили, что для них Родина – это их село.

Интересным, на наш взгляд, также стал вопрос о том, хотят ли немцы уехать в Германию и если да, то по какой причине. 30,7% ответили «нет», 61,5% еще не решили, и 7,7% ответило «да», а причиной было названо воссоединение семьи.

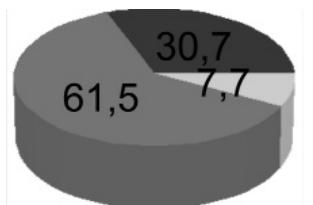

Рис. 11.

Благодаря подобным видам опросов можно проводить анализ того, в какой степени политические события могут повлиять и даже изменить жизнь целых народностей. Несмотря на то, что в предложенных нам анкетах не были освещены все

сфера жизнедеятельности немцев России, нам удалось прийти к определенным выводам, которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области истории, этнографии и лингвистике.

Библиографический список

1. <http://wciom.ru/about/metodiki-issledovanii/kolichestvennye-issledovaniya/anketirovanie.html>
2. http://ru.wikipedia.org/wiki/Метод_анкетирования
3. http://mirslovarei.com/content_fin/Anketirovanie-96.html
4. <http://wciom.ru/about/metodiki-issledovanii/kolichestvennye-issledovaniya/anketirovanie.html>
5. <http://www.ref.by/refs/72/17329/1.html>
6. Герман А.А. История республики немцев Поволжья. – М.: Готика, 2000г – 320с.

МЕТОДЫ СБОРА МАТЕРИАЛОВ ПО НЕМЕЦКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Т.Б. Смирнова

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Основными методами сбора информации по традиционной обрядности в этнографических экспедициях являются методы наблюдения и опроса. Наблюдение может быть непосредственным (в этом случае необходимо фиксировать в полевой описи, на видеокамеру и диктофон все увиденное) или включенным (в этом случае этнограф участвует в обряде, фиксация также обязательна). Опрос также может проводиться двумя способами: при помощи анкетирования и при помощи интервьюирования.

Анкетирование проводится с целью сбора самых общих сведений о традиционной обрядности, таких как наличие конкретных обрядов в данной местности, их формы и степень бытования, сроки проведения, распространенность, круг участников и т.д. Для проведения анкетирования необходимо разработать специальную анкету, которая должна состоять из нескольких блоков. Первый блок должен содержать сведения об информаторе (место жительства, пол, возраст, национальность самого информатора и его родителей, бабушек и дедушек, место выхода предков, религиозная принадлежность, образование, место работы). Формулировка вопросов в остальных блоках анкеты зависит от цели исследования. Анкеты могут заполняться различными способами: лично исследователем или информатором, их можно раздавать жителям населенных пунктов, рассыпать по почте. На основе анкетирования можно не только получить массовые сведения, но и определить круг тех информаторов, которые многое знают об обрядах. Логично в дальнейшем провести опрос таких информаторов с помощью другого метода – интервью.

Интервьюирование проводится с целью сбора расширенной информации об обрядах. Перед проведением интервью необходимо составить его план. Чем подробнее будет план интервью, тем более обширную информацию можно будет собрать, поэтому плану интервью необходимо уделять особое внимание при подготовке экспедиционных исследований. План интервью чаще всего представляет собой программу опроса по определенной, конкретной теме. Чаще всего такими темами являются отдельные праздники, обряды и обычаи.

В этнографии существует устоявшееся деление обрядов на календарные и семейные. К календарным обрядам относятся те, которые периодически совершаются в течение календарного года (Рождество, Пасха, Троица, Праздник урожая и др.). К семейным относятся обряды жизненного цикла (родильные, крестильные, свадебные и похоронные). Если в данной местности фиксируются другие праздники и обряды (например, праздник деревни или местные религиозные обряды), они должны быть обязательно зафиксированы. Следует подчеркнуть важность и необходимость фиксации именно местных особенностей обрядов, так как их локальные варианты представляют особый интерес для этнографии.

В качестве примера приведем примерный план интервью для сбора информации о самом главном у немцев празднике календарного цикла – Рождестве. Перед началом интервью необходимо, как и при проведении анкетирования, зафиксировать все сведения об информаторе, особенно важны при изучении обрядности религиозная принадлежность и место выхода предков информатора. Обязательно необходимо зафиксировать время действия, тот хронологический период, о котором идет рассказ. Если невозможно указать точные даты, то указывается примерное время бытования обряда.

План интервью по теме «Рождество».

1. Время перед Рождеством. Как оно называется («Адвент» или какое-то другое название). Сколько времени длится. В чем состоит его смысл.

2. Соблюдался ли пост. Если соблюдался, то в чем он заключался. Какие продукты запрещено было употреблять в пищу. Что было разрешено. Как питались во время поста (сколько раз принимали пищу, в каком порядке).
3. Какие действия запрещались в предрождественское время (гуляния, определенные хозяйствственные работы, азартные игры, сквернословие и т.д.).
4. Как проводились в это время молитвенные собрания. Их количество. Чему они были посвящены.
5. Рождественский венок. Из чего и как делали. Кто делал. Ставили ли свечи. Если да, то когда ставили, что с ними делали, когда гасили.
6. Приметы, связанные с Адвентом. Приметы о погоде. Приметы, связанные с судьбой, личной жизнью человека.
7. Какие наказания существовали по отношению к тем, кто нарушал правила, установленные для Адвента.
8. Как проходила подготовка к Рождеству. Когда ставят елку и чем ее украшают. Существуют ли приметы, связанные с елью. Украшают ли жилище ветками. Если да, то ветки каких деревьев используют, какие связаны с ними приметы.
9. Как проводилась уборка помещений, существуют ли особые способы украшения жилища. Как прибирали хозяйственные помещения, существуют ли особые действия, связанные с домашним скотом.
10. Обычаи, связанные с рождественским ужином. Его название, когда он начинался. Кто участвовал. Украшение праздничного стола. Набор праздничных блюд. Рецепты их приготовления. Обязательные блюда. Порядок подачи блюд. Какие читали молитвы и пели песни во время ужина.
11. Молитвенное собрание или месса. Когда проходила. Порядок проведения. Как украшалась церковь. Отличия праздничной мессы от обычного собрания.
12. Ряженые на Рождество. Персонажи, их названия (Крискинд, Пельцникель, Пельцебок, Рупрехт, Нико-

- лаус и др.). Как эти персонажи выглядели, какие предметы использовались для ряжения. Кто обычно участвовал в ряжении. Что делали эти персонажи. Какие тексты произносили.
13. Ночные гуляния. Существовали ли, кто участвовал в этих гуляньях, что делали, какие тексты произносили.
  14. Гадания. Существовали ли. Если да, то какие именно (о погоде, об урожае, о замужестве и т.д.). Кто гадал, когда, какие тексты произносили.
  15. Какие песни исполнялись в рождественскую ночь (желательна запись на dictaphone или видеокамеру). Когда заканчивалось празднование Рождества. Как называлось время до Нового года. Обычаи, связанные с этим периодом.

Таков примерный план интервью, посвященного изучению рождественских обрядов и обычаям. Он может быть значительно расширен в зависимости от цели исследования. Например, если целью является изучение обычаем ряжения, то необходимо составить более подробный план, в который включаются вопросы обо всех персонажах, возрасте участников, их количестве, действиях, способах маскирования, видах масок (желательна их фиксация в виде рисунков, фотографий). Какие вещи использовали для переодевания, были ли это специально изготовленные костюмы или это должны были быть обязательно старые вещи, выворачивали ли их наизнанку, какая была обувь, какие головные уборы. Какие были украшения, что использовали для изготовления украшений. Особое внимание нужно уделить способам маскирования лица (накладные бороды, усы, чернение лица сажей, закрывали ли тряпками лицо, разрисовывали ли). Нужно подробно описать, где происходило переодевание, как проходило шествие по деревне, в какие дома заходили ряженые, что говорили, какие предметы носили с собой, дарили ли подарки (или их одаривали), что это были за подарки. Устраивали ли ряженые потасовки и драки, наказывали ли тех, кто встречался им на пути. Существовали ли приметы, связанные с ряжеными (кто из них первым

заходил в дом, что будет, если встретишь ряженых на своем пути и т.д.). Необходимо зафиксировать мнение информатора об этих обычаях, как он объясняет костюмы ряженых, предметы, которые ряженые используют, их функции и смысл самих обычаем. Важно понимать, что действительный смысл обычаем ряжения может заключаться совсем не в том, в чем видят его жители села, но их объяснение должно быть записано.

Обязательной является проверка полученной информации. Необходимо по одному и тому же плану провести интервью минимум с тремя участниками. Информация считается достоверной только в случае ее неоднократного повторения. Необходимо также постоянно уточнять время и место действия тех событий, о которых идет речь.

Эти рекомендации относятся и к сбору информации по другим обрядам и обычаям. Это могут быть обряды, бытующие повсеместно, такие, как свадебный обряд или празднование крупных религиозных праздников (Пасхи, Троицы). Для того чтобы составить план интервью по широко распространенным обрядам, логично воспользоваться уже существующими их описаниями. Описания обрядов немцев Сибири содержатся в книге С.А. Рублевской «Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX-XX вв.» (Москва, 2000) и в нашей совместной с С.А. Рублевской монографии «Традиционная обрядность немцев Сибири» (Омск, 1998). Характеристика родильной и крестильной обрядности содержится в книге А.Н. Блиновой и И.Н. Черновой «Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири» (Омск, 2009). Кроме того, можно использовать отдельные статьи, опубликованные в журнале «Культура», а также только что вышедшую коллективную монографию «История и этнография немцев в Сибири» (Омск, 2009). На основе этих работ можно составить достаточно подробные планы интервью, сделав акцент на местных локальных особенностях обрядов и обычаем.

Кроме повсеместно бытующих, у немцев Сибири встречаются обряды, которые распространены не повсеместно,

а в отдельных деревнях. Это, например, обычай «венчания покойников», «отпевания венка», «вождения коня» и т.д. Поскольку этнографическое изучение немецкого населения Сибири началось сравнительно недавно, возможно обнаружение в экспедициях обрядов, которые в научной литературе еще не описаны. В этом случае требуется максимально подробная их фиксация. Вообще, в целом, при фиксации обрядовой культуры требуется сбор очень подробной информации, с описанием мельчайших деталей. Это поможет в дальнейшем провести сравнительное исследование обрядов в Сибири и обрядов, бытовавших в местах выхода предков немцев Сибири, как в российских колониях, так и в германских землях. Но самой актуальной задачей на сегодняшний день является работа по сохранению уникальной традиционной культуры российских немцев, и этнографическое изучение обрядности вносит в решение этой задачи весомый вклад.

О МЕТОДИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ И МЕТОДАХ РАБОТЫ С ИНФОРМАНТАМИ

М.С. Смоля

*Барнаул, Алтайская государственная
педагогическая академия*

В 2006-2008 годах на территории Алтайского края проводились диалектологические экспедиции с целью изучения речи носителей смешанного верхненемецкого говора для описания и определения в нем специфики развития системы грамматических форм имени прилагательного, выявления инноваций, возникших в процессе изолированного развития в условиях иноязычного окружения (с учетом возрастных характеристик диалектоносителей).

Актуальность проводимых исследований определяется:

- значимостью изучения островных немецких говоров, представляющих собой уникальные образования, особенности которых обусловлены оторванностью от исходной системы и постоянным воздействием на них не только языковых, но и экстралингвистических факторов;
- фрагментарностью изучения островных немецких говоров на Алтае;
- необходимостью новых исследований с современных позиций вследствие кардинального изменения демографической ситуации в населенных пунктах;
- значимостью данных анализа диалектологического материала для теории языковых контактов;
- недостаточной изученностью в островных немецких говорах Алтайского края особенностей грамматического строя имени прилагательного как одной из основных признаковых частей речи.

Объектом исследования выступает имя прилагательное в островном немецком говоре п. Михайловка Суетского района Алтайского края, основанного немцами-переселенцами из Поволжья в начале XX века.

В ходе диалектологических экспедиций предстояло решить ряд задач:

- 1) изучение и описание языковой ситуации исследуемого языкового острова;
- 2) описание морфологической формы имени прилагательного, его грамматических категорий в островном немецком говоре Алтайского края;
- 3) описание синтагматической реализации грамматических форм имени прилагательного в группе существительного;
- 4) определение степени корреляции языкового варьирования с возрастными характеристиками носителей говора.

Для решения поставленных задач применялась комплексная методика исследования. В основу исследования полу-

жен метод лингвистического описания с его компонентами: наблюдением, обобщением, сопоставлением, систематизацией и интерпретацией языкового материала.

При сборе материала и его последующей обработке были выделены необходимые атрибутивные конструкции методом сплошной выборки из текстов-высказываний диалектоносителей, методом прямого опроса и анкетирования, как прямого (устного), так и косвенного (письменного) [Филичева 1983: 32].

Материалом для исследования послужили магнитофонные и рукописные записи речи носителей говора п. Михайловка Суэтского района Алтайского края, а также анкета, состоящая из 40 традиционных фраз Г. Венкера, которые содержат 339 слов и призваны иллюстрировать важнейшие фонетические и грамматические особенности диалекта. В процессе работы использовались также анкеты, включающие вопросы демографического и собственно лингвистического характера.

Демографический аспект исследования предполагает получение и обобщение данных относительно географии расселения и численности представителей немецкого национального меньшинства в пределах михайловского языкового острова, об их возрастном составе, происхождении, характере браков. Анкета предполагает также круг вопросов, тесно связанных с выяснением так называемой «лингвистической биографии» [Смирницкая, Баротов 1997: 9] респондентов и их языковой компетенции. В данном случае имеются в виду вопросы, проясняющие обстоятельства владения островным немецким говором, сферу его употребления в повседневной жизни, степень владения немецким диалектом (основываясь на самооценке респондентов).

Собственно лингвистическая часть анкеты включает в себя списки фраз, словосочетаний, словоформ и предложений для перевода с немецкого и русского языков на диалект. Эти вопросы призваны объективно установить языковую компетенцию диалектоносителей и дать фактический материал для дальнейшего лингвистического анализа.

Намереваясь наиболее полно описать форму имени прилагательного в атрибутивном словосочетании, в ходе исследования подбирались такие информанты, которые проживают в данной местности и относятся к разным возрастным группам. Основные этапы в истории российских немцев послужили критерием для выделения трех возрастных групп диалектоносителей: старшей (от 53 лет и старше), средней (от 30 до 53) и младшей (от 30 лет и младше). Все представители данных возрастных групп родились в п. Михайловка Суетского района, кроме пяти информантов старшей возрастной группы, которые были депрессированы из Поволжья.

Всего было опрошено 76 информантов. Наиболее тесная работа проводилась в дальнейшем с 20 информантами разных возрастов для уточнения уже обработанного языкового материала.

На начальном этапе исследования проводился опрос информантов в свободной форме с целью получения общей предварительной картины их речевого поведения. Информанты рассказывали какую-либо историю из их жизни, вели непринужденный диалог с членами семьи, с друзьями и знакомыми, либо диалог был спровоцирован интервьюером на одну из бытовых тем.

Для большей достоверности и объективности были выявлены биографические данные каждого отдельного информанта, определяющие их языковое поведение. В дальнейшем работа с информантами проводилась с помощью анкет лингвистической направленности, а также путем прямого опроса, в ходе которого информантам предлагалось описать предмет, явление, человека и др. Для более точного описания носители островного немецкого говора употребляли большое количество прилагательных в функции определения по отношению к существительному, что и являлось одной из задач изучения их речевого поведения. Все темы общения носили бытовой характер, касались семьи, дома, работы, отношений людей. Именно такие темы являются залогом «живой» ситуации общения – «echte Sprechsituation» – и помогают избежать искусственной речи – «unechter Kunstdialekt» [Loeffler 2003: 43].

В процессе сбора языкового материала и опроса носителей исследуемого островного немецкого говора пришлось столкнуться с рядом проблем, которые появляются в любом эмпирическом исследовании:

В первую очередь следует отметить, что ситуация говорения все же искажается присутствием исследователя, несмотря на то, что страх говорения проходит через некоторое время после знакомства с исследователем [Loeffler 2003: 44]. Степень влияния интервьюера минимизируется при так называемом включенном наблюдении, т.е. когда он/она принимает участие в беседе, используя при этом островной немецкий говор. Включенное наблюдение позволяет достигнуть наивысшей степени достоверности языкового материала.

Сама по себе роль наблюдателя достаточно сложна. Оправдываемого не всегда устраивает тот факт, что его речь будет записываться. Особенно это касается представителей старшей возрастной группы. В случае отказа исследователю приходится уважать решение информанта. Но именно запись не-принужденной диалогической и монологической речи носителей диалекта позволяет избежать искажающего влияния искусственной атмосферы интервью на надежность собираемого материала [Филичева 1983: 32]. Для достижения естественности речевой ситуации использовались записи, сделанные «третьями лицами» – знакомыми информантов.

При графической фиксации речи информантов возникли проблемы, связанные с отсутствием письменного варианта исследуемого диалекта. Использование в данном случае орфографии литературного немецкого языка не представляется возможным, поскольку таким образом сложно передать истинное звучание исследуемого островного немецкого говора, в котором имеются звуки, не типичные для литературного немецкого языка. Поэтому для письменной фиксации диалекта используется научная фонетическая транскрипция. Большим преимуществом такого написания является его точность, что важно в настоящей работе для установления правильности морфологических особенностей имени прилагательного внутри атрибутивного словосочетания.

Социодемографическое анкетирование показало, что большинство браков в группе представителей старшего поколения являются чистыми в этническом отношении (из 25 браков три смешанных). В средней возрастной группе из 25 браков десять смешанных, в младшей возрастной группе из 26 браков семь состоят в браке, пять из которых смешанные.

Овладение островным немецким говором проходило, как правило, в семье. Представители младшей возрастной группы отмечают, что источником «знаний» были в основном бабушки и дедушки, а не мамы и папы. Немецкий язык как родной изучали три респондента старшего поколения, остальные информанты изучали немецкий язык как иностранный в школе.

Овладение русским языком протекало у представителей старшей возрастной группы на улице при общении со сверстниками, на работе. Но постепенно от поколения к поколению необходимость в употреблении островного немецкого говора значительно ослабевает. Все чаще в подобном окружении островной немецкий говор уступает место русскому языку. В повседневной жизни остается мало условий, при которых могла бы протекать коммуникация на немецком диалекте.

Степень владения немецким диалектом находится также в прямой зависимости от возрастного фактора. По собственной оценке респондентов диалектом владеют хорошо 23 представителя старшей возрастной группы, 12 представителей средней возрастной группы и 3 представителя младшей возрастной группы. Остальные информанты считают свои знания немецким диалектом недостаточными для полноценного общения.

Лингвистическая часть анкетирования позволяет установить степень корреляции языкового варьирования с возрастными характеристиками информантов. За основную синтаксическую единицу принимается атрибутивное словосочетание, в котором имя прилагательное принимает либо полную грамматически выразительную, либо полную грамматически невыразительную, либо краткую формы.

Грамматически выразительная форма прилагательного проявляется в большей степени в речи диалектносителей старшей возрастной группы (в именительном падеже единственного числа мужского и среднего родов, отчасти в дательном падеже единственного числа мужского и среднего родов и в винительном падеже единственного числа среднего рода).

В речи представителей средней и младшей возрастных групп наряду с полной грамматически выразительной формой имени прилагательного в состав атрибутивного словосочетания аналогичной конструкции входят также полная грамматически невыразительная и краткая формы. Таким образом, форма имени прилагательного в группе существительного становится, с одной стороны, более разнообразной: полная грамматически выразительная, полная грамматически невыразительная, краткая формы прилагательного в одинаковых конструкциях атрибутивного словосочетания в речи диалектносителей разных возрастных групп. Такая вариативность позволяет утверждать, что в исследуемом островном немецком говоре нет одинаковой системы склонения имени прилагательного, единых правил изменения форм имени прилагательного в группе существительного. С другой стороны, наряду с вариативностью форм прилагательного происходит унификация падежной системы и их упрощение до нейтральной, грамматически невыразительной формы.

Библиографический список

1. Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1983. – 192 с.
2. Смирницкая С.В., Баротов М.А. Немецкие говоры Северного Таджикистана. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – 120 с.
3. Löffler H. Probleme der Dialektologie. – Darmstadt, 1990 – 143 S.
4. Löffler H. Dialektologie: Eine Einführung. – Günter Narr Verlag. – Tübingen, 2003. – 158 S.

ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

М.Г.Степанов

*Абакан, Хакасский государственный
университет им. Н.Ф. Катанова*

В настоящее время происходят чрезвычайно сложные процессы трансформации российского общества и государства. К области острых политических и научных дискуссий в современной России следует отнести историю советского государства. Это связано с поляризацией оценочных суждений, которые существуют в нашем обществе в отношении советского прошлого.

Целью данной статьи является выяснение степени разработанности проблемы депортации немецкого населения в Сибирь периода Великой Отечественной войны в современной отечественной историографии.

Следует заметить, что в российской историографии не вызывает однозначных трактовок определение понятия «депортация». Данное состояние дел обуславливается тем, что на протяжении советского периода российской истории изучению депортации, как разновидности политических репрессий, мешали многочисленные запреты, идеологические рамки и отсутствие свободного доступа исследователей к архивным материалам по рассматриваемой проблеме.

В настоящее время можно выделить два основных подхода к понятию «депортация»: в официальных документах и в историографии. Безусловно, следует отметить наличие противоречивости в толковании характера депортации со стороны самого советского правительства. Так, в документах по депортации – докладных записках, справках, донесениях в НКВД СССР, докладах И.В. Сталину, наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии, в ГКО СССР, в СНК СССР и другие ведомства отсутствует единая трактовка «депортации».

Каждая акция по депортации получала свое особое толкование. Они рассматривались то как «особое государственное задание», то как «особое правительственные мероприятие, охватывающее контингент по национальным признакам» или по «признакам повышенной политической активности» [1].

С нашей точки зрения, наиболее комплексное определение понятию «депортация» было дано А.А. Шадтом: «...это процесс принудительного переселения отдельных социальных или (и) этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде» [2]. Исходя из данного подхода, депортации фактически выступают в качестве процедуры помещения социальных и (или) этнических групп на спецпоселение, которое в свою очередь является механизмом удержания их в условиях особого режима.

Анализ проблемы этнических депортаций военного времени целесообразно начать с выявления причин, сложившихся в российской историографической традиции.

Так, Г. Вормсбехер в рамках «перестроечной» историографии отметил, что принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР о депортации немцев было продиктовано тяжелейшим положением на фронте, стремлением избежать в условиях войны любого риска [3]. Данный Указ был в те годы логическим продолжением политики репрессий, террора, несправедливостей, проводимой Сталиным, практики культа личности, всегда находившего «виновных» за очередную неудачу своей политики [4].

Н.Ф. Бугай обратил внимание на тот факт, что основным поводом к насильственному переселению целых народов в 1930-е – 1940-е гг. были, во-первых, наказание, отмстка за предательство отдельных лиц и групп этих народов во время оккупации; использовалось переселение и как превентивная мера – за возможное предательство, а, по сути, за принадлежность к национальности, с которой ведется или может вестись война [5].

Кроме того, Н.Ф. Бугай выделил три этапа процесса насилиственного переселения немцев: первый (с 28 августа

1941 г. – 28 октября 1941 г.), от начала массовой депортации до конца операции; второй (июль 1942 г.), перемещение немцев в том регионе, куда они были перевезены; третий (1945 г.), коснулся тех немцев, кто оставался на территории освобожденной Красной Армией, а также советских немцев-репатриантов, прибывавших из-за рубежа [6].

В статье, опубликованной в 1990 г., А.Н. Кичихин заметил, что с 22 июня по 10 августа 1941 г. в республике Немцев Поволжья было арестовано 145 человек; в том числе по обвинению в шпионаже – 2 человека, террористических намерениях – 3, диверсионных намерениях – 4, участии в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях – 36, в распространении пораженческих и повстанческих высказываний – 97. В результате причина депортации немцев из районов Поволжья, которая отстаивалась властью, заключалась в том, что немецкое население представляло собой «сплошную сеть диверсантов и шпионов», не выдерживает никакой объективной критики [7].

По мнению Н.Э. Вашкау причинами выселения немцев стали: попытка оправдать первые месяцы поражения на фронтах войны тем, что «внутренние враги» и диверсанты из числа немцев помогают захватчикам; ненависть Сталина к немцам вообще. Он был убежден, что Петр I и Екатерина II слишком «онемечили» страну, и, ограждая ее от влияния Запада, в российских немцах видел угрозу авторитарному режиму. Депортация решала проблемы трудового фронта. Переселенные немцы стали бесплатной рабочей силой, пополнив обширную сеть ГУЛАГа в Сибири и на Урале [8].

В соответствии с точкой зрения А.В. Бакунина причинами депортации являлась также попытка разрядить социальную напряженность в национальных районах и покрыть дефицит в дешевой рабочей силе [9].

По мнению юриста Ю.И. Стецовского причиной массовых депортаций в СССР стала тенденция к русификации окраин, наметившаяся с конца 1920-х гг.[10]. Отсюда получается, что война лишь явилась поводом для форсирования данного процесса русификации.

А.А. Шадт в своем диссертационном исследовании выделил следующие причины депортации немцев из районов Поволжья: «Первая причина – искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны». Вторая причина – в стремлении решить проблемы национальной политики путем устранения несовместимых с теорией классового устройства общества значительных различий в уровне жизни народов (немцы оказались наказаны за зажиточность). Третья – ускорение развития восточных регионов страны в условиях войны, когда западная часть была оккупирована фашистской Германией. Четвертая – стремление использовать трудовые ресурсы российских немцев» [11].

Л.П. Саганова считает, что в отличие от других депортированных народов, поводом переселения которых послужили факты предательства и пособничества врагу, по отношению к немецкому населению страны эти причины имели превентивный характер. Представители других народов действительно участвовали в составе бандформирований, а вина, тем не менее, была возложена на весь народ. Поэтому, считает Саганова, следует также признать незаконность действий против этих народов и нарушение их конституционных прав [12].

Анализируя проблему причин депортации советских немцев в период войны, Л.П. Белковец подчеркивает, что депортация российских немцев была вызвана совокупностью причин, обусловленных как внешними, так и внутренними обстоятельствами. В условиях ведения Советским Союзом войны с фашистской Германией главную роль в применении эвакуации немцев в восточные регионы страны сыграли искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны». В лице российских немцев Сталин видел этнос, способный стать пособником нацистов на советской земле [13].

Имеющиеся в распоряжении Л.П. Белковец архивные материалы позволили ей с большей долей уверенности предполагать, что при наличии всей совокупности причин политического свойства, приведших к депортации немцев в

1941 г., немаловажную роль играл и экономический мотив. В частности она считает, что советское руководство намеревалось заселить малоосвоенные территории Сибири, Казахстана и Средней Азии, создав на них прочную тыловую базу для предстоящей войны. У немцев в этом отношении был прекрасный опыт. Кроме того, пишет Л.П. Белковец: «Депортации явились своеобразным способом реализации особого правового режима, каковым является военное положение, введенное в СССР с началом войны. Этот режим предусматривает ограничения прав граждан, возложение на них дополнительных обязанностей, проведение мобилизации и т. п., введение особого порядка деятельности органов государственной власти в целях обеспечения обороноспособности страны и ликвидации агрессии против нее. Он призван создать правовые, организационные и экономические условия, способствующие отражению агрессии. Правда, и при таком режиме нормы международного права предполагают сохранение основных прав личности, прежде всего, права на жизнь, не подлежащих отчуждению даже в военное время» [14]. Исходя из вышесказанного, мы четко видим, что Л.П. Белковец объявляет действия советского правительства вполне легитимными.

Апологетом в современной российской историографии официальной версии советского правительства является А.Б. Мартиросян, который считает, что благодаря переселению (а не депортации – *M. C.*) немцев удалось избежать процесса создания из них «пятой колонны» в тылу СССР [15]. Однако четкой аргументации своей позиции, с привлечением широкого спектра источников, автор так и не смог представить.

По мнению Т. Чебыкиной, объективных причин для выселения немцев из Поволжья не было. Саратовские и ставропольские немцы, как и немцы АССР НП, к режиму относились лояльно, большинство из них, особенно молодежь, воспитанная на большевистских идеологических установках, восприняли начало войны как личную трагедию, проявляли чувство патриотизма, готовность защищать свою Родину от агрессора, демонстрировали трудовой порыв. Об

этом свидетельствуют многочисленные сводки и донесения местных партийных и советских органов в Саратовский и Сталинградский обкомы ВКП(б) и доклады областного руководства в центр. Правда, как сообщалось в тех же донесениях, отдельные граждане немецкой национальности проявляли «пораженческие» настроения, имевшиеся у них недовольство режимом проявлялось в «антисоветских» высказываниях [16].

Депортация немцев из районов Поволжья в 1941 г. была самой массовой этнической чисткой (репрессивной акцией) за всю историю советского государства.

Если обратиться к архивным данным, то на 17 января 1939 г. в СССР проживало 1 млн. 427232 немца [17].

По мнению А.А. Шадта депортация немцев в 1941 г. имела свои особенности. Во-первых, она отличалась массовостью и оперативностью, во-вторых, впервые за всю историю депортаций советского периода публично была указана причина принудительного переселения – превентивная мера с целью предупреждения политических преступлений [18].

Т.В. Мухортова отметила, что анализ информации о подготовке депортации российских немцев в 1941 г. свидетельствует, что цели не были обоснованы потребностями государства в борьбе с агрессией. Это была превентивная мера, направленная на устранение потенциальной опасности, которая во многом связывалась с этнической идентичностью врага с российскими немцами. В результате сотни тысяч человек были вырваны из привычной для них сферы жизни и деятельности и отстранены от оказания помощи стране в трудное для нее время [19]. Депортация немцев подразделяется на четыре вида: первый вид – это превентивная мера, второй – мера в рамках оборонительной стратегии, третий – мера, обусловленная отступлением и четвертый – мера наказания. Все четыре вида в разной степени были характерны для различных районов Северного Кавказа [20].

Современные историки в своих публикациях попытались определить масштабы депортации немецкого населения из районов Поволжья в 1941 г.

Н.Ф. Бугай со ссылкой на данные ГАРФ говорит о 446480 депортированных человек в 1941 г.[21].

По данным В.Н. Земского во время войны на спецпоселение поступило 949829 немцев, из них 446480 было выселено из бывшей АССР немцев Поволжья, 149206 – из Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, а также из Тульской области (включая около 50 тыс. немцев, эвакуированных летом 1941 г. из Крыма в Ставропольский край), 79569 – из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей, 46706 – Саратовской области, 46356 – Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, 38288 – Ростовской области, 26245 – Сталинградской, 11000 – Ленинграда и Ленинградской области, 8787 – Куйбышевской области, 8640 – Москвы и Московской области, 7306 – Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, 5965 – Калмыцкой АССР, 5308 – Воронежской области, 3384 – Днепропетровской, 3162 – Горьковской, 2233 из Крыма (без эвакуированных летом 1941 г. в Ставропольский край), остальные – из других областей [22].

Количество депортируемых немцев из районов Поволжья составило по подсчетам А.А. Германа 446112 человек [23].

Следует также сделать уточнение, что большая часть депортированных немцев поступила на спецпоселение в 1941 г. Это, в частности, подтверждается информацией отдела спецпереселений НКВД СССР от 25 декабря 1941 г.: «Всего учтено немцев по переселенным областям, краям, республикам (в СССР – М.С.) согласно сообщений НКВД/УНКВД и учетом фактического их наличия 904255 человек. По состоянию на 25 декабря 1941 г. отправлено немцев в места вселения 856168 человек» [24].

Депортация немцев в регионы СССР была рассмотрена в ряде научных публикаций.

По данным Л.В. Малиновского из Поволжья было выслано в Сибирь 446 тысяч немцев [25].

В.И. Бруль пишет, что в 1941 г. Сибирский регион был вторым после Казахстана местом по количеству принятых

депортированных немцев: «Всего в Западную Сибирь было депортировано около 400 тысяч немцев. Их расселили дисперсно, почти всех в сельской местности» [26].

Правда, по данным, приводимым Л.П. Белковец, численность депортированных в Сибирь немцев на 1 января 1942 г. была определена в докладной записке начальника ОСП на имя Берии и составила – 397086 человек (из общего числа переселенных на Урал – 749350 человек) [27].

Процесс депортации немцев из бывшей АССР Немцев Поволжья в Томскую область получил отражение в работе В.Н. Уйманова [28], а в Омскую область в монографии Л.В. Алексеевой [29].

В соответствии с данными, представленными Е.Л. Зберовской в сентябре – октябре 1941 г. в Красноярский край из Поволжья прибыло свыше 75000 человек. По данным А.А. Шадта в регион по состоянию на 5 ноября 1941 г. прибыло 77259 немцев из районов Поволжья [30].

Также Е.Л. Зберовская обратила внимание на вторичную депортацию немецкого населения, под которой она понимает переселение в 1942 г. немецких семей на рыбные промыслы в районы Крайнего Севера. Большой опыт проведения подобных акций в предшествующий период позволил довольно быстро переместить значительные людские резервы к новым местам жительства. Только с мая по июль 1942 г. в северных районах края оказалось 6312 поволжских немцев [31].

Таким образом, в рамках рассмотренной предметной области отечественной историографии в последние годы был сделан значительный шаг вперед. В частности, расширилась исследовательская проблематика за счет привлечения ранее неопубликованных архивных источников. Однако, несмотря на то, что за последние 20 лет в научный оборот был введен значительный комплекс источников, извлеченных из государственных архивов, ряд данных ведомственных архивохранилищ по заявленной проблеме до сих пор остается недоступным для широкого круга исследователей. Также в современной российской историографии существуют определенные проблемы в анализе проблематики, связанной с

депортацией немецкого населения в СССР периода Великой Отечественной войны: фрагментарное изучение вопроса подготовки самих депортационных операций в высших партийно-государственных органах власти, а также особенностей адаптации депортированного населения на новых местах жительства. В целом, по нашему мнению, изданные к настоящему времени исследования позволяют показать всю противоречивость и трагизм депортаций немецкого населения военного периода.

Библиографический список

1. *Бугай Н.Ф.* Депортация в 40-е гг. с юга России. Причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге / под ред. Н.Ф. Бугая. М., 1995. – С. 43.
2. *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941-1955 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – С. 16.
3. *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. 1988.- № 11. – С. 193.
4. Там же. С. 196.
5. *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР. – 1989.- № 6. – С. 136.
6. *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. – 1991. – № 2.- С. 175, 177.
7. *Кичихин А.Н.* Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. – 1990.- № 9. – С. 34.
8. *Вашкау Н.Э.* Немцы в России: история и судьба. Учебное пособие. – Волгоград, 1994. – С. 54.
9. *Бакунин А.В.* Основные этапы политических репрессий в СССР // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы). Сборник статей участников научной конференции «История репрессий на Урале», проходившей в Нижнем Тагиле

- 10-12 ноября 1997 г. / отв. ред. В.М. Кириллов. – Нижний Тагил, 1997. – С. 12.
10. *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. В 2-х тт. – М., 1997. – Т.1. – С. 476.
11. *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941-1955 гг.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – С. 14-15.
12. *Саганова Л.П.* Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941-1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2001. – С. 21.
13. *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг. – Новосибирск, 2003. – С. 30.
14. Там же. С. 32.
15. *Мартиросян А.Б.* Сталин и репрессии 1920-1930-х гг. – М., 2007.- С. 406.
16. Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941-1945 гг.) // Наказанный народ: По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики», 18-20 ноября 1998 г. – М., 1999.- С. 279.
17. Государственный архив РФ (далее ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.
18. *Шадт А.А.* Указ. соч. С. 16.
19. *Мухортова Т.В.* Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941-1955 гг. (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа): автореф. дис... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2006. – С. 20.
20. Там же. С. 25.
21. *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортации народов СССР в 30-40-х годах // История СССР. – 1989. – № 6. – С. 137.
22. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. – М., 2005.- С. 94.
23. *Герман А.А.* Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918-1941). – Саратов, 2004. – С. 367.

24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 49.
25. *Малиновский Л.В.* История немцев в России. – Барнаул, 1996. – С. 127.
26. *Бруль В.И.* Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920-1950 гг. // Российские немцы. Историография и источниковедение. – М., 1997. – С. 287.
27. *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг.- Новосибирск, 2003. – С. 45.
28. *Уйманов В.Н.* Репрессии как это было. (Западная Сибирь в конце 20-х-начале 50-х гг.). – Томск, 1995.- С. 23-24.
29. *Алексеева Л.В.* Северо-западная Сибирь в 1917-1941 годах: Национально-государственное строительство и население. – Нижневартовск, 2002.- С. 145.
30. *Шадт А.А.* Прием и расселение спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири (1941-1942 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект (Материалы международной научной конференции, Анапа, 26-30 сентября 1997 г.). – М., 1998. – С. 319.
31. *Зберовская Е.Л.* Трудармия и вторичная депортация немцев в Красноярском крае в 1940-е годы // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Тезисы международной научной конференции, г. Красноярск, 13-16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. – Красноярск, 2004. – С. 32.

**АНКЕТА ДЛЯ ОПИСАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ
СИНТАКСИСА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ**

Н.В. Трубавина

*Барнаул, Алтайская государственная
педагогическая академия*

Предлагаемая анкета предназначена для выявления особенностей синтаксиса сложного (сложноподчиненного и сложносочиненного) предложения в островных немецких говорах и может быть использована для сбора материала в полевых условиях, а также для уточнения уже имеющейся информации. Предложения предъявляются информанту для перевода на его родной диалект/говор.

Wie sagen Sie das in Ihrem Dialekt?

Block 1: Zusammengesetzte Sätze. Satzgefüge.

1. Ich möchte wissen, wo es solchen schönen Äpfel gibt.
2. Leider kann ich nicht sagen, wann ich nach Barnaul kommen werde.
3. Können Sie mir bitte sagen, ob ich noch einen Termin bekommen kann?
4. Die Großmutter schreibt, sie will uns besuchen.
5. Paul fragt mich, ob ich ins Konzert mitgehe.
6. Weißt du, wie man dieses Wort schreibt?
7. Weißt du, wessen Buch das ist?
8. Ich frage nicht, warum du das gemacht hast.
9. Ich denke, dass sie Sie interessieren wird.
10. Entscheide bitte schneller, was du jetzt machst.
11. Inge hat gesagt, dass sie erst morgen kommen kann.
12. Die Eltern sprachen ganz leise, weil das Kind schlief.
13. Das ist ein gutes Geschenk für Petra, weil sie sich für Musik interessiert.
14. Da Helga sich unwohl fühlt, bleibt sie heute zu Hause.
15. Wenn ich Zeit haben werde, komme ich gern zu euch.
16. Wenn ich zurück bin, bringe ich alles mit.

17. Kennst du die Frau, die da sitzt?
18. Die Stadt, aus der der Mann kommt, liegt am Rhein.
19. Michael bringt heute seine Bekannte mit, von der er schon ein paarmal erzählt hat.
20. Die Frage, ob es wahr ist, lässt mich nicht in Ruhe.
21. Kennst du den Mann, dessen Auto im Hof steht?
22. Unsere Verwandten, zu denen Peter fährt, wohnen in Rubzowsk.
23. Wir haben das Regal gekauft, obwohl es uns zu teuer ist.
24. Er hat mich nicht begrüßt, obwohl er mich bestimmt gesehen hat.
25. Danke, das ist alles, was ich brauche.
26. Wenn du willst, können wir das zusammenmachen.
27. Schade, dass Sie schon gehen müssen.
28. Ist das alles, was du erfahren konntest?
29. Wer A sagt, muss auch B sagen.
30. Als der Vater gekommen war, erzählte er uns alles.
31. Wenn du auf die Post gehst, kauf für mich zehn Briefmarken.
32. Machen Sie bitte das Licht aus, wenn Sie gehen!
33. Morgen mache ich eine kleine Party. Es wäre nett, wenn Sie auch kämen.
34. Als er alles erfahren hatte, war es schon zu spät.
35. Wie ich gehört habe, hat Ruth sich scheiden lassen.
36. Während sie gingen, sprachen sie miteinander.

Block 2. Zusammengesetzte Sätze. Satzreihe.

Ich muss diesen Brief noch schreiben, denn er ist sehr wichtig.

1. Peter kauft schöne Rosen, denn die Mutter hat heute Geburtstag.
2. Man muss die Tür schließen, sonst können wir uns erkälten.
3. Entweder bleibst du zu Hause, oder du fährst mit in Urlaub.
4. Entweder ist er krank, oder es ist etwas mit ihm geschehen.
5. Wir warteten den ganzen Abend auf Onkel, aber er ist nicht gekommen.

6. Der Kranke fühlt sich besser, aber er muss noch das Bett hüten.
7. Das Rauchen schadet der Gesundheit, doch viele Leute rauchen.
8. Bald schneit es, bald regnet es.
9. Gestern hat es den ganzen Tag geregnet, deshalb sind wir zu Hause geblieben.
10. Das Kind schläft, deshalb schalten wir das Radio nicht ein.
11. Geht ihr in den Zirkus, oder fährt ihr in den Park?
12. Es war kalt, darum zog Peter seine Jacke an.
13. Zuerst putzen wir die Fensterscheiben, dann wischen wir den Fußboden.
14. Nicht nur unsere Familie, sondern alle Leute sind dort hin gegangen.
15. Weder ich noch meine Mutter hat das gewusst.
16. Das Wetter war schlecht, trotzdem sind wir spazierengangen.
17. Es hatte eine Woche lang sehr stark geregnet, die Wege waren schlecht, und deswegen konnte ich rechtzeitig nicht kommen.
18. Alle Gäste setzten sich an den Tisch und die Frau brachte eine schöne Kette.
19. Dieses Brot haben wir nicht gekauft, sondern meine Mutter hat selbst gebacken.
20. Im Sommer ist es warm, die Früchte reifen.
21. Das Buch schien mir interessant zu sein, darum habe ich es gekauft.

**МЕТОДИКА СБОРА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
И ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
В УСЛОВИЯХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
в г. Канске и Канском районе
Красноярского края**

Ю.Ф.Филиппова

Канск, гимназия № 4

В течение лета 2009 года при финансовой поддержке Красноярской региональной общественной организации «Немецкое национальное культурное общество» на территории Красноярского края проходили полевые экспедиции с целью сбора языкового и культурологического материала у этнической группы российских немцев. Исследования проходили и в Канском районе, в том числе в городе Канске.

Канский район – муниципальный район в восточной части Красноярского края, образован в 1924 году, расположен по берегам р. Кан. Административным центром является город Канск, находящийся в 240 км от Красноярска. Население района составляет около 28,5 тысяч человек. Население г. Канска – 97320 человек. На территории района расположен 61 населённый пункт.

В середине XVIII века в Канске начинаются первые подселения ссыльных. В Канске в ссылке жили декабристы, участники польского восстания, участники революции. После сталинских репрессий в городе проживало немало ре-прессырованных. Так, например, осенью 1941 года на Кансскую железнодорожную станцию прибыли 4 эшелона с пограничными немцами. [Герман 2007: 263]. Согласно данным таблицы, можно предположить, что не менее чем 3000 представителей российских немцев заселили Канский район. В результате депортации немцев во время второй мировой войны сложилась особая, не только демографическая и социальная, но и языковая ситуация. Несмотря на суровые условия депортации, немцы, начиная с 1950-х, стали активно

возрождать национальную культуру. В 1950-е гг. создавались свои хоры и инструментальные коллективы. В г. Канске в клубе лесозавода был создан струнный кружок, состоящий из немцев – спецпоселенцев.

Дата прибытия эшелона	Номер эшелона	Кол-во людей в эшелоне	Умерло в пути	Родилось в пути	Отстало в пути	Оставлено в пути	Станция разгрузки	Районы расселения
12.09	821	2338	1	8	7	-	Канск	Канский Абанский
18.09	831	2482	-	-	-	-	Канск	Абанский Дзержинский
1.10	783	2234	-	-	-	-	Канск	Канский
2.10	813	2392	-	-	-	-	Канск	Тасеевский Дзержинский

Сегодня же возникла угроза полной утраты национальной культуры, традиций, родного языка. Поэтому цель экспедиции – фиксация и анализ лингвокультурологического и этносоциологического материала, сохранившегося в языке этнической группы немцев, в их воспоминаниях.

Подготовка к экспедиции проходила в несколько этапов:

1. Изучение населенных пунктов Канского района.
2. Корректирование вспомогательных материалов для сбора информации (анкеты, вопросы) на предмет их соответствия цели проекта.
3. Поиск информантов.
4. Выезд в район, работа с респондентами.
5. Отчет о результатах полевой экспедиции.

В ходе полевой экспедиции исследование проходило в следующих населенных пунктах Канского района: г. Канск, п. Филимоново, п. Анцирь, п. Чечеул, п. Большая Уря, п.

Верхний Амонаш. Сбор материала происходил с использованием таких компонентов:

- этносоциометрическая анкета (половозрастная характеристика, образование, исследование этнического самосознания и т.п.).
- предложения Г. Венкера (для получения фонетических, лексических, морфологических, отчасти, синтаксических сведений о диалекте).
- лингвокультурологический вопросник, включающий в себя следующую тематику:

Свободное время и увлечения (выявление предпочтительной формы времяпрепровождения немцев).

Внешний вид (особенности мужской, женской, детской, обрядовой одежды, украшения, особенности прически и т.п.).

Обустройство быта (особенности интерьера, план огорода, надворные постройки и т.п.).

Питание (рецепты блюд, зимние заготовки, обрядовая пища и т.п.).

Вопросы исповедания (вероисповедание, знание молитв на немецком языке, таинства, атрибуты веры, церковные праздники).

Жизненный цикл событий (особенности проведения свадьбы, похорон, обряда рождения ребенка, вопросы воспитания детей и т.п.).

Календарный цикл событий (выявление особенностей празднования Рождества, Нового года, Пасхи, Троицы и т.д.) [Филиппова 2009: 131].

Этносоциологические анкеты заполнили 37 информантов, из которых 57% (средний возраст – 43 года) не владеют диалектом, 43% (средний возраст – 75 лет), представители старшей возрастной группы, могут изъясняться на диалекте. С респондентами старшей возрастной группы проводилась беседа на основе лингвокультурологического вопросника; также информантам данной группы было предложено перевести 40 предложений Г. Венкера, с целью выявить принадлежность их говора к тому или иному немецкому диалекту.

Диалекты российских немцев уже давно подвергаются влиянию русского языка, ровно так же, как и культура немцев находится в зависимости от российского менталитета. Данный факт подтверждает и то, что интервьюируемые способны дать ответ лишь на 3 часть вопросов, заключенных в лингвокультурологической анкете, т.к. этнос во многом утратил свои национальные традиции, обычаи, родной язык по причине того, что депортированные немцы были расселены по всему Красноярскому краю (в каждом селе, деревне примерно 30-50 человек), что впоследствии способствовало распространению ассимиляционных процессов среди них. С отменой режима спецпоселения усиливаются ассимиляционные процессы среди этнических немцев, причем более ярко ассимиляционные процессы протекают в городе. Быстрая утрата немцами-переселенцами своего родного языка объясняется рядом причин:

- 1) Красноярский край не имел и не имеет компактных немецких поселений. Дисперсное расселение немцев по территории края способствовало развитию в их среде ассимиляционных процессов, яркими признаками которого стали смешанные браки, избрание немцами в качестве родного языка русского.
- 2) Большой урон национальной культуре российских немцев нанесла репрессивная политика советского государства. Запрещалось говорить на родном языке, отмечать национальные праздники, участвовать в религиозных объединениях.
- 3) Результатом длительного контактирования немецкого и русского этносов является не только билингвизм (двуязычие), но и биокультурализм (одновременное функционирование в рамках одного этноса как традиционных, так и заимствованных компонентов культуры) этнических немцев. [Ермакина 2007: 215].

В качестве доказательства к представленным выше причинам утраты родного языка немцами являются ответы респондентов на некоторые вопросы этносоциологического анкетирования, проводимого Международным Союзом Не-

мецкой Культуры летом 2009 года в г. Канске и Канском районе. Старшая возрастная группа интервьюируемых (43%), отнесла себя к лютеранской конфессии, 54% респондентов к представителям православной веры, 3% ответили, что не определились с конфессиональной принадлежностью. На вопрос, что объединяет российских немцев, большинство отметили – историческая судьба, общая культура, психология. Наиболее частыми ответами на вопрос, что необходимо для сохранения национальной самобытности немцев, были – компактное проживание, телевещание на немецком языке, фестивали, праздники, фольклорные коллективы.

Стоит отметить, что на протяжении многих лет религия занимала ведущее место в жизни немцев-колонистов в Российской империи, но сегодня ни один из информантов не отнес религию к средству единения российских немцев, не отнес ее и к способу сохранения национальной самобытности немцев. Язык и религия тесно связаны между собой, т.к. религия служит основой для сохранения языка. Язык, в свою очередь, является основой сохранения нации, специфики культуры.

Немцы всегда вели активную религиозную жизнь, по воскресеньям не работали, все члены семьи шли на службу. При церквях создавались школы, которые являлись своеобразным центром жизни приходов. В условиях иноязычного окружения церковь являлась важнейшим фактором сохранения национальных традиций и немецкой культуры. Декрет «Об отделении государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г. разорвал отношения между церковью и школой и нанес первый удар по национальной культуре российских немцев. Организованная церковная жизнь лютеран и католиков была разрушена.

В сохранении и развитии религиозности российских немцев в годы депортации сыграло своеобразие российского лютеранства. Организованная религиозная жизнь «церковных лютеран» фактически замерла – не осталось, ни действующих приходов, ни служащих пасторов, поэтому стали появляться «братские общины», которые только окреп-

ли в условиях репрессий. Такое положение было характерно и для немцев Красноярского края. По мере адаптации восстанавливались конфессиоанальные связи – в местах проживания создавались небольшие (15-20 чел.) общины верующих. Вести христианскую жизнь можно было лишь втайне – в семье или в узком кругу пользовавшихся доверием лиц. Члены общины переписывали по памяти запомнившуюся молитвы, песни, библейские истории, некоторым удалось привезти с собой Библию. Это была единственная сфера, где российские немцы могли выразить себя.

Подобная «братская община» существует и в г. Канске. Лютеранское собрание проходит каждое воскресенье в помещении Русско-немецкого культурного центра «Возрождение». На сегодняшний день количество немцев, участвующих в данном мероприятии, составляет 4 человека, средний возраст которых – 75 лет. Ввиду отсутствия пастора литургию проводит Вегеле Эльвира Андреевна. Этапы проведения богослужения основываются на воспоминаниях, на рассказах родителей участников лютеранского собрания.

№ п/п	Этапы лютеранской литургии	Примечания
1.	Приглашение Господа на Богослужение	Песнопения на немецком языке
2.	Молитва благодарения	На русском языке, читается главой собрания
3.	Проповедь. Чтение Евангелия. Обсуждение Библейского сюжета	На русском языке
4.	Хвалебные, благодарственные песнопения	На русском языке, на немецком языке
5.	Молитва благодарения, прощения	Читается каждым участником на русском или немецком языке
6.	Песнопение, завершающее литургию	На русском языке

Консультантом и наставником «братской общины» в г. Канске является лютеранский пастор из Германии, который подсказывает, как актуализировать своё лютеранство в таком малочисленном и изолированном от немецкоязычной культуры пространстве.

По окончании полевой экспедиции были собраны следующие материалы:

37 этносоциологических анкет;

16 вариантов предложений Г. Венкера, записанных фонетической транскрипцией (как в печатном, так и в цифровом виде);

Записи бесед различной тематики с информантами на основе лингвокультурологического вопросника;

Фотографии информантов.

Полученная в результате экспедиции языковая информация предполагает дальнейшее научное исследование: описание диалекта с использованием сравнительно-исторического метода; рассмотрение исследуемой обрядовой лексики с позиций литературного немецкого языка, диалекта и русского языка; составление словарика по теме «Обрядовая лексика российских немцев»; лингвокультурологический анализ фольклорных текстов, словарного состава с целью изучить, насколько лексика отражает культурологический компонент в истории народа; сравнение традиций Германии с обычаями русских немцев, с целью выявить, какие особенности культуры сохранены, а какие утрачены.

Как известно, полевая лингвистика фиксирует связи не только языка, но и культуры, поэтому к методам в условиях полевой экспедиции относят всю совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Методы делятся на лингвистические, культурологические и социологические: анкетирование, интервьюирование, наблюдение, эксперимент, лингвистическое аннотирование, самозапись, описание, классификация и др. Задачами в условиях полевой экспедиции являются исследование связей языка и культуры, билингвизма, метаязыковых представлений носителей языка.

Изучение обычаев, исследование обрядовой лексики посредством анализа жизненного пути и жизненного опыта российских немцев, пополнит знания о культуре русских немцев, поможет отследить пути развития немецкого языка вообще. Исследование поможет проникнуть в глубь веков, т.к. диалекты зачастую сохраняют такие черты грамматического строя и словарного состава, которые давно утрачены в литературном языке.

Библиографический список

1. Ермакина Н.А. Этнические немцы Манского района: история, язык, культура. / Н.А. Ермакина // Сохранение и взаимопроникновение культур как фактора устойчивого развития Приенисейского края: материалы научно-практической конференции. – Красноярск, 2006. – С. 215.
2. Герман А. А. Депортация советских немцев из европейской части СССР осенью 1941 г. // Новейшая история Отечества XX-XXI вв.: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во «Наука», 2007. Вып. 2. – С. 263-319.
3. Филиппова Ю. Ф. К вопросу об изучении обрядовой лексики этнических немцев г. Канска и Канско-го района. / В помощь исследователям истории, языка и культуры российских немцев: материалы Международного научно-практического семинара, Красноярск, 8-11 ноября 2008 года / отв. ред. В.А. Дятлова; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Асташьева. – Красноярск, 2009. – С. 131 – 144.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

С.А. Шмикк, Р.Я. Беккер

*Назарово, МОУ «Средняя
общеобразовательная школа № 9
с углубленным изучением
отдельных предметов»*

Россия – многонациональная страна. В Красноярском крае проживают представители 137 наций и народностей. На территории Сибири, в том числе и в Красноярском крае, до сих пор проживает значительное число представителей немецкого этноса. В Красноярском крае на 2002 год проживало 36, 9 тыс. немцев [1].

Следует отметить, что до 1941 года немцы проживали на территории Красноярского края, но их было сравнительно мало. С прибытием в край в сентябре 1941 г. крупной этнической группы значительно увеличилась их численность.

В протоколах заседания Исполкома Назаровского райсовета за 1941-45 годы обнаружены сведения о расселении людей немецкой национальности, есть некоторые данные о социально-бытовых условиях. Так, в выступлении Пахомова на сессии райсовета 25 февраля 1942 года говорилось, что «некоторые сельские советы мало проявляли заботы о переселенцах» [2].

Сегодня на учете в городе состоит 486 человек, в районе 226 реабилитированных по политическим мотивам (враг народа), национальному признаку и раскулаченных. Но основная масса – это немцы Поволжья, хотя в городе проживают также потомки высланных в 1944 году из Крыма (крымских татар) и из Прибалтики, а в районе есть выходцы и из Калмыкии.

В школе на лаборатории предложили тему: «Репрессированные немцы». Меня заинтересовала эта тема. Для начала я выяснила общую информацию, которую нашла в Интернете, библиотеках и архиве. В данное исследование я окунулась с головой. Меня стали волновать следующие вопросы:

сы: что с ними происходило на самом деле, как выживали советские немцы. И тогда я решила узнать историю на примере одного человека, оставаться равнодушной к которому просто невозможно!

Воспоминаниями о своей матери со мной поделилась Мацнева Алита Андреевна, дочь Марии Фёдоровны, собственно говоря, речь как раз и пойдет о матери Алиты Андреевны Мацневой.

Шнайдер (Шмидт) Мария Федоровна родилась в 1923 году в Республике немцев Поволжья. В семье Марии Фёдоровны было 5 детей: она, два брата и две сестры. Отец Шмидт Фёдор Фёдорович, добрейший человек, работал учителем немецкого языка в школе. Он ценил труд и приучал к этому своих детей. В доме у них всегда царили чистота и порядок.

Училась она в Саратовской области в Педагогическом училище. Но в 1941 году, когда Мария Фёдоровна была на последнем курсе, началась война и учебу закончить не удалось.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года Мария Фёдоровна вместе с семьёй была выслана из Республики немцев Поволжья. Для них, как и для многих, это стало большим несчастьем! НКВД отдал приказ собрать личные вещи за сутки. Вся её семья была в растерянности от происходящего.

Семью Марии Фёдоровны выслали в Сибирь. Сюда они добирались в товарных вагонах, в них было некомфортно и страшно. Их семью привезли сначала на станцию Агадым. Затем их отправили в село Алтат, где они прожили некоторое время в ужасных бараках. Но, благодаря отцу, семью Марии Фёдоровны перевели в Назарово.

Спустя год, в мае 1942 г. девятнадцатилетнюю Марию Фёдоровну и её семнадцатилетнюю сестру мобилизовали в тружармию. Целый месяц они плыли с группой на барже, по Енисею на Север до острова Носоновск. И там прошли самые страшные 6 лет жизни двух молодых девушек. Все прибывшие на этот остров селились в ярангах, землянках.

– Когда по Енисею плыли бревна, разнообразные доски, их вылавливали и сколачивали хижины, больше похожие

на хиленькие сарайчики, – вспоминает Алита Андреевна. – Мама и моя тётя Ида были полностью отрезаны от мира, связаться с ними не предоставлялось никакой возможности.

Работа для переселенцев заключалась в ловле рыбы. Эти люди, которые так и не могли понять, в чем они виноваты, вынуждены были бороться за выживание. Так как на этом острове не было света, из шкур нерп мастерили светильники, делали фитили. Жили на одной рыбе.

Это великое горе сплотило народы разных национальностей, даже не зная языка других народностей, люди прекрасно понимали друг друга с помощью жестов. С северными народностями был бартер, рыбу меняли на мясо.

Через некоторое время началась цинга, которая длилась 1 – 2 года. Много умирало от этой болезни. Местное население не осталось равнодушным к переселенцам. Они привозили олениные мясо и заставляли больных пить кровь животного. Прибывшая позже группа башкиров привезла с собой тиф. Большинство не перенесли болезнь.

– Мама рассказывала, что, просыпаясь утром, видели, что рядом лежали покойники, и мы уносили тела умерших в тундру на съедение животным, – делится своими воспоминаниями Алита Андреевна.

Мария Фёдоровна оказалась сильной женщиной и выжила после таких страшных эпидемий, как цинга и тиф.

– Моей маме очень ярко запомнился момент того тяжелого времени, о котором и сейчас она вспоминает очень часто, – рассказывает дочь Марии Фёдоровны. – Это происходило в момент эпидемии тифа, когда мама очнулась, спустя неделю, кушать было совершенно нечего. Вместе с ней пришёл в сознание очень хороший и трудолюбивый парень Вилли. Он и предложил маме: «Давай доползем или доплынем до Енисея, там ещё полно рыбы и есть избушка». Но она удивленно спрашивала: «Ну как мы с тобой доберемся, если у нас нет никаких сил?!». Несмотря ни на что они кое-как дошли до Енисея, дальше уже ползком добрались до барака с сетями и лежали там до утра. Когда пошли рыбачить, одну рыбу вытащили весом в 5 кг, а другая веси-

ла 25 кг. Но сами они не справились бы, к маме и Вилли по-дошли здоровые люди, помогли дотащить эту огромную рыбу до барака. Потом ночью ловили рыбу и заблудились. Увидели огни – это был военный корабль. Вилли стал просить о помощи, но в этом им наотрез отказали.

В 1947 году Мария Фёдоровна и её сестра выехали с этого острова. Наконец-то появилась связь с внешним миром. Брат работал в НКВД переводчиком и организовал вызов ещё в 1946 году.

Мария Фёдоровна с сестрой поплыли на лодке до караула. Были слишком бедно одеты, отчего становилось стыдно перед людьми. Дальше от караула плыли до Усть-порта, потом до Дудинки, где они остановились, чтобы купить билеты на последний пароход в 1947 году. Билетов не оказалось. Несколько дней лежали просто на берегу. Но вот начало октября и появился пароход, он состоял из двух трапов: один для людей, а другой для грузчиков. Женщины везли с собой коробку омуля. Мария Фёдоровна подошла к грузчику предложила взамен на 2 билета до Красноярска отдать рыбу, лишь бы только скорее оказаться дома. Мужчина достал 2 билета в трюме, где они плыли 10 дней до Красноярска.

Вышли в Красноярске, а билетов опять нет. Несколько дней спали на улице. Мария Фёдоровна смогла отправить телеграмму отцу, чтобы он взял командировочные. Она сильно замерзла и задремала, вдруг проснулась от толчка и увидела отца. Мария Фёдоровна радостно закричала: «Папа!» и кинулась обнимать его. Родители даже не знали, где их дети, и что с ними происходило всё это время. Фёдор Фёдорович взял билеты, и, наконец, дочери вместе с папой попали домой. Когда приехали домой, все сидели за столом, ели картошку и говорили, что слаще и вкуснее ничего нет.

В Назарово Мария Фёдоровна вышла замуж за Шнайдера Андрея Богдановича и родила шестерых детей. Её муж также был выслан в Сибирь и мобилизован в трудармию. Он написал стихи о том, каково было там. Стихи Андрея Богдановича опубликованы в газетах «Советское Причулымье» и «Neues Leben».

Много таких похожих судеб, как у Шнайдер (Шмидт) Марии Фёдоровны. И мы не должны забывать об этом. Ведь всё-таки люди должны учиться на чужих ошибках, а не на своих, чтобы в будущем этого не повторилось. Кто знает, может быть, от кого-то из нас будут зависеть судьбы других, ни в чём не повинных людей...

Библиографический список

1. Этноатлас Красноярского края. Немцы. / Гл. ред. Р.Г. Рафиков. – Красноярск, 2008. – С. 50.
2. Материалы архивного отдела администрации города Назарово и Назаровского района / Фонд 14/583. Опись № 1. Дело № 9. – С. 48.
3. Блохин В. Ф. История Отечества в терминах и понятиях / 1999. – С. 148, 369, 378, 513, 521.
4. Немцы России: энциклопедия / В. Карев и др. – М., «ЭРН», 1999. – С. 10-12, 770.
5. Человек в истории. Россия – 20 век / Красноярск, 2008. – С. 22-47.

Вклад А.П. Дульзона в развитие гуманитарных наук

Ю.В. Щеголихина
Томский политехнический университет

Андрей Петрович Дульзон – известный учёный в области гуманитарных наук. Благодарные ученики его (Г.Г. Едиг, О.А. Осипова и др.) написали о нём много прекрасных строк. В предлагаемой статье, имеющей реферативный характер, учтены данные опубликованных материалов об А.П. Дульзоне [1; 2 и др.].

«По семейным преданиям фамильная родословная Дульзона уходит своими корнями в Европу. Предки по отцовской линии, носившие фамилию Doulson, были гугенотами, вы-

ходцами из Южной Франции, которые в середине XVIII века в поисках лучшей доли перебрались в Россию. Предки по материнской линии были немецкого происхождения и проживали под Кёльном. А соединились эти две линии, видимо, на Нижней Волге, где в 1763 году по Манифесту Екатерины II было определено место для поселения иностранных колонистов» [2, С. 5].

К началу XX века потомки Дульзонов жили в селе Краснополье (Прайс). Здесь в большой семье Петра и Маргариты Дульзонов 9 февраля (27 января по ст. стилю) 1900 г. родился шестой ребёнок – мальчик, которого назвали Андреас.

«Семья Дульзонов держалась на суровой воле отца. Сам Пётр Егорович, бывший сельским писарем (а потом – секретарём сельсовета) серьёзно относился к образованию. Видимо, отец повлиял на юного Андреаса и увлёк его тягой к учению и знаниям. В родном селе мальчик закончил народную школу и встал вопрос о его дальнейшем образовании. Пётр Егорович мечтал увидеть сына священником. Но твёрдый отцовский характер передался и сыну: он отказался учиться на священнослужителя и в 13 лет ушёл из дома. Отец недрогнувшей рукой выдал ему «на жизнь» 3 рубля. Так решительность и твёрдость привели подростка в мужскую гимназию в Екатеринштадте (ныне г. Маркс), где он ревностно взялся за учёбу» [2, С. 5-6].

Вскоре началась первая мировая война. Пётр Егорович Дульзон был мобилизован на фронт. В семейном архиве Дульзонов до сих пор бережно хранится фронтовая открытка – своеобразное напутствие отца сыну: «На память Андреасу. Я скоро быть может буду убит. Помни свою обязанность, как хороший сын. Учись прилежно, чтобы сделаться человеком» [2, С. 6]. 19 декабря 1914 года». Слово «человеком» отец подчеркнул. И на этой же открытке – рукой сына много лет спустя выведено одно слово: «Выполнил» [Там же].

В Екатеринштадской мужской гимназии у Андрея Дульзона появились новые друзья Н. Шауфлер, И. Ридель, Ф. Вормсбекер, А. Триппель, А. Крафт, К. Рейш и новые увлечения. Он заинтересовался тайной происхождения различных языков.

Через 5 лет, продолжая учиться в гимназии, А.П. Дульзон начинает свою трудовую деятельность: сначала учителем начальной школы в с. Краснополье, затем преподает химию в г. Зельмане.

Кроме того, он начинает увлекаться археологией. И с 1919 по 1924 гг. А.П. Дульзон, как он сам пишет, «ежегодно организовывал или участвовал в археологических экспедициях в Нижнем Поволжье» [Цит. по: 2, С. 7]. Раскапывая древние захоронения скифов и сарматов, А.П. Дульзон получил первые навыки тяжёлого труда археолога, знания по методике проведения раскопок. Он также задумался над проблемами этногенеза, в частности, над вопросом о роли скифов и сарматов в формировании племён восточных славян. Через два десятилетия уже в условиях Сибири А.П. Дульзон снова обращается к археологии.

В 1923 г. А.П. Дульзон был назначен школьным инспектором Наркомпроса АССР немцев Поволжья. Поездки по разным районам Нижнего Поволжья помогли А.П. Дульзону детально ознакомиться с народным (диалектным) языком, а также с историей российских немцев.

В 1924 г. А.П. Дульзон поступил на физико-математическое отделение педагогического факультета Саратовского государственного университета. Имея возможность посещать лекции выдающегося языковеда Н. Н. Дурново, известного диалектолога Г. Г. Дингеса и др., А.П. Дульзон делает для себя окончательный выбор: он переходит на отделение немецкого языка и литературы этого же факультета. Впоследствии под руководством профессора Г.Г. Дингеса А.П. Дульзон провёл большую работу по сбору анкетного материала в области украинской диалектологии. Результатом этого исследования явилась первая печатная работа А.П. Дульзона по диалектологии «К характеристике украинских говоров Республики немцев Поволжья» (1927 г.) [2, С. 7].

После окончания университета А.П. Дульзон был направлен на работу в Немецкий педагогический институт г. Энгельса. Здесь он проработал с 15 ноября 1929 года по 1 сентября 1934 года сначала лектором немецкого языка, ас-

систентом при кафедре германской филологии, а затем доцентом и заведующим кафедрой общего языкознания и германистики. Одновременно с 1930 г. А.П. Дульзон работал доцентом кафедры германского языкознания Саратовского университета.

В 1931-1932 гг. А.П. Дульзон учился в аспирантуре при Московском научно-исследовательском институте языкознания. По окончании аспирантуры А.П. Дульзон получил звание доцента по общему языкознанию и германистике.

Научную работу А.П. Дульзон талантливо совмещал с обширной педагогической деятельностью. Он работал преподавателем химии, математики, немецкого языка и заведующим немецким отделением рабфака Саратовского университета (1925-1929 гг.), лектором немецкого языка в педагогическом институте в г. Покровске, заведующим этнографическим отделом Центрального музея в Покровске (1930-1931 гг.) по совместительству, руководителем Центрального бюро научного изучения диалектов Наркомпроса (1930-1934 гг. по совместительству) [2, С. 8].

В то же время выходят школьные учебники А.П. Дульзона: I и II части немецкой грамматики (1932 г.), синтаксис (1933 г.), морфология (1938 г.). Для инфаков он выпустил учебные пособия по фонетике, морфологии, синтаксису, орографии (1937 г.) и истории немецкого языка (1939 г.).

В конце 1930-х годов А.П. Дульзон завершил многолетние исследования по немецким говорам Поволжья. Продолжая работать по проблеме смешения диалектов, А.П. Дульзон писал в 1938 году: «Теоретическое значение изучения процессов смешения, происходящих в живой народной речи, огромно: выяснение закономерностей этого процесса, ввиду его важности для суждений об общем процессе языкового развития, является одной из весьма актуальных задач современной лингвистики» [Цит по: 2, С. 9]. Тема докторской диссертации А.П. Дульзона – «Проблема смешения диалектов по материалам говора села Прайс» (1939 г.).

Начавшаяся вторая мировая война внесла изменения в жизнь профессора А.П. Дульзона. Согласно Постановле-

нию правительства СССР А.П. Дульзон и его семья были объявлены спецпереселенцами и отправлены в Томск.

С 1 октября 1941 г. А.П. Дульзон был принят на работу в Томский педагогический институт в качестве профессора кафедры немецкого языка, а с 15 января 1942 г. он стал заведующим этой же кафедры. А.П. Дульзон разработал курсы лекций «Введение в языкознание», «Введение в этнографию», а также приступил к изучению литературы по языкам и истории народов Сибири. Первая историко-археологическая экспедиция на сибирской земле, в которой принял участие А.П. Дульзон, была и первым опытом комплексного изучения небольшого района под Томском. Басандайский комплекс изучали археологи, антропологи, геологи, почвоведы [2, С. 12].

Басандайская экспедиция положила начало научному изучению прошлого Сибири, для А.П. Дульзона она послужила отправной точкой в обосновании необходимости комплексного исследования народов Западной Сибири и их языков. Глубоко осознавая масштабность поставленных задач, имевших мировое значение, А.П. Дульзон со всей присущей ему ответственностью, упорством и трудолюбием начал систематическое, комплексное обследование малых народностей Западной Сибири [2, С. 14].

Он был не только истинным учёным, но и прекрасным педагогом, воспитавшим томскую научную лингвистическую школу.

Кафедра языкознания Томского пединститута под руководством А.П. Дульзона обозначила в 1945 г. в плане своих научно-исследовательских работ проблему этногенеза на территории Западной Сибири. Вопрос о происхождении и развитии главных этнических групп на данной территории – тюрков (томских и чулымских татар), угров (хантов) и самоедов (селькупов) – должен был решаться путём комплексного исследования [2, С. 14].

За 30 лет своей деятельности в Сибири А.П. Дульзон организовал более 80 научных экспедиций.

Передвигаясь в своих поездках по рекам Западной Сибири на лодках, А.П. Дульзон имел возможность собирать

материал по топонимике непосредственно от местного населения, а именно такой материал он считал наиболее убедительным. Таким образом, было выявлено и обработано около 350 топонимов маленьких рек и озёр. Примечательно, что в своих работах по топонимике А.П. Дульzon всегда применял картографический метод, освоенный им ещё в 1930-е гг.

Начавшееся в конце сороковых годов изучение селькупского языка в связи с вопросом существования кетского и селькупского субстратов в чулымско-тюркском языке к началу пятидесятых годов принимает планомерный характер. В 1952 г. экспедиция под руководством А.П. Дульзона проводит изучение туземного населения в Верхне-Кетском, в 1953 году – в Каргасокском районе Томской области. Программа научных исследований предусматривала регистрацию археологических памятников, сбор материалов по этнографии, приобретение или фотографирование различных характерных предметов материальной культуры сибирских этносов [2, С. 24].

В настоящее время материалы по языку и этнографии нарымских остыков (1952-1966 гг.), материалы по селькупскому языку (с 1967 г.), хранятся в лаборатории языков народов Сибири Томского педагогического университета. Они составляют более 40 томов, являются ценными источниками для изучения диалектов селькупского языка, системы родства, этнографических сведений из жизни селькупов, археологических данных и фольклора.

Следует подчеркнуть, что А.П. Дульзон одним из первых осознал насущную необходимость описания и изучения бесписьменных языков малых народностей Сибири. Заслугой А.П. Дульзона является организация системного исследования селькупского языка, которую продолжили и продолжают в настоящее время его ученики и ученики его учеников: Э.Г. Беккер, В.В. Быконя, А.А. Ким, Н.Г. Кузнецова, Ю.А. Морев и др. В 1993-1994 гг. опубликованы словарь селькупско-русский и русско-селькупский, пособие по селькупскому языку и селькупский букварь.

Изучение кетского языка стало эпохой в жизни Андрея Петровича Дульзона. На этот уникальный язык более 100 лет назад обратили внимание языковеды и этнографы. Понимание строя кетского языка чрезвычайно осложнялось изолированностью этого языка, огромным количеством грамматических форм, своеобразным распределением формообразовательных частиц в словаре и совершенно иным осмысливанием фактического материала. Описание кетского языка было обусловлено не только научными интересами, но и должно было служить практическим целям – обучению родному языку кетской молодёжи [2, С. 28].

В 1960-х годах эта небольшая народность насчитывала около 1000 человек и проживала в Туруханском районе Красноярского края по берегам Енисея и его притокам.

Изучая топонимику, А.П. Дульзон пришёл к выводу, что кетоязычные народы являются наиболее древними обитателями юга и средней части Западной Сибири и Красноярского края, т.е. они населяли почти всю Томскую область, всю Кемеровскую область, часть Новосибирской области и часть Красноярского края. Кеты были предшественниками тюрков и самоедов на этой территории.

Заслугой А.П. Дульзона является создание в Томске крупного топонимического центра страны. Специальным исследованиям были подвергнуты хантыйские топонимы (Л.И. Калинина), мансиjsкие (Г.П. Вуоно), кетские (А.П. Дульзон), нганасанские (П.М. Коптелов), селькупские (Э.Г. Беккер), якутские (К.Ф. Гриценко), алтайские (О.Т. Молчанова), эвенкийские (К.И. Юргин), северо-казахские (В.Н. Попова), шорские (М.А. Абдрахманов), русские (И.А. Воробьёва), ненецкие и тувинские топонимы.

В 1968 г. вышел в свет объёмный труд А.П. Дульзона «Кетский язык», за который он был удостоен Государственной премии СССР.

Кетский язык повернул А.П. Дульзона к новой проблеме, логически вытекающей из предшествующего научного опыта учёного: проблеме выявления общностей между раз-

личными языками. Этой проблеме он посвятил последние годы своей жизни [2, С. 35].

Творческое наследие А.П. Дульзона включает более 150 научных работ, полевые дневники экспедиций, археологические и этнографические материалы и др.

Педагогическая деятельность Андрея Петровича Дульзона началась с 1917 г. и длилась 55 лет. Среди публикаций А.П. Дульзона – 17 учебников для средних школ и вузов, 16 журнальных статей по методике преподавания, а также учебники по грамматике, стилистике, фонетике, истории немецкого языка.

Томская научная лингвистическая школа во главе с А.П. Дульзоном была широко известна в нашей стране. Были выполнены и защищены 45 кандидатских диссертаций под его руководством [2, С. 39].

Наряду с научной и педагогической деятельностью А.П. Дульзон занимался большой общественной работой. Много сил он отдал пропаганде изучения древней истории народов Западной Сибири. А.П. Дульзон явился инициатором и организатором проведения Всесоюзных научных конференций по проблеме происхождения аборигенов Сибири и их языков, координатором научно-исследовательских изысканий по комплексному изучению древней истории народов Западной Сибири.

В июле 1972 г. А.П. Дульзон был избран Почётным членом Международного комитета по ономастике, в декабре 1972 г. пришло известие из Финляндии об избрании его членом-корреспондентом Общества финноугроведения.

Научная, педагогическая, общественная работа А.П. Дульзона высоко оценена правительством: он награждён орденами «Знак Почёта» (1961 г.) и «Октябрьской революции» (1971 г.), юбилейной медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970 г.).

Таким образом, обширная деятельность А.П. Дульзона демонстрирует тесный сплав (междисциплинарную связь) полевой лингвистики, диалектологии, истории языка, археологии и этнографии.

Направления в исследовании культуры и истории различных этносов Сибири, заданные им, в настоящее время продолжают развиваться. В частности, в Томском политехническом университете под руководством проф. З.М. Богословской ведётся исследование сохранившихся в Томском регионе немецких говоров.

По воспоминаниям доц. ТПУ А. К. Столяровой, А.П. Дульзон часто говорил на семинарах: «Нет языков престижных и непрестижных. Лингвист должен изучать любое языковое пространство».

Библиографический список

1. Галкина Т.В. Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2003. – 320 с.
2. Галкина Т.В., Осипова О.А. А.П. Дульзон к 95-летию со дня рождения. – Томск, Изд-во Томского государственного педагогического университета, 1995. – 73 с.

РЕЦЕНЗИИ. ИНФОРМАЦИЯ

**Рецензия на книгу Ольги Лабуды
“RUSSLANDDEUTSCHE SPRACHVARIETÄTEN
DES MITTLEREN URAL. MORPHOSYNTAKTISCHE
PHÄNOMENE“ (IDS, AMADEUS, BAND 34. –
MANNHEIM, 2009. – 290 S.).**

Дятлова В.А.

*Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

В последнее время значительно активизировалась деятельность по изучению диалектов российских немцев. Если посмотреть на географию научных диалектологических исследований 20 века, то картина предстает следующая: Волга, Ленинград, Сибирь (Омск), Алма-Ата. Позднее появились исследования по немцам Красноярского и Алтайского краев, Томской области. Сегодня география исследований немецких диалектов значительно расширилась. Сюда присоединилась Кировская область, Удмуртская Республика и вот появился новый центр – Свердловская область и г. Екатеринбург.

Кроме многочисленных научных статей опубликованы монографии по немецким диалектам Алтая, Томска, Вятки. Теперь появилась и работа по немцам Свердловской области (опубликована на немецком языке в Германии). Автор – Лабуда Ольга (бывшая Тренина) – занимается с 90-х годов данной проблемой.

Представленная книга – это опубликованная диссертация, защищенная в 2007 г. на факультете философии университета г. Мангейма. Научный руководитель (Doktorvater) профессор Людвиг Айхингер (IDS Mannheim).

Исследуемые диалекты относятся к западносредненемецкой группе с остатками гессенского и пфальцского диалектов (25 информантов); 2 информанта говорят на диалекте с признаками восточносредненемецкого и франкского; у 3 информантов трудно определить диалектную принадлежность (смешанный характер).

Главной целью проведенного исследования автор считает выяснить:

1) что сохранилось от грамматической системы собственно диалекта;

2) насколько контакт с русским языком оказал влияние на морфосинтаксис языковых вариантов российских немцев Урала; при этом морфосинтаксические особенности рассматриваются в сравнении с соответствующими диалектами Германии, а также с точки зрения истории языка.

Книга состоит из 7 глав:

- В первой главе дается историко-демографическое описание немцев Среднего Урала;
- Вторая глава содержит краткую информацию о состоянии научного исследования диалектов российских немцев. Основное внимание при этом уделяется результатам морфосинтаксических исследований;
- Третья глава посвящена описанию методов и материала исследования, а также вопросам транскрипции;
- В четвертой главе дается подробная социолингвистическая характеристика информантов;
- Пятая, шестая и седьмая главы анализируют морфосинтаксические особенности языковых вариантов российских немцев.

Книга включает библиографический список и приложение, состоящее из таблицы информантов, отрывков диалектных текстов и карт России, Среднего Урала и Свердловской области. Общий объем монографии – 290 страниц. В приложении в таблице «Социолингвистическая характеристика информантов», помимо общих вопросов (шифр информанта, возрастная группа, год и место рождения, образование и т.д.) включен новый вопрос по передвижению во

время и после войны. Интересным, на наш взгляд, является также деление на возрастные группы информантов:

- 1 – год рождения 1911 – 1920 (5 ч-к),
- 2 – год рождения 1921 – 1930 (7 ч-к),
- 3 – год рождения 1931 – 1940 (15 ч-к),
- 4 – год рождения 1941 – 1950 (3 ч-ка).

Анкета-интервью состоит из 2-х частей: социо-демографических данных об информанте и данных по языковой компетенции информантов (*Welche Sprache ist Ihre Muttersprache? Welche Sprache können Sie am besten sprechen? Wo haben Sie Deutsche gelernt? Wie gut können Sie Deutsch schreiben?* и др.), включая шкалу самооценки: *gar nicht, schlecht, mittelmäßig, gut, sehr gut*.

Выбор частей речи и языковых явлений для анализа базируется на частотности употребления и на ярком противопоставлении по сравнению с литературным языком: глагол, существительное, местоимение, апокопирование, словообразование, artikel, предлоги, союзы придаточных предложений, сравнительные частицы, инфинитив, отрицание, временные формы, пассив, место глагола в предложении, порядок слов в nominalной фразе, начало предложений. К наиболее значимым результатам автор относит: 1. глагол (исчезновение претерита, образование причастия II слабых глаголов по типу сильных глаголов, отсутствие преломления и умлаута при спряжении сильных глаголов в презенсе единственного числа, специфика употребления возвратного местоимения *sich* «сь/себя»); 2. существительное (тенденция к образованию так называемого «общего» падежа с вариантами/остатками винительного падежа, иногда дательного, потеря маркировки падежа); 3. местоимение (многообразие вариантов местоимений, тенденция к потере падежа, влияние русского языка на появление конструкций: *wir + mit j-m + sein, bei + Personalpronomen im Dat. + sein*, употребление формы *Ihr* в качестве вежливой формы, употребление формы *sein* вместо *ihr*); 4. апокопирование (апокопирование – типичное явление как для диалектов, так и для разговорного языка, апокопированию подвергаются все ис-

следуемые части речи (окончание, образование множественного числа, суффикс инфинитива), благодаря апокопированию исчезает такая категория имени существительного, как категория числа); 5. словообразование (исконо диалектные элементы сохраняются: префиксы ge-, ver-, er-, суффиксы -le, -chen, в сложных образованиях встречаются русские и диалектные элементы вместе: *Mebelarbeit, Malinettee, Krautpirog, Krankbol'nic, Ziegelzavod*); 6. артикль (автор фиксирует 6 случаев отклонений в употреблении артикла под влиянием русского языка и, отчасти, из-за слабого знания диалекта); 7. предлоги (рассмотрены особенности употребления 3-х предлогов: bei, auf, für (исходя из частотности), зафиксированы отклонения от нормы как в семантике, так и в управлении предлогов, наблюдаются колебания в употреблении падежа); 8. союзы придаточных предложений (введение придаточных предложений с помощью союзов wo, wenn, wann, wie); 9. сравнительные частицы (специфика в употреблении частиц wie, als wie); 10. инфinitив (инфinitивные конструкции мало употребительны, замена инфинитивных конструкций придаточными предложениями с dass или простыми предложениями, частица zu, как правило, опускается); 11. отрицание (типичным явлением становится полинегативность); 12. временные формы (употребление аналитического презенса с глаголом tun, появление двойного перфекта, почти полное исчезновение претерита); 13. пассив (малая употребительность форм пассива, большая частотность использования неопределенноличных предложений); 14. место глагола в предложении (нарушение рамочной конструкции, употребление глагола на первом месте в повествовательных предложениях, употребление глагола на втором месте в придаточных предложениях); 15. порядок слов в номинальной фразе (место прилагательного/определенения и притяжательного местоимения после определяемого существительного); 16. начало предложений (оформление начала предложения частицами und, vot, nu, порядок слов обусловлен также спецификой оформления начала предложения).

В конце книги автор подводит итоги работы:

- две причины, вызывающие изменения, выдвинутые в начале работы по поводу происхождения исследуемых явлений – диалект или влияние русского языка – нельзя рассматривать как диаметрально противоположные;
- большинство языковых явлений являются по происхождению диалектными и усилены за счет аналогичных процессов русского языка (полинегативность и др.); речь идет в данном случае о таком явлении как “Häufigkeitswandel” (термин Н.Беренд);
- зафиксировано большое количество явлений, вызванных действием русского языка, которое можно дополнить при дальнейшем более тщательном исследовании (вежливая форма с Ihr, изменение значений и употребления предлога bei и др.);
- часть явлений носит исконно диалектный или разговорный характер, подтверждается историческим развитием немецкого языка (апокопирование, появление двойного перфекта, исчезновение генитива и др.), является тенденцией развития немецкого языка.

В заключение хочется отметить, что данная книга пополняет исследования в области морфологии и синтаксиса немецких диалектов России. Вызывает уважение тщательность и скрупулезность проведенного анализа и систематизации собранного материала. 584 примера, приведенные в качестве доказательств тех или иных явлений, служат достаточным основанием для сделанных автором выводов.

Сведения об авторах

1. **Александров Олег Анатольевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Института международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета alexdroff@sibmail.com
2. **Байкова Ольга Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров) olgabaik1966@mail.ru
3. **Беккер Роза Яковлевна** – учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 9 с углубленным изучением отдельных предметов (г. Назарово, Красноярский край), scool9@mail.ru
4. **Блинова Анна Николаевна** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора исторического музееведения Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук anblinova@mail.ru
5. **Бобровская Елена Васильевна** – председатель Красноярской региональной общественной организации «Немецкое национальное культурное общество» avtonomia@mail.ru
6. **Богословская Зоя Матиновна** – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Института международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета
7. **Везнер Наталья Николаевна** – научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурыологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского wezner_natalia@mail.ru
8. **Герлиц Мария Андреевна** – ученица средней общеобразовательной школы № 9 с углубленным изучением отдельных предметов (г. Назарово, Красноярский край)
9. **Дятлова Валентина Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гер-

- манских языков и МКК факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева dva-krsk@yandex.ru
- 10. Конева Евгения Викторовна** – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Института филологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан) evguenia@khakasnet.ru
- 11. Костомаров Петр Иванович** – аспирант, кафедра иностранного языка в области техники и технологии Томского политехнического университета petrkost@yandex.ru
- 12. Криворотова Ксения Валериевна** – преподаватель кафедры немецкого языка Института международного образования и языковой коммуникации Томского политехнического университета evsevia@list.ru
- 13. Ланг Анна Петровна** – студентка немецко-английского отделения факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
- 14. Лоевская Анна Владимировна** – студентка Института филологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан) loevskaya_anna@mail.ru
- 15. Любочкино Мария Алексеевна** – старший преподаватель кафедры делового иностранного языка экономического факультета Института экономики, управления и природопользования Сибирского Федерального университета (г. Красноярск) marijkas@mail.ru
- 16. Майснер Дарья Владимировна** – ученица средней общеобразовательной школы № 9 с углубленным изучением отдельных предметов (г. Назарово, Красноярский край)
- 17. Нестерова Екатерина Николаевна** – студентка Технологического института пищевой промышленности (г. Кемерово) foreign@kemtipp.ru
- 18. Обухова Ольга Николаевна** – аспирант, факультет иностранных языков Глазовского Государственного педагогического института им. В.Г. Короленко obuchova.75@mail.ru

19. **Орехова Наталья Николаевна** – профессор, доктор филологических наук Государственного педагогического института им. В.Г. Короленко norekhova1@rambler.ru
20. **Первушина Елена Николаевна** – учитель истории, руководитель школьного музея Балахонской средней общеобразовательной школы (Козульский район Красноярского края) balascool@yandex.ru
21. **Рубен Альбина Анатольевна** – учитель немецкого языка Березовской основной общеобразовательной школы (Ачинский район Красноярского края) nichtnursondern@mail.ru
22. **Сагина Валентина Ильинична** – ассистент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева saginavalentina@mail.ru
23. **Скородумова Ирина Александровна** – студентка немецко-английского отделения факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева irina-skorodumov@mail.ru
24. **Смоля Марина Сергеевна** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул) sms_79.79@mail.ru
25. **Степанов Михаил Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан) StepanowM@yandex.ru
26. **Трубавина Нина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул) knjas@uni-altai.ru
27. **Филиппова Юлия Фёдоровна** – учитель немецкого языка гимназии № 4 (г. Канск, Красноярский край) Weide2@yandex.ru

- 28. Халимова Екатерина Владимировна** – студентка Технологического института пищевой промышленности (г. Кемерово) foreign@kemtipp.ru
- 29. Шмикк Светлана Андреевна** – ученица средней общеобразовательной школы № 9 с углубленным изучением отдельных предметов (г. Назарово, Красноярский край).
- 30. Щеголихина Юлия Викторовна** – преподаватель межфакультетской кафедры профессионального иностранного языка факультета естественных наук и математики Томского политехнического университета julia-tschech@yandex.ru

ФОТОГРАФИИ СЕМИНАРА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
О.А. Александров	
Опыт лингвогеографического анализа лексического состава немецкого говора Томской области	7
Альмяшова Л.В., Нестерова Е.Н., Халимова Е.В.	
К вопросу о личных именах этногруппы «Российские немцы»	14
О. В. Байкова	
Методика исследования немецких диалектов на территории Кировской области	23
А.Н. Блинова	
Методика описания и каталогизации музеиных экспонатов немецких коллекций	29
А.Н. Блинова	
З.М. Богословская, К.В. Криворотова	
Методика сбора материала по этнографии детства	35
Использование этнографических параметров при воссоздании концепта дом в немецкой народной (диалектной) картине мира	43
Н.Н. Везнер	
Методика фиксации и описания этнохореографического материала	50
М.А. Герлиц, Р.Я. Беккер	
История и судьбы Назаровских немцев	56
В.А. Дятлова	
Полевая лингвистика и отечественная немецкая диалектология	62
Н.А. Ермякина	
Из опыта применения методов полевой лингвистики для исследования синтаксических структур островных диалектов	70
Е.В. Конева, А.В. Лоевская	
Проблема этнической и культурной идентичности в социальной действительности республики Хакасия	76

П.И. Костомаров	
Поиски эффективных способов сбора и анализа материала языка личности.....	83
М.А. Любочкин	
Методы полевой лингвистики при работе над синтаксическим строем диалекта: опыт анкетирования	89
Д.В. Майнер, Р.Я. Беккер., Е.В. Коваленко	
Репрессии августа-сентября 1941 года немцев Поволжья на конкретном примере отдельной семьи:	
Другая жизнь в Сибири	101
Н.Н. Орехова, О.Н. Обухова	
Полевые исследования говоров глазовских немцев: наблюдения и результаты	108
Е. Н. Первушина	
История и культура немцев села Балахтон Красноярского края в экспозициях школьного музея	115
А.А. Рубен	
Из опыта работы школьного музея по истории и культуре немцев Ачинского района Красноярского края	123
Сагина Валентина Ильинична	
К вопросу о методике работы по сбору диалектного языкового материала (из опыта диалектологических экспедиций).....	133
И.А. Скородумова, А.П.Ланг	
Анкетирование как одна из форм социодемографического опроса информантов (на материале жителей немецкой национальности гг. Уяр и Курагино Красноярского края) ...	140
Т.Б. Смирнова	
Методы сбора материалов по немецкой традиционной обрядности в этнографических экспедициях.....	151
М.С. Смоля	
О методике проведения диалектологических экспедиций и методах работы с информантами	156
М.Г.Степанов	
Депортация немецкого населения в Сибирь в период великой отечественной войны: историографический аспект проблемы	163

Н.В. Трубавина

- Анкета для описания особенностей синтаксиса сложного предложения в островных немецких говорах 174

Ю.Ф.Филиппова

- Методика сбора лингвокультурологического и этносоциологического материала в условиях этнографической экспедиции в г. Канске и Канском районе Красноярского края..... 177

С.А. Шмикк, Р.Я. Беккер

- Без вины виноватые 185

Ю.В. Щеголихина

- Вклад А.П. Дульзона в развитие гуманитарных наук 189

РЕЦЕНЗИИ. ИНФОРМАЦИЯ**Дятлова В.А.**

- Рецензия на книгу Ольги Лабуды “Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural. Morphosyntaktische Phänomene“ (IDS, Amadeus, Band 34. – Mannheim, 2009. – 290 S.) 198
- Сведения об авторах 203

ФОТОГРАФИИ СЕМИНАРА

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
ОСТРОВНАЯ НЕМЕЦКАЯ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

*Материалы Всероссийского
научно-практического семинара*

Красноярск, 28–30 октября 2009 г.

660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89.

Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 211-01-25

Подписано в печать . Формат 60x84 1/16.
Тираж экз.
Отпечатано ИПК КГПУ, т. 2-114-800

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ОБРАЗЕЦ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ОБРАЗЕЦ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ОБРАЗЕЦ